АРТЕМИЙ
ЛУКЬЯНЕНКО
АНКЕР

Annotation

Жила в Москве ученица одиннадцатого класса Александра, для друзей — Алекс. Заканчивала школу и была уверена, что она — самая обычная девушка…

Но вы же догадываетесь, что это не так?

Если тебя хотят похитить, то для этого должна быть причина. Если пытаются убить — тем более.

Но уж если начинают спасать — то это повод испугаться всерьёз.

Артемий Лукьяненко
Анкер

Глава 1. Сошедшая с путей

Створки дверей вагона резко сомкнулись, хищно клацнув друг о друга. Голос машиниста из динамиков под потолком невнятно забормотал о станциях, закрытых на ремонт, и о том, что поезд будет двигаться медленнее.

Я быстро сделала шаг внутрь вагона. Когда-то в детстве я была ужасной трусихой, боялась, что меня прижмёт дверью и придётся бежать за поездом метро как в мультике — голова внутри, а ноги снаружи. В семнадцать лет бояться такого глупо, но я всё равно не люблю стоять у самых дверей, а уж тем более прижиматься к ним. Для себя я решила, что мне не нравится смотреть на своё отражение: худощавая, лицо самое заурядное, стрижка простецкая. В общем, ничего примечательного.

Но в глубине души я подозревала, что так и осталась той глупой девочкой, которая боится влипнуть в неприятности на ровном месте.

Я исподлобья оглянулась — не заметил ли кто-нибудь мой испуг? На меня никто не смотрел, пассажиры выглядели погруженными в свои мысли.

Но что-то беспокоило взгляд, хотя что именно, сказать было трудно. Офисные работники, деревенского вида бабульки, три молодые девушки, стоящие в начале вагона, мальчуган лет семи, виснущий на жилистой руке женщины предпенсионного возраста — все выглядело буднично, но я не могла избавиться от тревожного чувства где-то глубоко внутри.

Поезд тронулся, слегка покачиваясь и набирая скорость. Здесь, ближе к окраинам города, перегоны между станциями длинные, а пути не такие ровные, как в центре. Обычно я ворон не ловлю, но сейчас оказалась слишком задумчивой, а стоило вагону нырнуть в пасть туннеля, как его качнуло влево. Я потеряла равновесие, меня отбросило в сторону, однако чья-то цепкая рука схватила меня за плечо и предотвратила падение. Подняв голову, я увидела высокого, прямого как жердь пассажира лет тридцати, одетого в поношенный костюм из твида. То ли редкая у нас ткань, то ли очки в старомодной толстой оправе, то ли костлявое сдержанное лицо придавали пассажиру вид английского джентльмена.

В Москве, конечно, каких только фриков не встретишь, но такие всё же редкость.

— Извините…

— Будьте внимательней, — мужчина поправил съехавшие очки. Он и говорил словно джентльмен из кинофильма, — Так можно получить преждевременную травму.

— Спасибо, — выдавив благодарность, я отошла в сторонку, к девушкам. Похоже, это были студентки, возрастом чуть старше меня. Они стояли рядком, одной рукой держась за поручень, а в другой руке держа открытые толстые тетради. На плечах у них болтались одинаковые кожаные сумки на ремне. В следующем году и я так буду ездить, уткнувшись в учебники или тетради… если поступлю, конечно.

Студентки на меня даже не взглянули, продолжая пялиться в свои конспекты.

Постойте-ка! Я краем глаза зыркнула в открытую тетрадь ближайшей девушки, и увидела, что та сосредоточенно изучает совершенно пустую страницу, а взгляд ее пугающе бессмыслен. Сердце ёкнуло и забилось чаще.

Что со мной? Подумаешь, смотрит на пустую страницу. Какое мне дело? Наверняка повторяет текст, записанный на предыдущей странице, или задумалась о чем-то интересном! Конечно, существуют миллионы причин для такого пустого взгляда.

Ведь так?

Поезд спешил вперед, и свет из окон разгонял тьму подземных лабиринтов. Размеренный стук колес, поскрипывание лямок для рук, шуршание туфель о грязный пол…

Я достала из сумки телефон и набрала сообщение матери. Мол, все хорошо, жива-здорова, уже в метро, еду домой, ждите. Дождавшись значка «прочтено» и последовавших за тем двух веселых смайликов с поцелуями, я улыбнулась, надела проводные наушники и включила недосмотренный вчера вестерн (беспроводные наушники, конечно, круче, но у меня уши, видать, не той системы, потому что наушники постоянно норовят выскользнуть и потеряться). Может быть старый фильм с Клинтом Иствудом и не самый обычный выбор для ученицы одиннадцатого класса, но мне эти неспешные истории нравились. Какие-то они настоящие, все персонажи на своём месте…

Стоп! Я нахмурилась, продолжая смотреть в экран, на мужественное лицо «Блондина». Вот что меня смутило в вагоне! Все пассажиры вроде как обычные, но если собрать их вместе и задуматься…

Почему девушки-студентки так сосредоточенно читают лекции, ведь учебный день закончился, они должны ехать из института? Откуда целая группа бабушек, одетых так, словно они приехали из глухой провинции? А этот «англичанин» в твиде что тут делает? Ну а мужчины в офисных костюмах? Те офисы, где так строго одеваются, обычно в центре города, а не на окраине. И даже мальчик со своей мамой ведёт себя странно — не бухтит, требуя телефон, не ковыряется в носу, не занят прочими глупыми детскими делами.

Они все — как типажи из фильма. «Бабушки», «студентки», «клерки»…

Ерунда какая-то.

Я вздохнула и постаралась выкинуть странную публику из головы. Едут и едут себе, я тоже со стороны могу выглядеть странно — высокая сутулая девушка, которая старается не встречаться ни с кем взглядом. Все люди разные.

День идёт своим чередом: через полчаса пересяду на красную ветку, проеду две остановки и выйду. Бегом вверх по эскалатору, светофор, пять минут пешком — и я дома, вне городской суеты, в домашнем тепле и уюте.

Поезд вновь тряхнуло. Смахнув упавшие на лоб волосы, я неожиданно для себя обнаружила в конце вагона белобрысого тощего человечка, на вид хрупкого и болезненного. В руках у него был малярный валик на длинной штанге, который он окунал в ведерко с клеевым раствором у ног, под мышкой свернутый рулоном плакат.

При виде очередного странного пассажира холодный ком встал у меня в горле. Я готова была поклясться, что, когда садилась, расклейщика в вагоне не было! Впрочем, так ли я в этом уверена? Как бы иначе он тут очутился?

Переспорив саму себя, я решила, что просто-напросто не заметила его среди пассажиров.

Тип тем временем пачкал стенку клеем, попутно придерживая локтем плакат. Вот наглость! В будний день? В движущемся вагоне? И никто его не остановит?

Расклейщик, словно прочитав мои мысли и вздумав позлить меня, решил, что места на стенке ему недостаточно и нанес толстый слой липкой белой кашицы на стекло. Стекло! Пассажиры соседнего вагона (я зашла в первый, мне так ближе к переходу) с изумлением наблюдали за его действиями. Длинноволосый парень моих лет поднял телефон и теперь со смехом снимал, беззвучно комментируя происходящее. Небось прямо в сеть стримит.

Но мне было не до смеха. Всё казалось каким-то странным, не как всегда…

Спокойствие! Чего ты пугаешься, трусиха? Ну клеит себе и клеит, он ведь не мне на

спину плакат лепит, так? Я невольно придвинулась обратно к дверям, чтобы на следующей остановке выйти и пересесть в другой вагон. И лучше на него не смотреть, не привлекать внимание…

Но отвести взгляд от расклейщика оказалось нелегко. Парадокс! То, что пугает, одновременно завораживает до глубины души.

Расклейщик тем временем замазал клеем всё стекло и с довольной улыбкой окинул взглядом пассажиров, будто призывая отреагировать.

Так этот тип пранкер! Что-то постановочное было в его движениях, словно он был частью представления и играл свою в нем роль. А приятель его снимал из соседнего вагона, наверное, и в нашем кто-то тихонечко выкладывает стрим в сеть.

Таким сейчас быть модно. Это я не люблю быть в центре внимания, а другие без этого жить не могут. Ходить по краю крыши, распевать посреди толпы, изображать больных или сумасшедших… всё ради хайпа и лайков.

Завороженная, я наблюдала, как белобрысый парень в кепке козырьком назад прислоняет валик к сидению, подносит и наклеивает плакат, разравнивает его по центру, подгоняет по углам, разглаживает аккуратно складки. Стекло в соседний вагон оказалось полностью залепленным, отчего будто бы стало темнее и помещение приобрело сходство с могилой или склепом…

Я замотала головой, выбрасывая жуткие ассоциации. Кому в нормальном уме может прийти идея сравнивать просторный и хорошо освещённый вагон с могилой? Со мной точно что-то не так, нужно рассказать обо всем маме!

На плакате крупным планом был изображен толстый мужчина в синем с золотыми звёздами головном уборе, похожем на колпак сказочного звездочета. У него был слишком широко разинутый рот, узкие, как у свиньи, щелочки глаз, непропорциональное пузатое тело, яркие, но нелепые одежды.

Смысл нарисованного пониманию не поддавался. Карикатурный человечек с плаката держал в пухлых руках бутерброд из десятка разноцветных плиток, щедро смазанных чем-то сиреневым, и пытался заглотить его целиком. У него ничего не получалось, но упрямец продолжал рвать губы, изо всех сил разевая рот.

Вторым персонажем на плакате была девушка. Она величественно нависала над уродцем, волосы ее были ослепительно белы, глаза сияли праведным гневом. Легкие светлые одежды приятно отличались от аляповатых тряпок человечка. Девушка схватила толстяка за шиворот: тот изгибался, как червяк, но с ослиным упрямством продолжал свой сизифов труд.

Я хмыкнула. Надо же! Казалось бы, обычный плакат, а как цепляет взгляд! Рекламщики постарались на славу: толстяк вызывал раздражение, девушка восхищение. Такие картинки рисовали когда-то для военных плакатов, а потом для политических карикатур.

Присмотревшись, я увидела внизу плаката аккуратную надпись, выведенную красными печатными буквами: «Ваши Дни Сочтены».

И вдруг почувствовала неприятный холодок в районе шеи. К горлу вновь подступила тревога. Я боязливо огляделась и вскрикнула, не веря собственным глазам: сидящие в поезде оказались абсолютно голыми — от офисных клерков до бабульки с ребёнком! Мне полагалось бы испытать смущение, особенно при виде клерков. Но выглядело происходящее так жутко, что никакой неловкости не возникло, страх не оставил для неё места. Особенно учитывая, что все пассажиры смотрели на меня широко раскрытыми глазами — не моргая и

не издавая при этом ни звука. Глаза их стали густо-белыми, без зрачков, и словно бы даже мерцали изнутри хищным светом.

В растерянности я торопливо провела рукой по бедру — я-то сама одета?

Да, под пальцами оказалась джинсовая ткань. Наверное, если бы я и сама оказалась голой, то принялась бы вопить не переставая.

Твидовый джентльмен и расклейщик были единственными, кто остался в одежде, и я невольно уставилась на них. Наверное, потому и уловила, как твидовый снял с руки перчатку и быстро взмахнул кистью.

Одна из лампочек на потолке мигнула и погасла. Следом за ней, одна за другой, потухли остальные. Нахлынула тьма, в которой потонули даже светящиеся глаза пассажиров. Что-то хлопнуло в конце вагона. По железным бокам поезда внезапно забарабанило — звуки быстро приблизились и вдруг затихли, — словно некто передвинулся по металлу снаружи.

Но ведь это невозможно!

На мгновение мне почудилось, что мимо меня тоже кто-то прошел, но я не смогла ни закричать, ни шелохнуться — таким лютым был сковавший меня холод. Пока я боролась с отказавшимся повиноваться телом, лампочки разом зажглись.

Никто на меня не смотрел, никого рядом со мной не было, никаких затруднений в движениях я не испытывала. Пассажиры по-прежнему смотрели прямо перед собой самым обычным, скучающим взглядом, притом на них были строгие офисные костюмы, модные футболки, пиджаки, платья, джинсы — словом, они *были одеты*.

Но кое-что изменилось. Я подавила готовый вырваться крик и отшатнулась к двери в кабину машиниста. Дверь в противоположном конце была открыта, остальные вагоны исчезли. Блестели убегающие во тьму ниточки рельсов, порывы ветра трепали волосы и платки по-прежнему невозмутимых бабушек. А еще пропал расклейщик! Неужели выпал, пока не было света и вагоны отцепились? Какой ужас!

— На помощь! — я забарабанила в дверь, но, вспомнив о навесной рации, нажала на зеленую кнопку и заорала: — Машинист, остановите поезд! Человек упал!

Немилосердный толчок прервал мои крики. Раздался жуткий скрип металла о металл — это тормозные колодки внезапно ударили по колесам. Состав (если наш первый вагон можно гордо называть «составом») начал стремительно сбрасывать скорость, и торможение было соответствующим: меня с силой вжало в дверь машиниста. Открытая дверь в конце вагона с грохотом захлопнулась, наклеенный на стекло плакат перекосился и сполз к самому полу.

Как ни странно, никто не упал, никто не навалился на меня — все стояли и сидели, вцепившись в поручни. Наконец, поезд остановился полностью, словно повинуясь моим словам, динамик на стене зашуршал, готовясь разразиться объявлением.

Держась за поручень, я переступала с ноги на ногу. Все держались удивительно спокойно, будто каждый день ездят в поездах, разваливающихся и останавливающихся посреди туннеля. Студентки опустили конспекты и смотрели на меня, словно бы с жадным интересом. Выглядели они уверенными в себе, и я невольно искала в них поддержку. Может спросить, не мерещилось ли им, что все вокруг лишились одежды? Я сделала несколько робких шагов в их сторону.

Под ногами чавкнуло.

Я опустила взгляд и увидела стремительно растекающуюся темно-красную лужу, лижущую подошвы новеньких туфель. Из-за небольшого уклона туннеля жидкость текла вниз по линолеуму, огибая фантики и редкий сор. Одни ручейки змеились между ногами

бесстрастных пассажиров и утекали через просветы в дверях, другие преодолевали весь вагон и добирались до плаката.

— Какого черта! — я отступила от истекающей кровью кабины машиниста, судорожно стискивая сумку с учебниками. Люди как-то ловко разошлись в стороны, и я оказалась посреди вагона одна, — Это кровь?!

— Дамы и господа! — раздался весёлый голос под потолком, — По биологическим причинам поезд дальше не идет, — на последнем слове динамик захлюпал и разразился кровавым потоком: кровь струилась через решетку и ручейками стекала на линолеум.

— Твою мать! — я отпрянула, в ужасе смотря по сторонам. Плохо соображая, выхватила из кармана телефон, собираясь звонить в службу спасения, но пальцы дрожали, и я дважды нажала не туда. Стоило мне набрать первую правильную цифру, как джентльмен в твидовом костюме, неожиданно очутившийся у меня за спиной, ловко выхватил трубку и сухо заметил:

— Ябедничать нехорошо.

Играючи оттолкнув меня, когда я попыталась вернуть мобильник, он бросил телефон в открытую форточку. Экранчик блеснул в неровном свете ламп и утонул в чернильной темноте.

Дверь в кабину машиниста скрипнула и приоткрылась, и из нее вышел… расклейщик! За спиной белобрысого я увидела остатки разбитого вдребезги окна, а в кресле машиниста раскисла жуткая, лишь слегка напоминающая человека масса.

Насвистывая какой-то веселый мотив, расклейщик перекинул алого цвета валик через плечо и вразвалочку направился в мою сторону. Напуганная до чертиков, я судорожно вцепилась в твидового джентльмена и едва не повисла у него на рукаве. Теперь он казался мне самым вменяемым из всех, несмотря даже на выброшенный телефон.

— Пожалуйста, объясните, что происходит? — в голосе предательски прорезались слезы, — Почему мы остановились? Что здесь творится?

— Тихо! — шикнул на меня джентльмен, доставая из кармана что-то блестящее, в чём я с ужасом опознала наручники, — Терпеть не могу подростков, а уж как я ненавижу *особенных подростков!*

— О чем вы? — я кинулась к пассажирским дверям и попыталась их открыть, но зажимы держали крепко, — Откройте, слышите? Выпустите меня!

— Ишь, раскричалась, — ворчливо забормотала бабка, сидевшая в двух шагах, — Слезы в голос пустила, помощи ждет. Вот у нас помет никогда не показывает эмоций на глазах у старших, сами решают свои проблемы и потому быстро взрослеют.

Сидящие рядом с ней пассажиры разразились согласными кивками и поддакиванием. Апатию, царящую в вагоне при моем появлении, у всех как рукой сняло, настолько преобразились молчаливые клерки и сонные бабуси после аварийной остановки. Все пришло в движение: на меня нацелились указательные пальцы, посыпались бранные слова, глаза пассажиров загорелись ненавистью.

— Молчать! — джентльмен в твидовом костюме взмахнул тростью и ударил по руке старухи. Кость хрустнула, и старушка взвизгнула. Все мельтешащие руки тотчас вернулись в свои карманы.

— У вас нет полномочий разглагольствовать, — произнес расклейщик жестко, — вас позвали для массовки. Может, мне и вас покрасить?

— Спасибо, Ирис, — твидовый достал из кармана пальто наручники и подал их расклейщику. — Надень их, и пошли скорее. Скучное местечко, никогда его не любил.

Белобрысый парень поклонился:
— Слушаюсь.

Глава 1, часть 2

Я, похоже, все это время пятилась, потому что уперлась в противоположную стенку вагона и ощутила под ладонями холодный глянец плаката. Кроме твидового джентльмена и расклейщика все смотрели на меня с плохо скрываемой злобой. Выронив школьную сумку, которую стискивала все это время, я задёргала замок, надеясь выпрыгнуть. Но дверь не поддавалась, я только измазалась в остатках клея.

— Тебе не скрыться, — расклейщик резко выгнул мне руки за спину и надел на них наручники.

Поверить не могу, самые настоящие наручники! Что я им сделала?

— Но даже услышь тебя кто-нибудь, приди на помощь и вырви из наших рук — что дальше? К маме побежишь? Соседние станции под наблюдением, далеко не уйдёшь.

Голос у белобрысого был спокойным, убедительным и даже вразумляющим, словно у терпеливого преподавателя. Почему-то это меня завело, я стала дёргаться, пытаясь вырваться из его рук.

Твидовый раздраженно вздохнул и нетерпеливо бросил:

— Усыпи ее, а то при нырке брыкаться будет.

— Усыпить? — расклейщик нахмурился, — Но я не взял раствор!

— Идиот, — твидовый прикрыл руками глаза, — Тогда просто выруби ее, не убивая.

— Это какая-то ошибка! — прошептала я в ужасе, — Зачем я вам?

— Лучше расслабься, анкер, — расклейщик осклабился, занося руку для удара. — Мне надо ударить очень аккуратно, понимаешь?

— Не надо! — в моем голосе зазвенело отчаяние, — Вас… вас по-посадят!

Белобрысый зашелся хохотом. Твидовый ничего не ответил, лишь отвернулся, будто смотреть ему наскучило. Я же рухнула на колени, уже не отдавая себе отчета в происходящем, отчаянно желая потерять сознание и не видеть весь этот кошмар.

И в этот миг в дверь вагона настойчиво постучали.

Взгляды пассажиров обратились на звук, даже расклейщик замер, не довершив удара, и с возмущенным видом зыркнул на закрытые двери. Ворчливая бабка, собравшаяся было что-то буркнуть, под гневным взглядом твидового обмякла и продолжила баюкать свою покалеченную руку.

— Что еще? — прошипел расклейщик, — У меня крайне деликатная задача не убить девчонку, нельзя ли не мешать?

— Кто тут из Мийра? — твидовый зевнул (он, похоже, здесь всем заправлял), — Идите и проверьте!

Три девушки с конспектами приблизились к дверям вагона. Одна из них посмотрела в окно.

— Никого нет, — пожала она плечами, — Крысы?

Стук повторился. Расклейщик негодующе взмахнул валиком.

— Откройте уже двери! И убейте того, кто снаружи!

Невзирая на шок, я еще не утратила понимания ситуации и отдавала себе отчет в том, что за дверью могут очутиться те, кто меня спасет. Лже-пассажиры явно не ждали гостей, и за показной беспечностью крылась тревога. Выходит, они чего-то или кого-то боятся.

Одним словом, я во все глаза наблюдала за происходящим, позабыв на время о своём

незавидном положении. Да чего уж там, все глазели на двери: кто вытянул шею, силясь хоть краем глаза увидеть гостя, кто приподнялся, кто потеснил соседа.

Первая девушка небрежно вытащила из сумки кинжал в локоть длиной, вторая достала из своей сумки длинноствольный револьвер, вроде того, с которым в фильме ходил Клинт Иствуд и взвела курок. Обе схватились за двери с двух сторон, кивнули друг другу и разом налегли на них. Третья, их напарница, стояла прямо посередине. Она повела тетрадью — и из страниц в ладонь ей скользнуло несколько тонких металлических полосок, явно очень лёгких и острых. Она не глядя, привычным движением, зажала их между пальцами, а руку завела за спину.

Засовы лязгнули, двери шумно распахнулись и слетели с пазов. Вагонные лампы осветили пространство сбоку от поезда, выхватив из темноты силуэт. Это был парень моих лет — он стоял на рельсах параллельных путей, в паре метров от края вагона. За плечом у него висела теннисная сумка. Гость переминался с ноги на ногу, пронзительный взгляд его бегал по лицам собравшимся: мельком осмотрев ютящуюся на лавочках «массовку», он с особой внимательностью разглядывал расклейщика и твидового.

Меня он словно игнорировал и это было ужасно обидно — как можно не увидеть плачущую девушку, которая стоит на коленях со скованными руками?

Напряжение, повисшее в вагоне, приближалось к своему пику.

— Тут ли проходит турнир по теннису? — голос гостя был спокоен и мягок.

Расклейщик смерил гостя диким взглядом, задержал взор на сумке. Капля пота скопилась у него под глазом, затем скатилась по щеке. Из спортивной сумки юноши выглядывал шишковидный набалдашник.

— Неразлучник! — завопил расклейщик, багровея, — Отгрызите ему руки!

Вновь замигал свет, а когда освещение пришло в норму, я увидела, что место твидового опустело. Он бесследно исчез из вагона.

Девушка в дверях взмахнула рукой, и полоски металла сорвались с ее пальцев — но незнакомец сделал быстрое движение руками, после чего пустая теннисная сумка упала к его ногам, а в руках у него оказался меч.

Да, самый настоящий меч. Длинный и без ножен, непонятно, как он вообще мог прятаться в сумке!

Дзынь! Стилеты отрикошетили. Незваный гость в один прыжок преодолел двухметровую дистанцию до подножки, словно внутри у него была пружина, и вскочил в вагон. Тут же сделал выпад и, столкнувшись лоб в лоб с девушкой, пронзил ее мечом. Лезвие на миг показалось у той со спины, почему-то испачканное синей слизью, затем вновь нырнуло под кожу. Гость уклонился от удара её подруги, выбил кинжал, взмахнул мечом — и отсеченные руки противницы отлетели в сторону. Третья девушка выстрелила из своего старинного револьвера. Гость схватил дико вопящую девушку-без-рук и успел заслониться ей, как щитом. Послышался шмякающий звук, голова ее лопнула. Нечто пролетело вагон и брызнуло в стену кабины. Кто-то закричал ломаным фальцетом. Незнакомец позволил бездыханному телу упасть, после чего шагнул вперед, полоснул противницу по коленям, и, когда ноги у той подогнулись, перехватил меч и опустил набалдашник ей на макушку. Послышался хруст, девушка осела.

— Ату! — расклейщик указал на незнакомца.

Сразу несколько пассажиров накинулись на гостя. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: на бегу их тела менялись. Клерки сутулились и опускалась на

четыре конечности, головы их вытягивались, руки и ноги удлинялись, покрываясь грубой шерстью. Преображение дряхлых бабулек было ещё чудовищнее — кожа посинела и стала сочиться слизью, челюсти выдвинулись далеко вперед, словно язык у лягушки. Одна из бывших бабушек мотнула головой — и клацнула парня за плечо. Брызнула кровь, самая обычная, красная. Но юноша будто и не заметил этого. Он ловко заплясал между противниками, в узком и тесном коридорчике вагона, не рубя направо и налево, но делая незаметные, смертоносные порезы, избавляясь от одного врага за другим. Казалось, неприятели сами не понимали, когда оказывались выведенными из игры, так чисто действовал гость.

Силуэт юноши вскоре слился с силуэтами лже-пассажиров, воцарился хаос. Только лезвие безостановочно свистело в воздухе, да вагон трясся, как в лихорадке. Редко слышались крики, в основном пыхтение да сопение, и только один раз послышалось дребезжание — это обратившийся в помесь волка и человека ребенок сцапал когтями гарду. К явному удивлению гостя, он не смог скинуть мелкого и верткого противника. Тот, сомкнув непомерно большие челюсти на лезвии, заработал ими, царапая металл с усердием бормашины. Подросток застонал, выхватил из-за пояса короткий кинжал (скорее даже тесачок, потому что лезвие у него было шириной с ладонь) и вбил его в черепушку монстрёнка, так что осталась видна лишь рукоять. Трупик обмяк и соскользнул на пол. Ошеломлённые оказанным отпором, лже-пассажиры стушевалась. Они решили сменить тактику и стали нападать наскоками со всех сторон, полагаясь скорее на внезапность и быстроту, чем на количество и грубую силу.

Я уже давно затаилась в конце вагона. Встать и попытаться сбежать через открытые двери не давали онемевшие ноги — они предательски ослабли при первых брызгах крови. Теперь же я отвернулась, не в силах смотреть на воцарившийся ад. Позабыв о брезгливости, согнулась к линолеуму, где край плаката демонстрировал кривые ноги обжоры-уродца. Неаппетитно желтый цвет вагонного покрытия, а также распространяющийся всюду солоновато-горклый запах крови и плоти сделали свое дело. Меня замутило.

— Красота, не правда ли? — хладнокровно заметил расклейщик, кивая в сторону дерущихся. — Настоящая машина для убийства!

Я, конечно, не ответила. Мне хреново, пускай себе болтает, пускай хоть убьет меня — мне все равно. Я перестала сдерживаться и меня стошнило.

Будто прочитав мои мысли, расклейщик вернулся к наблюдению за резней, изредка с видом профессионала комментируя ее. Я не слушала. Мне было плевать. Увиденное порвало шаблоны моего школьно-домашнего мирка и спустило их в выгребную яму. Причем яма эта была где-то в аду.

Гость успел ощутимо вымотаться, а лже-пассажиры все лезли и лезли, как червяки из-под земли в дождь. Более того, копящиеся на полу тела серьезно мешали маневрам незнакомца, затрудняя движения.

— Глянь, как синхронно действуют, — сухо похвалил расклейщик, опираясь на штангу своего валика, — Да смотри же, говорю тебе!

Повинуясь его голосу, я невольно подняла голову. Расклейщик удовлетворённо кивнул и продолжил комментировать.

— Как единое целое, честное слово! Тактическое мышление, отточенное на протяжении поколений! — он вздохнул, — Однако одиночки недостаточно, чтобы одолеть меня, — Словно переспорив самого себя, он вдруг нахмурился. — Это, кстати, странно, обычно

неразлучники ходят парами.

Он еще какое-то время подождал. Затем вздохнул, выругался и произнес:

— Не стоило за бесценок нанимать этих балбесов! Я совсем скоро вернусь, не скучай тут.

Потрепав меня по голове, словно заботливый старший брат, белобрысый смочил валик в разлитой на полу крови, встряхнул руку, разминая суставы, и зашагал к юноше, отталкивая еще живых и уже умирающих, шагая по мертвым и не переставая насвистывать развеселый и оттого жуткий мотивчик.

Юноша довершил поединок с последним офисным клерком и поспешно отступил в сторону, повернувшись лицом к новому противнику. Он тяжело дышал, ноги его подрагивали, глаза налились кровью.

Но руки его сжимали меч так же крепко, как и прежде.

— Вы удивлены, я надеюсь? — расклейщик, не торопясь, приближался к юноше, не сбавляя шагу, но и не ускоряясь, — Все может закончиться уже сегодня, представляете?

Парень не ответил. Провёл ладонью по лезвию меча, на клинок потекла кровь.

— Смотрю, вы сомневаетесь в себе! — расклейщик осклабился. — Видал я ваши дешевые фокусы, вы к ним прибегаете в самых крайних случаях!

— Ты осквернил третий слой своим появлением, — тяжело дыша произнес парень. — Ты убил ни в чем не повинного человека. Кара настигнет тебя.

— Ах, как мне нравится такой настрой! — расхохотался расклейщик. — Как я люблю старомодный высокий штиль! Обещаю, вы покинете этот свет медленно. Считайте это круизом в смерть, если угодно. Гарантирую муки, жажду умереть и невыносимую агонию под занавес!

Гость внезапно сорвался с места, стрелой ринулся вперед, оттолкнулся от сиденья, оттолкнулся от поручня — и в прыжке рубанул. Расклейщик защитился валиком — тот на удивление легко отразил удар меча — и контратаковал. Юноша ожидал этого, поэтому сыграл на опережение — ушел в защиту заранее, едва нанеся собственный удар. Выигранные мгновения позволили гостю взять инициативу в свои руки. Он перехватил валик, выбил его из рук белобрысого, а затем рубанул врага сверху вниз — тот из своего положения не мог ни защититься, ни отойти.

Но тут рука расклейщика перекрутилась в суставе, вытворив совсем уже нечеловеческий трюк, и, ухватив гостя за голень, дернула. Юноша рухнул, но падение смягчили тела. Расклейщик опустился на четвереньки и выгнулся дугой. Конечности его внезапно вытянулись на добрый локоть, щелкнули и обзавелись дополнительным суставом. Разорвав плотно сидящий на нем костюм, чудище прижало одной рукой запястье гостя вместе с мечом, а другой ухватило за шею. Ботинки лопнули и слетели с его ног, а вместо ступней там оказалось что-то вроде обезьяньих лап с длинными цепкими пальцами! Теперь расклейщик до боли напоминал паука-переростка (только с четырьмя конечностями вместо восьми и человеческой, хоть и распухшей головой).

— Восхитительно! — выкрикнул паук, — Вы решили, я из Мийра или Райта, раз тусуюсь с этими отбросами?

— Честно? Надеялся, — прохрипел гость, упираясь ногами в туловище паука и силясь высвободиться.

— Было очевидно, что вы объявитесь, мы ждали! Люпены ничего не стоят, я же из

высших и вам не по зубам! — паук бросил взгляд вполне человеческих глаз на меня. — Люди зря нас недооценивают!

Как ни старалась я отвести взгляд от драки, это оказалось выше моих сил. Происходящее захватило меня, и я уже ждала финала, словно смотрела голливудский кинокомикс.

Мысль о кино вдруг напомнила мне сцену из какого-то фильма. Заёрзав, я согнулась в три погибели и завела ладони под себя, потом потащила их вперёд… и у меня получилось! Теперь скованные запястья были хотя бы впереди, а не за спиной. Первый раз в жизни я порадовалась своей нескладной фигуре и длинным рукам.

Я услышала шуршание на крыше вагона. Паук, похоже, тоже что-то почувствовал, потому что подозрительно поднял голову. Впрочем, гость ухитрился заехать ему сапогом в промежность, и, хотя хватки монстр не разжал, удар исподтишка напрочь отбил у него охоту отвлекаться.

«Он не справится, — мелькнула в голове мысль, — Помоги ему, дурында!»

К своему удивлению, я встала. Подхватила обеими руками валик и неуверенно направилась в сторону дерущихся. Штанга оказалась неожиданно твёрдой и холодной, а сам валик, несмотря на мягкую поверхность, увесистым будто дубинка. Это явно было оружие, лишь выглядевшее инструментом.

Уже весь багровый, с капельками крови на губах, юноша увидел меня, но виду не подал. Лишь извернулся и поддал пауку в живот. Монстр зашипел от боли, но хватку лишь усилил. Странно! Мне кажется, или он пытается его удушить?

— Боюсь, круиз отменен, придется покончить с тобой быстро, — прострекотал паук, — Я еще должен доставить девчонку, а она будет брыкаться…

В этот миг я подошла достаточно близко к чудищу, чтобы нанести удар. Какой-то миг медлила, затем вскинула штангу… Нога паука извернулась, схватила меня за шею, тряхнула так, что я выпустила из рук валик, и с силой отшвырнула. Ударившись спиной о сиденье, я растянулась на линолеуме.

— Ух! Ух! Отважная! — загоготал паук, — Да только кишка тонка!

— Проверим, какие кишки у тебя? — донеслось с потолка.

Паук задрал голову, и в тот же миг из аварийного люка в потолке на него спрыгнула фигура. Тень приземлилась чудищу на спину и скатилась на пол, на ходу пропоров врага лезвием. Хватка чудища ослабла.

— Подонки… — выдохнул он, захлебываясь кровью и оседая, — Но часики тикают…

Юноша без труда высвободил руку с мечом и рубанул паука по шее. Тот замолчал — голова покинула плечи и плюхнулась рядом с гостем. Отползти юноша не успевал, так что просто заслонился рукавом — секундой позже на него свалилась гигантская туша, а из отрубленной шеи брызнула вязкая черная жижа.

— Мы подонки, но подонки стайные, — девчонка оттолкнула недвижимое тело паука, освобождая товарища, — Потому и выживаем.

Если возраст юноши прикинуть было можно, то определить ее возраст — затруднительно. Ростом незнакомка была повыше юноши, но вместе с тем казалась значительно младше — возможно, из-за хрупкой восточной внешности или чересчур пластичной мимики.

Когда юноша отряхнул с себя слизь, вытекшую из паука (хотя толку от этого было мало), оба крепко, хоть и сдержанно, обнялись.

— Наконец-то, — возмущенно буркнул юноша, тщетно пытаясь утереть грязное лицо столь же грязным рукавом рубашки.

— В поезде были люди, их требовалось эвакуировать. Я вызвала людскую службу спасения и отправила их к ближайшей станции. Тебе повезло, что серьёзная работа досталась мне.

— Конечно-конечно, — юноша снисходительно улыбнулся, продемонстрировав исцарапанное лезвие.

Девчонка взглянула на клинок и присвистнула:

— Ого! Узнаю поцелуй райтовца! Сочувствую. Однако выводить из вагонов орущих перепуганных человеков — ещё неприятнее, — она посмотрела в конец вагона, где располагалась кабина, — Машинист жмурик?

Юноша кивнул.

— Вот дерьмо! — девчонка плюнула на тело монстра, — Теперь рапорт писать придется!

— Вы кто такие?

Я не сразу поняла, что это был мой голос, а когда поняла, то меня пробрала дрожь. Я попыталась вжаться в стенку, лишь бы только не привлечь внимания, но было поздно. Гости уже обернулись и теперь с любопытством посетителей зоопарка рассматривали меня, будто какую-то неведомую зверюшку.

Глава 1, часть 3

— Это она? — шепотом спросила девчонка, склонив голову набок, — Из кармана казалась другой.

Парень снова кивнул.

— Дважды дерьмо, — девчонка схватилась за волосы, — Коту под хвост всю конспирацию, коту под хвост устав протектората, коту под хвост кодекс! Она нас увидела, ты понимаешь? Неделю придется бумагомаранием заниматься!

— Тихо, она ведь все слышит.

— Да какая уже разница? Все равно мы нарушили с десяток строжайших запретов!

— Наши действия были обусловлены ситуацией, — возразил юноша. — Та была чрезвычайной. К тому же, анкер жива, а ведь это главное, так?

— Эй, ты в сознании? Здраво мыслить можешь? — девчонка пощелкала пальцами перед моим носом, — Сколько человечьих трупов видишь в этом вагоне?

— М-много. Только они, кажется, не человеческие.

— Трижды дерьмо! — девушка повернулась к парню, — Она все прекрасно видит и даже соображает. Уйти незамеченными не удастся. Может, того? Стукнуть? Как оклемается, подумает, что пригрезилось.

Что? И они хотят по голове дать!

— Третье табу: насилие к анкеру строго запрещено, — напомнил парень, — К тому же, именно так ее и хотели похитить, судя по всему.

— Похитить? Я думала, ее просто убить хотели.

— И я поначалу так думал, но посмотри на наручники…

Оба уставились на кольца, охватившие мои запястья.

— К тому же, держать ее здесь бессмысленно, — продолжал юноша, — Они знают, кто анкер, было совершено открытое нападение. Мы должны действовать немедленно!

Я, сама не своя, обхватила ледяными от страха руками колени и закрыла глаза, моля небеса, чтобы происходящее оказалось сном. Но увы, это была реальность: меня пробирала предобморочная дрожь, начиналось головокружение.

Мои странные спасители какое-то время размышляли, даже не глядя на меня. Пока тянулось это безмолвие, по параллельным рельсам проехал, гудя, поезд.

— Там что, поезд тоже ходит? — поразилась девчонка.

— Только не говори, что пустила пассажиров по встречному пути! — схватился за голову юноша, — Гибель сотни человек? Пахнет трибуналом!

— Нет, нет. Я направила их по этим путям в обратном направлении, — девочка поскребла подбородок и прищурилась. — Кажется.

Юноша застонал.

— Нас казнят! Нас точно казнят!

— Шучу я, все путем, — девчонка дружелюбно огрела парня по спине, — Живехоньки человеки, а вот нам наказания все равно не избежать. Вопрос лишь насколько суровое. Повезет — сошлют на рисовые плантации Риххора или тропические лесозаготовки Мийра.

— Нужно забрать ее, — произнес юноша, подумав, — Нужно отвести ее в Декаду. Прецеденты были, сам знаешь.

— Прямо сейчас? Нет! Стоит отвести ее в безопасное место и дождаться пересменка. В

следующую вахту доложим обо всем регенту, он устроит ей надлежащий конвой.

— Остаться здесь, на Земле? В одной комнате с объектом протектората?

— Ни на минуты не спустим с нее глаз, — подтвердила девочка, — Если покинем это место сами, нападение может повториться — мы не знаем, все ли враги были на этом поезде. Если попробуем попасть в Декаду, большие шишки могут счесть это слишком смелой инициативой.

— Да, придется остаться здесь, — согласился парень, — Тогда ждем пересменка.

Вновь молчание. Я решилась прервать их диалог, в котором почти ничего не понимала, и удивилась севшему от страха голосу. Мне пришлось напрячься и повторить вопрос, ведь меня попросту не расслышали в первый раз:

— Что здесь происходит?

— Четвертое табу! — девочка толкнула спутника в бок, — Четвертое табу!

— Кто вы такие?

Юноша пихнул спутницу в ответ. Мрачно заметил:

— Раз решили с ней возиться и дальше, то придется как минимум заставить ее помолчать. А для этого нужно ее уговорить.

— Запрещено!

— Все равно она увидела слишком много.

— Тогда говори первый, — девчонка пожала плечами и отвела взгляд, с деланым равнодушием оглядывая поле брани, — Если что, возьмешь ответственность за нарушение конспирации на себя. Я скажу, что после того, как табу де-юре нарушил ты, оно де-факто уже не могло быть нарушено мною.

Парень неохотно кивнул. Помедлил чуток, потом двинулся ко мне. Он шел медленно, раскинув безоружные руки в стороны, словно боясь спугнуть меня — вот странный! Будто бы мне есть куда бежать!

— Не бойся, — неуверенно произнес он, — Знаю, выглядит все это дико, но ты должна сейчас встать и пойти с нами. Хорошо?

— Какое хорошо? — я впилась ногтями в джинсы, — Никуда я с вами не пойду!

— Хм-м! — девушка подбрасывала в руках увесистый обломок поручня, — Может, ее все-таки… того?

— Да пошли вы! — окрысилась я, — Какого черта здесь творится, кто все эти люди, кто такие *вы*?

— Мы…

— Ц-ц! — девушка предостерегающе покачала головой, — Пятое табу. Язык вырвут.

— Мы друзья, — уклонился от ответа парень, — На тебя было совершенно нападение, а мы с…

— Ц-ц!

— …с подругой тебя спасли. Это пока понятно?

Я молчала, экономя силы. Все внутренности после того, как меня вырвало, ужасно болели. Да еще бросок монстра в стенку вагона… Мне повезло, что я ничего себе не сломала.

— Мы тебя проводим домой, — закинул юноша крючок.

— Ага, конечно! — Я попыталась выбросить из головы кровавые образы. — Ты их всех порубил. Откуда мне знать, что ты не маньяк?

— Мы тебя не тронем, даю слово! — Поспешно заверил меня парень. — Твоя жизнь —

гарант нашей. К тому же, будь у меня в планах твое убийство, мы бы не стали мешать… этим вот… — он неопределенно махнул рукой.

Я не нашлась, что возразить. От навалившейся на меня опустошенности вагон плавал перед глазами. Спорить было физически трудно.

— Мы друзья, — пошел он на второй приступ, — Творятся дурные вещи, очень дурные, и так сложилось, что мы — твой спасательный круг.

Я ничего не ответила.

— Во дела-а, — задумчиво протянула девушка, — Похоже, палка все же лучший вариант.

— Постойте-постойте, — апатию как рукой сняло, и я замахала скованными руками, — Я буквально не могу с вами пойти! На мне наручники, и мне трудно встать — ноги не держат.

Юноша задумчиво оглядел ту позу, в которой я сидела. Оголил меч и взмахнул им — не успела я и глазом моргнуть, как цепь между кольцами лопнула, осколки посыпались на линолеум.

— Браслеты пока останутся, могу запястье поранить, — он подал мне руку и кивнул в сторону скособоченных дверей, — Вставай, пора сматываться отсюда, иначе явятся ваши стражи порядка, и придется их тоже убить. Попробуем выйти через следующую станцию.

У меня в мыслях что-то щелкнуло.

— Он сказал, что обе станции «под контролем», — прошептала я, — Сказал, что сбежать далеко не выйдет.

— Кто «он»?

— Джентльмен в твидовом костюме. Тот, что разговаривал с расклейщиком… с пауком.

Подростки переглянулись.

— Я видел твидового, — кивнул юноша задумчиво, — Здесь были трое мийриек и стая райтовцев, поэтому я не заметил, куда он пропал. Если он ведает лимфу, то мог нырнуть к артерии и сбежать на любой из слоев…

— Думаешь, он оставил где-нибудь наемниц для подстраховки?

— Не отрицаю, однако я на его месте просто заложил бы сюда бомбу, — сказав это, юноша вдруг побледнел, — «Часики тикают».

— Что?

— Помнишь, ортианец, прежде чем испустить дух, сказал: «часики тикают»?

Девчонка выругалась и метнулась в кабину машиниста.

— Вот паучья отбивная! — донесся оттуда ее крик. Следом показалась она сама, держа в руках какое-то маленькое устройство. — Ты прав! Здесь чертова глоталка! Времени минута от силы, радиус поражения расширенный, обезвредить не смогу — инструменты в столовке забыла!

Бомба? Я с ужасом переводила взгляд с одного спасителя на другого, надеясь, что они что-нибудь придумают.

— Растяпа! — юноша закрыл глаза и прислушался, — Слышишь? Рядом артерия. Успеешь донырнуть и бросить глоталку вовне?

— Попытка не пытка, — девушка нервно рассмеялась. — Встречаемся, где условились.

Юноша сунул руку в подкладку куртки, вытащил маленькую металлическую фляжку и пару белых перчаток. Натянув перчатки, он отвинтил никелированную крышку, из фляги донёсся терпкий незнакомый аромат. Сделав глоток, предложил мне. Я насторожилась:

— Отрава?

Юноша зыркнул на меня, как на сумасшедшую:

— Брось.

— Тогда зачем перчатки?

— Тебя не трогать! Это тоже запрещено. Извини, ничего личного.

Может, я бы чего колкого и ответила, но в этот момент свет в вагоне затрещал, мигнул — и шуршание в кабине машиниста оборвалось.

— Нырок, — бросил парень и деликатно протёр горлышко тыльной стороной перчатки, — Не тревожься, моя коллега профессионал, не утонет.

— Она же в кабине, — усилием воли подняв себя на ноги, я взяла из его рук фляжку и, принюхавшись, сделала маленький глоток. По вкусу — словно обычный тоник смешали с чем-то густым и приторно сладким. Поморщившись, я вернула фляжку: жидкость напоминала бабушкин кисель, который я на дух не переносила, — Ну и гадость! Как ты это пьешь?

— Это национальное достояние моего народа, — юноша сделал еще глоток и спрятал бутылочку под курткой, — Считается, что его нужно пить после битвы… — он помог мне сойти с подножки на гравий туннеля, — То, что ты вступила в бой с ортианцем, говорит о многом. Признаюсь, мы были обескуражены твоим поступком.

— Не благодари.

— И не собираюсь. Во-первых, это было коварно и неспортивно, а во-вторых, существенно ты мне не помогла.

— Ах ты!

— Ну-ну, — он играючи отмахнулся от моего тумака, — Но могу все же отметить, восхищен тем, что ты взяла настоящее оружие, чтобы защищать других. Пускай ты не выиграла мою битву, но победила в битве с самой собой!

— Долго придумывал?

— Вычитал, — кисло признал юноша, — Но придерживаюсь того же мнения. К-хм, давай-ка ускоримся?

— А что…

— Говори поменьше, а лучше помалкивай! Все равно ничего важного я тебе не скажу, а болтовня может нас задержать.

Мы побежали прочь от поезда, держась за руки. Точнее, быстрым шагом двинулся мой спутник, а я вынуждена была за ним поспевать.

— У тебя рука липкая! — я брезгливо ощупала руку проводника, — Ты что, клеем ее вымазал?

— Это не клей, — юноша нервно хмыкнул, — И вообще, к чему эти претензии? Хочешь, скажу, как выглядишь сейчас ты?

— Только посмей!

Благодаря редким фонарям на стенах пути были хорошо различимы, и мы могли идти, не боясь споткнуться о шпалу или вписаться в стенку.

Я подумала о доме, о привычной жизни, которой я, судя по всему, раз и навсегда лишилась. Мысли сами собой скользнули на забытую в вагоне сумку и валяющийся на гравии телефон. Блин, это ведь последняя модель! Родители на день рождения подарили!

Мы успели пробежать с полсотни метров, когда на грани слышимости зазвучала очень высокая нота. Словно рой комаров, кружащих над ухом и постепенно приближающихся.

Однако комариное жужжание, пусть и противное, не столкнуло бы меня с рельс. А то, что последовало после звука — да. Шпалы ни с того ни с сего ушли у нас из-под ног, отпрыгнув сантиметров на тридцать влево, и там, где только что был ровный гравий, появились ухабы. Невидимая сила бросила нас в стену, но вдоль неё так плотно шли кабели и провода, что мы почти не ушиблись.

— Что за чертовщина! Землетрясение? — я оглянулась и подавила готовый вырваться крик. Ведь прямо за нами, в паре метров, был поезд, — Он тронулся! — заорала я своему спутнику на ухо, вжимаясь в стенку, — Он тронулся и движется прямо на нас!

Я попыталась распластаться по проводам, стать как можно тоньше, вспомнила каждый съеденный кекс и торт…

Секунда, вторая — поезд стоял на месте. Помедлив еще пару мгновений, я отлипла от стены и уставилась на состав с совершенно бестолковым выражением. Стоит на месте? Но ведь я совсем недавно оглядывалась и точно заметила, что состав был далеко, уже почти скрылся за изгибом туннеля! Но вот он стоит, как ни в чем не бывало: кабина в крови, раскуроченные двери вышли из пазов — словом, точно такой же, каким был, когда мы его покинули!

Юноша стоял и наблюдал за мной, слегка улыбаясь. Его снисходительная ухмылка вдруг показалась мне чрезвычайно обидной. К тому же, в ответ на мои крики о «тронувшемся» поезде можно было набросать столько колких шпилек, что лицо запылало стыдом вперемешку с гневом.

— Лыбишься? — сжала я кулаки, — Смешно, да?

Парень не ответил. Взгляд его был рассеян, словно он смотрел куда-то вдаль, дальше света фар и подземной тьмы, смотрел туда, где ни меня, ни поезда перед ним еще не было…

— Себя вдруг вспомнил, — пробормотал он, отворачиваясь, — Ничего смешного в твоем испуге нет, для тебя он абсолютно рационален. А смеюсь я над собой. Над своей реакцией, очень-очень давней, — он понурился, — Дурак я тогда был, такой же недотепа, как ты сейчас…

Я смерила его долгим взглядом:

— Так мне тебе посочувствовать и не обижаться?

— Пойдем, — парень махнул рукой, — Теперь не обязательно так торопиться, но лучше не засиживаться. Ре… моя подруга знает, где встретить нас на поверхности.

Удержавшись от невольно возникшего вопроса, я дернула плечами. Ни согласия, ни доверия этот жест не выражал — это было скорее смирение со сложившейся ситуацией. Но спутника моего это вполне устраивало.

Мы шли в полной тишине.

— А почему ты не можешь ответить на мои вопросы? — спросила я нарочито небрежно, — Какое-то обещание?

— Запрет. Правила. Устав. Табу. Как хочешь, так и называй.

— Устав? То есть ты работаешь в секретной службе?

— Это секретная информация.

— Хм? Ты только что подтвердил мои слова?

— Я ничего не подтверждал, — юноша нахмурился, — И вообще, я уже раза три сказал, что ничего сообщать тебе не намерен. Я просто доведу тебя до дома с целыми руками-ногами, а если повезет — то и головой, сдам следующей смене. А потом мне будет до лампочки, что с тобой случится в их вахту.

Я задумалась. Пока мы шли от поезда по прямой, тьма вокруг нас сгущалась постепенно, теперь же, за изгибом туннеля, вокруг быстро потемнело и стало хоть глаз выколи. Словно прочтя мои невеселые мысли, юноша достал из куртки какой-то длинный тонкий цилиндр и встряхнул его. Тот замерцал зеленым с одного края, а когда люминофор разгорелся полностью, окутавшая нас кромешная тьма рассеялась.

— Классная технология. Такая всем спецагентам выдается?

— Я купил их в магазинчике рядом с твоим домом.

— Так, откуда тебе известно…

— Боже! — вздохнул юноша, — Тебя что, и вправду так волнует вопрос, кто мы?

— Конечно.

— Ладно, полагаю, существующие табу вовсе не означают, что я не смогу слушать тебя вполуха и время от времени кивать. Или чесать нос. Или насвистывать. Просто так.

— Спасибо большое! — сердце мое бешено заколотилось, — Скажи, как тебя зовут?

— Как я, по-твоему, должен сообщить свое имя? Выкивать или вычесать?

— Существует язык свиста, — обиженно заметила я.

— Да ну тебя, — парень отвернулся, — Такие вопросы мой народ считает невежливыми.

Я отвернулась от него с твердым намерением промолчать всю дорогу до станции. Не хочу больше с этим обалдуем говорить.

— Ну не дуйся, — миролюбиво протянул юноша, — Задай простой вопрос.

Любопытство и гордость сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть. Любопытство отправило гордость в нокаут с первого раунда.

— Те, в вагоне, хотели похитить меня? Не просто человека, а меня персонально?

Едва заметный кивок.

— Они были людьми? Не то чтобы я увлекалась анатомией, но творить со своим телом то, что творили они, по-моему, невозможно…

Отрицательное качание головой.

— О господи! Это инопланетяне? Скажи, они ведь инопланетяне, да? Прилетевшие на Землю захватчики?

Нервное покашливание.

— Нет? Тогда скажи, почему я раньше тебя не замечала? Ты прятался?

Кивок.

— А где? Это вроде конспирации среди толпы, да? Прямо как со шпионами?

Отрицание.

— Ты человек?

— Извини, пожалуйста, но это личное, — юноша прервал наш странный диалог, — Не отвечу из принципа.

— Личное? Ну и ладно, больно надо. Скажи лучше, кто такие неразлучники?

Юноша встал как вкопанный, так что я врезалась ему в спину. Уставился на меня странно блеснувшими глазами.

— Услышала это прозвище от одного из тех, в поезде, — торопливо пояснила я, — Кажется, от твидового.

— Не называй нас так! Это грязное ругательство, за которое любого другого я бы… — юноша скрипнул зубами, рука его сжала мою крепче, — Я же не зову тебя хомосапиенсом или человечиной, верно?

— Любого другого? Есть другие, кого ты оберегаешь?

Юноша умолк.

— Плохая была затея, ой плохая, — протянул он, — Все, заканчиваем с этой дурацкой викториной.

— Постой! Я не буду больше такой любопытной, прости пожалуйста! Пойми, ты сейчас единственный, кто может мне хоть что-нибудь объяснить! А я, между прочим, даже имени твоего не могу узнать!

— Мы не будем вместе достаточно долго, чтобы в том был хоть какой-то прок, — он уже спешил дальше — быстро удаляющийся источник света в океане тьмы, — Называй меня протектором или хранителем, если совсем неймется.

— Хранитель? — настала моя очередь изумиться, — Нет, постой! Быть не может!

— Чего?

— Ты ангел?

На сей раз юноша не удержался и громко расхохотался. Смеялся он долго, сотрясая туннельную тьму и утирая накатившие слезы обшлагом рукава.

— А-ан-ангел? Пха-ха-ха! Ты серьезно решила, что я *ангел*? — он привалился к стене и закрыл лицо руками, — Нет-нет, ты серьезно такая набожная?

— Пошел ты, — я потрогала крестик на шее и сердито зашагала дальше.

— Я не ангел, Алекс, я из плоти и крови! Будь я ангелом, я оказался бы очень плохим ангелом! Ты видела, что мы сотворили с теми, в вагоне? У них наверняка были семьи, планы на завтрашний день, сокровенные мечты! Один так был совсем ещё щенок! А мы пришли, увидели и уничтожили их! Ты понимаешь? Отныне и навсегда их больше нет! Ни на этом свете, ни на каком другом!

Я остановилась и испытующе посмотрела на него.

— Нет, никакой я не ангел, — добавил юноша, — И не демон, не смотри на меня так! Даже если те и другие существуют, в чем лично я сомневаюсь, они не вмешиваются в наши земные дела… спасибо им за это.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— То есть то, что я знаю твой дом, тебя не смущает, а то, что знаю твое имя — да? Мы уже долгое время оберегаем тебя от опасностей, Алекс, странно было бы не знать его! Не беспокойся, злые уста его не произносили. Если уж на то пошло, у таких как мы имя — вещь высокопочитаемая и едва ли на самая драгоценная. Скрытого смысла или магии тут не ищи, всего лишь особенности культуры. Добавлю, что если ты делишься именем, то это знак уважения и доверия.

Юноша примолк, и легкая улыбка заиграла на его лице. Он оправил мятый и грязный воротник рубашки, пошел вдоль рельсов дальше. Внезапно остановился, словно ему в голову пришла неожиданная мысль. Обернулся и произнес:

— Эдвард.

Я смотрела, как он в молчании отвернулся и продолжил путь по туннелю. Химический светильник в его руках освещал пространство вокруг зеленым ореолом, на фоне которого фигура моего проводника казалась чернее ночи.

Глава 2. Жизнь в долг

2. Жизнь в долг

Никогда не задумывалась, как выглядит станция метро со стороны путей. Когда стоишь на перроне, всё просто — вокруг свет, голоса людей, толкотня. На старых станциях даже красиво: фрески, скульптуры, барельефы. А пути — тёмные мрачные провалы, откуда дует тёплый, пахнущий машинами ветер.

С путей всё иначе. Здесь и запах совсем другой, в нём меньше железа и больше воды и земли. И приглушенный свет редких ламп. И безумное количество кабелей и проводов, неужели они все для чего-то нужны?

А станция — лишь светлое пятно в конце туннеля, откуда доносится невнятный шум.

Я стояла в одиночестве, ждала Эдварда и слегка трусила. Кто бы на моём месте не боялся, после всего случившегося? Я даже считала, что хорошо держусь. Но когда на светлом фоне появился силуэт Эдварда, почувствовала облегчение.

— Там наемники из Орта и Мийра, — сообщил юноша, вернувшись с разведки, — Пытаются слиться с толпой: вся станция кишит служителями правопорядка и прочими официалами. Пассажиры ругаются и выходят на поверхность, им объявили, что станция закрыта до завтрашнего дня.

— С ними и выйдем! — обрадовалась я.

Но Эдвард покачал головой:

— Наёмники не выходят. Они меняют обличье на официалов. Стоит нам появиться, всадят дротики или полоснут отравленным кинжалом.

— Дротики? — удивилась я.

— Ну или застрелят из пистолета, думаешь, приятнее? — пожал плечами Эдвард, — Можем, конечно, дождаться ночи, скрываясь в туннелях — поезда этой ветки все равно отменили — а когда люди уйдут, я перережу нелюдей, но…

Он задумался и забормотал себе под нос:

— Многовато переменных, все может пойти не по плану. Надо было выходить с пассажирами поезда… Есть лишь один путь, но разве мы вправе пустить девчонку в Лимфу? Это нарушение столь вопиющее, что даже не было упомянуто в табу! Впрочем, какая сейчас разница? Если ее убьют, всем будет плевать, сколько табу мы нарушили.

— Эй, я вообще-то здесь! — я дёрнула его за рукав. — Невежливо говорить о человеке в третьем лице в его присутствии!

— Что поделать, я профессиональный убийца со склонностью к хамству, — парень перехватил мою руку. — Короче, жить хочешь?

— Совсем дебил?

— Тогда дай завяжу глаза, — он потянулся к кожаному чехлу на поясе и вытащил оттуда не то очень плотный бинт, не то узкий белый шарф, — Дороги, которыми я тебя поведу, не только запретны для твоих глаз, но и опасны. Они могут свести с ума. Если увидишь их, мне придется…

— Меня убить?

— Исключительно для того, чтобы избавить от страданий! А потом покончить с собой, как великие хранители древности! — Эдвард осёкся и покачал головой. — Зря я это сказал…

— Всё равно я ничего не понимаю.

— Тогда сделай одолжение и слушай внимательно! Ни в коем случае не стягивай повязку *там*, а если она развяжется, то жмурься изо всех сил, будто в глаза попала соль, поняла?

— Ты говоришь странные вещи, — я ощупала узел, который он завязал мне на затылке, — Вроде плотно сидит.

Я сказала это так, на всякий случай. Вовсе не испугалась его обещаний, не подумайте, просто хотелось хоть что-то сделать добросовестно.

— Для тебя они странные, для меня повседневные, — юноша вздохнул, — Ну что, готова? Ах да, еще один маленький нюанс, там ты не сможешь дышать.

— Не смогу дышать?! И это маленький нюанс?

— Тише ты, и не сдергивай повязку! Вариантов всего два: либо идти напролом, надеясь, что тебя минует отравленный дротик, не убьёт меткий выстрел, и не раздавит случайное смещение из смежного слоя…

— Чего?!

— …либо довериться мне и всего лишь: не снимай повязку, задержи дыхание до окончания нырка, не вырывайся и следуй за мной — я буду держать тебя, чтобы ты не потерялась.

Мелкая дрожь прошла по моему телу.

— А яд в дротике смертелен?

— О-о, несомненно смертелен и приносит безумные муки! В Мийре так принято.

Расспрашивать про Мийр и их кровожадные привычки мне не захотелось.

— Я занималась плаванием семь лет, а на школьных соревнованиях заняла второе место…

— Пусть это и не вода, я восхищен твоей отвагой! — обрадовался парень, крепче сжимая мою руку, — Будь уверена, даже глазом моргнуть не успеешь! Глубоко нырять не стану, не по артерии путешествуем. Итак, задержи дыхание. Отправляемся через три, два, один — в путь!

Это напомнило мне моржевание.

Как-то раз родители взяли меня с собой за город, за тридевять земель, к какому-то очень древнему и очень святому водоему, в котором на Крещение вырубалась большая крестообразная прорубь.

Люди спешили зайти в ледяную, мгновенно затягивающуюся белой корочкой воду, несмело погружались в нее с головой, а выпрыгивали уже раскрасневшиеся, с вытянутыми из-за шокового состояния лицами, похлопывая себя по окаменевшим вдруг мышцам и осеняя святым знамением.

Меня туда тоже затащили. Мне было лет семь, разве могла я что сообразить? Какой-то толстый поп в рясе и в клобуке подошел ко мне, перекрестил, а потом взял, да и макнул в эту мороженую кашу из воды и хлопьев снега, словно картошку-фри в кипящее масло. Помню, как мне было больно и обидно, как нестерпимо жгло кожу!

Подобное я ощутила и сейчас.

Воздух вокруг меня словно расступился, а потом стал обжигающе-холодным, даже кости заныли. Руки и ноги выкручивало, голову вжимало в плечи. В первые секунды было страшнее всего. Я вцепилась своему проводнику в руку с такой силой, словно в ней

заключалась вся моя жизнь. А ведь так, наверное, и было, потому что Эдвард тоже сжимал моё запястье как тисками.

Я позволила тянуть себя в ледяное никуда. Время от времени мы скатывались, поднимались, пару раз меня охватывало чувство свободного падения. Сердце в груди замирало и ёкало при приземлении. Под ногами и руками время от времени попадалась непонятная аморфная субстанция, напоминающая батут или, скорее, наполненный водой пузырь. Поверхность пузыря всякий раз была теплой.

Неожиданно мир вокруг перевернулся, нас тряхнуло, я ощутила под ногами твердую почву, а через повязку увидела свет солнца. Мой спутник, однако, не выпустил запястья. Наоборот, он вскрикнул и вцепился крепче, а секундой позже послышалось лязганье металла. Не успела я вдохнуть, как процесс «окунания в мороженную кашу» повторился. Снова воздух брызнул во все стороны, снова попытался вывернуть меня наизнанку…

Я поняла, что больше не могу. Воздуха не осталось ни капли, как, впрочем, и выдержки. Накатывала паника, ведь я поняла: что-то пошло не по плану, и проводник мой вынужден импровизировать. Умереть от удушья где-то нигде? Спасибо, такая перспектива не радует! Попыталась было крикнуть, но глотка откликнулась резкой болью, и я захлопнула рот, ничего не вымолвив.

Вот теперь стало страшно по-настоящему. Я не просто испугалась — мной овладела паника. Я сжимала руку Эдварда крепче, крепче, крепче… ногти на руках погружались в его кожу все сильнее. Он вдруг дернулся и выпустил меня. Забыв себя от ужаса, я попыталась открыть глаза, но тканевая повязка плотно прилегала к векам и не позволила увидеть «запретного». Секунда, две, три — я все еще была одна. Не могу сказать, в каком именно состоянии. Я словно и падала, и парила одновременно, временами воздушные (или безвоздушные?) потоки сносили меня то в одну сторону, то в другую, дважды меня прижало к теплому пузырю всем телом.

Воздух в легких давно закончился, я чувствовала каждый удар своего сердца, гулко отдававшийся во всем теле судорогами и болью. Легкие нестерпимо жгло. Я открыла рот в крике, но пустота проглотила звук — и жадно потянулась холодными щупальцами внутрь…

Внезапно чьи-то пальцы схватили меня за шкирку.

Я почувствовала резкий толчок, избавивший меня от остатков пространственной ориентации (и правильно, кому она вообще нужна?), потому что верх вдруг стал низом, и меня с силой бросило в безбрежную пустоту.

Я упала на траву, больно отдавив себе кисти рук и в кровь изодрав колено. Следом за мной приземлился кто-то еще, правда не так неуклюже.

Не утруждаясь тем, чтобы скинуть повязку, я зашлась хриплыми вдохами. Несколько минут только и делала, что дышала. Казалось, что ничего вкуснее этого воздуха я никогда не пробовала! Когда сердце перестало колотиться так отчаянно, сорвала повязку и осмотрелась.

Я сидела на заднем дворе своего дома, на цветочных клумбах, заботливо высаженных пожилой консьержкой. Никого поблизости не было, если не считать двух детей раннешкольного возраста, азартно катавших мячик. Несмотря на табличку «по газону не ходить», они игнорировали детскую площадку и закатили мяч в заросли тюльпанов и маргариток.

Появление из ниоткуда меня, кашляющей и задыхающейся, произвело на них удивительный эффект. Они замерли, с открытыми ртами стали оглядываться по сторонам — но в садике кроме них не было ни души.

— По газону не ходить, — сказала я наставительно, — Иначе тюльпанный монстр утащит вас под землю, и вы станете удобрениями.

Дети мгновение стояли, ошалелые. Затем завопили и, позабыв мячик, кинулись наутек — один даже на четвереньках. Надо отдать им должное, ни одного тюльпана они на обратном пути не сломали. Я улыбнулась сама не знаю чему. Побывав на волосок от смерти, понимаешь, что жизнь, по сути, предназначена для улыбок и веселья.

— Смотрю, у тебя есть силы шутить?

Я оглянулась и увидела своего проводника. Я с трудом узнала в нем того самоуверенного юношу, что уговаривал меня «нырнуть». Теперь лицо его было испещрено порезами и мелкими ссадинами, волосы облеплены землёй и растрепаны, одежда порвана в тех местах, где оставалась целой после драки в поезде…

Но хуже всего выглядела рука. Та, которую я стиснула. Она была вся в свежей крови, перчатка была сорвана. Я уставилась на свою руку и увидела, что и она красная. Только кровь была не моей.

Может мелкие напугались вовсе не моих слов, а увидали Эдварда?

— Я…

— Ты, — юноша снял с левой руки уцелевшую перчатку и надел на пострадавшую ладонь, потом сорвал пучок травы и начал стирать с лица кровавые следы.

— Занесешь заразу, — заметила я.

— В таком случае, это будет далеко не первая зараза, что я заработаю на свою голову, — сухо заметил он, — Как-нибудь справлюсь.

— Я не хотела.

— Да ты мне чуть руку не оторвала со своим «не хотела»! Что же, милостивые небеса, было бы, «захоти» ты? Знаешь, как трудно было отыскать тебя в Лимфе? Да еще вовремя, чтобы не померла от удушья?

Юноша вылез из зарослей тюльпанов и поморщился:

— Ты дурында, Алекс, натуральная дурында. Зачем вырывалась, а? Неужели не могла чуточку потерпеть?

— Нет, вообще-то! Я задыхалась, потому что ты полез туда снова!

— Ах вот как? Да если бы я не нырнул, нас соломкой бы нарубили! Снаружи были мийрицы, целая свора!

— И все с отравленными кинжалами, конечно?

— Со стилетами, невежда! Ты знаешь, как искусно они их бросают? Ни один человек не сможет уследить за полетом стилета, не то, что увернуться!

— Выходит, ты не человек? — поинтересовалась я.

— Я такого не… — он замолк. Медленно оправил воротник рубашки, смахнул со лба прядь. — Отвянь. Я не в настроении спорить. Как только доложу о происшествии, подам прошение о смене объекта. Сил моих больше нет тебя спасать!

— А еще там было очень холодно, — вставила я, — Ты об этом тоже умолчал!

— Глупая, неблагодарная девчонка, — юноша закатил глаза, — Честное слово, во всех мирах девочки проходят через этап занудства! У вас же вроде как есть физика в школе, нет? Тепло есть результат хаотичного движения атомов и молекул, из которых состоит всякое тело. А в лимфе нет ничего, точнее, там отсутствие всего и наличие ничего.

— Как вакуум? — блеснула я интеллектом.

— Нет! — Эдвард едва не взвыл. — Вакуум — это пространство без вещества! А в

лимфе нет ни вещества, ни пространства, ни времени. Там только «ничего» как объект, понимаешь? С какой стати там должно быть тепло, объясни мне?

— Я физику на экзамене не сдаю! — потеряв остатки терпения, я перешла на крик, — И не знаю о вашем секретном «ничего»… ничего! И не узнала бы никогда, не вздумай кучка психов меня прикончить!

Отряхнувшись от земли, я отошла от своего спутника к детской площадке. Сев на качели, машинально потянулась за наушниками, но спохватилась, что они остались глубоко под землей. Вместе с телефоном и сумкой. Запоздала подумала, как же сделаю домашнюю работу и, что ужаснее, как в конце года сдам учебники, если они потеряны.

Так прошло несколько минут. Потом сзади послышался странный звук, напоминающий лопанье жевательной резинки или воздушного шарика — я обернулась и увидела рядом с Эдвардом ту противную девчонку, что намеревалась меня вырубить железякой. Нашлась защитница!

Они о чем-то возбуждённо заспорили, но расслышать слов я не могла. Наконец, они закончили, придя, по-видимому, к соглашению. Я поспешно отвернулась и придала своему лицу вид уязвленной гордости — универсальный вариант для любых ситуаций.

— Алекс, — юноша подошел и тронул меня за плечо, — Прости, пожалуйста, что сорвался. Сам очень испугался, потому и был как на иголках.

Я молча слушала.

— Если думаешь, что мне не страшно, то ошибаешься, — продолжил он. — Пока можно уклониться от схватки, страх полезен. Но в бою он ведёт к смерти. Из-за этого в моменты опасности я могу становиться бесчувственным и расчетливым… рациональным, если хочешь. Иначе погибну сам и потеряю объект защиты.

Конечно, я уже понимала, что меня охраняют. И всё-таки слышать про себя «объект защиты» было странно…

— А что касается лимфы, то фокусы, ею вытворяемые, наполовину психологические. Даже холод там невзаправдашний, с опытом его перестаешь замечать, — он перевел дух. — Но боль-то гнездится не в теле, а в голове, я этого не учел. Извини, пожалуйста.

Я встала с качелей и, потупившись, пнула случайный камушек.

— Сама виновата. Запаниковала, как… как девчонка. Нет у меня привычки к приключениям и всяким… подпространствам.

— Это часть лимфы вокруг твоего мира называется «карман», — уточнил юноша, — Хотя называй, как хочешь.

Я улыбнулась. Оглядываясь назад, я никак не могла поверить, что все это по-настоящему произошло — и происходит — со мной. Самым обычным человеком. Однако невзирая на пережитые ужасы, в окружившем меня хаосе было нечто захватывающее, нечто почти книжное, а оттого пьянящее, просящее о продолжении сюжета.

— Что с ней нянчиться? — девчонка скрестила руки на груди, — Она большая шишка, ей лишние знания ни к чему. Отведем ее домой и дождемся пересменка.

— Как сказал философ: «знание — орудие, а не цель», — процитировал юноша. — Раньше у неё не было нужды в этой информации. Мне нравится открывать ей новые горизонты.

— Открывать новые горизонты? — усмехнулась девочка, — Ты серьезно? Наша работа — защищать, и мы ее успешно выполнили. Просвещать анкера не положено.

— Может, и так, — пожал плечами юноша, — Но просить элиорцев стереть ей память я

не буду. Приобретенные сегодня знания помогут ей выжить, а это наша задача.

— Стереть память? — я обомлела, — Вы хотели стереть мне память?

— Тебе не сказали? — девчонку эту явно забавляло, — Понимаешь ли, Алекс, ради всеобщей безопасности тебе сотрут воспоминания. Меньше знаешь — крепче спишь!

— Постой, — Эдвард положил руку ей на плечо, — Мы лишь обсуждали поднятие данного вопроса в Фокусе.

— Мы тут не в выживание играем, — девчонка смахнула руку юноши, — Это был просчет, который неминуемо скажется на наших карьерах. Я не собираюсь получать выговор за глупую инициативу! Ей сотрут память, и она будет жить в счастливом неведении.

— Вернись ты на пять лет назад, — произнес юноша медленно, — Сказала бы самой себе то же самое?

— При чем тут я? — девчонка скрипнула зубами, голос её стал жёстким, — Я не родилась с серебряной ложкой во рту, как она! У меня не было выбора между спокойной жизнью и службой протектора!

— Вообще-то, у нас всех был выбор, — Эдвард окинул ее холодным взглядом, — Если ты признаёшь лишь спокойную жизнь, или устала нести службу, то всегда можешь попросить об этом, — он легонько толкнул девушку в грудь открытой ладонью. — Они освободят тебя от непосильного бремени.

Девушка отскочила, и её рука легла на рукоять меча.

— Заткнись! — выкрикнула она. — Я лишилась прошлого, потеряла настоящее, но у меня ещё есть будущее! Я не собираюсь от него отказываться, я строю его из своей и чужой крови! А вот она… — девушка глянула на меня, — Она может ничего не делать, Фокус позаботится!

— Ты мне угрожаешь? — Эдвард тоже опустил руку на меч.

— Остановитесь! — я не знала, что еще сказать, — Пожалуйста, не ругайтесь! Эдвард…

— Ты сказал ей свое имя? — девушка картинно схватилась за голову. Но, хотя бы, убрала руку с оружия.

Глава 2. Часть 2

— Алекс заслуживает знать все. Она анкер, — юноша расслабился, тоже отпустил рукоять меча. — Вспомни, что нам следует довести ее в целости и сохранности до дома, а мы стоим во дворе, у всех на виду, и спорим. Тебе стоит успокоиться, Рейн, и прислушаться к голосу своей половинки.

— Ты и моё имя растрепал, придурок?

— Ты потеряла гармонию, Рейн, — сказал Эдвард медленно, — Я куда старше тебя и дольше хожу в протекторах. Соберись сама и возьми свои чувства в кулак. Повторяю: чрезвычайная ситуация требует нестандартных действий. Это наше решение, Рейн, и Фокус примет его.

Сказав это, Эдвард зашагал к моему подъезду. Я, мгновение поколебавшись, последовала за ним. Оглянувшись, я увидела, что Рейн неохотно поплелась следом, слегка покачиваясь. Она приложила руку к голове, словно у нее была головная боль, и что-то бормотала.

— Не обижайся, — шепнул мне парень, — Ее перевели на твой слой, Землю, полгода назад.

— Из-за чего? — я даже не стала спрашивать, какие еще «слои» есть. Была уверена, что он не ответит.

— Да так. Разное говорят, — он хмыкнул. — В знак отличия за мужество и мастерство в бою… говорят.

— Я не понимаю.

— Для меня это такая же тайна, как для тебя, — пожал плечами Эдвард, — Рейн — самая странная личность, с которой я когда-либо встречался. Она хороший воин, но плохой протектор. Протектор должен хорошо сражаться, с этим у неё всё в порядке, но ещё он должен быть верным, а ее верность — как у дикой кошки. Протектор — это олицетворение преданности и отваги, но она так стремится выслужиться, что искажает саму суть служения. Извини, не люблю говорить о людях за глаза, но она эгоист и манипулятор.

— Вау, — вырвалось у меня, — Ты прирожденный оратор!

— Извини. Я раньше был начинающим актером, сыграл множество ролей, и теперь порой веду себя как на сцене.

Я улыбнулась. Эдвард впервые сказал о себе что-то личное.

Мы втроем подошли к подъезду. Рейн плелась сзади, ни на кого не глядя. По-видимому, все еще варилась в своей обиде. Приложив чудом уцелевшую таблетку ключа, я открыла дверь и кивнула, приглашая обоих в подъезд. Рейн, проходя, нарочно толкнула меня плечом, а вместо того, чтобы извиниться, прошептала:

— Дылда неуклюжая…

Как я ни крепилась, нервной дрожи подавить не смогла. Что-то в ее голосе пробрало меня от макушки до пяток, словно каждое слово она не произносила, а выплюнула.

— Вы к кому? — насторожилась старушка-консьерж, выходя нам навстречу. Тут она увидела меня и изменившимся тоном спросила, — Саша, это к тебе?

— Д-да, ко мне, — я представила себе, как мы выглядим. Грязные, в рваной одежде, а у Эдварда и Рейн ещё и мечи. — В школе спектакль репетируем. Трех мушкетеров ставим.

— Трех мушкетеров? — удивилась женщина, поглядывая на перевязи с ножнами, —

Мне казалось, все мушкетеры были мужчинами. И их было четыре.

— Современный мир меняется, Галина Ивановна!

Лифт пиликнул, и я шагнула в кабину. Нажала на кнопку седьмого этажа, встала в угол и, заложив ногу за ногу, придала лицу скучающее выражение. Признаться, меня потихоньку начинала пробирать усталость (или как модно говорить: эмоциональное выгорание, но какая разница). Рейн встала у дальней стенки, мельком оглядела себя в настенном зеркале, особенное внимание уделив курносому носу, и с невозмутимым видом стала поправлять растрепавшиеся волосы. Эдвард переводил взгляд с меня на Рейн, с нее на меня, пока, наконец, не откашлялся:

— Рейн, ты не хочешь ничего сказать?

— Отвали, — девчонка уперла палец в зеркало, надавила — и поверхность того пошла трещинами, — Я не буду извиняться.

— За сломанное зеркало вам не придётся бумаги заполнять? — вырвалось у меня.

— Ха! Алекс права! — Эдвард усмехнулся, — Рейн, какая муха тебя укусила?

— Я сама укусить могу, пусть она меня не поучает! — процедила девушка. — Кукла фарфоровая, с которой все носятся.

— Так и ты сама носишься, — вырвалось у меня прежде, чем я успела закрыть рот. Поздно.

— А ну-ка повтори! — Рейн угрожающе повернулась ко мне, но Эдвард сделал упреждающий шаг вперед и прижал её к стенке. Лифт дёрнулся и остановился между этажей.

— Ума лишилась? — Эдвард шептал, но шепот его напоминал океан перед бурей, сулящий появление смерчей, молний и даже, возможно, Ктулху.

Секунду они сверлили друг друга яростными взглядами.

Потом Рейн опустила взгляд и неохотно пробормотала:

— Я ничего плохого не имела в виду. Я лишь попросила повторить…

— Ещё раз услышу такой тон… — Эдвард помедлил. — Назови пять первых законов!

— При ней что ли? — оскалилась Рейн.

— Назови!

— Анкер не должен пострадать, даже ценой смерти протекторов, — неохотно сказала Рейн. — Анкер не должен знать, что является объектом защиты протекторов… между прочим, ты нарушил!

— Дальше, — велел Эдвард.

— Анкер не должен быть объектом насилия со стороны протекторов, — тихо сказала Рейн. — Я понимаю, я прошу простить меня…

Эдвард кивнул.

— Анкер не должен знать о Декаде и протекторах… Анкер не должен покидать свой слой без протекторов… Анкер должен…

— Хватит! — быстро сказал Эдвард. — Я же сказал — первые пять!

— Мы уже нарушили второе, — неохотно заметила Рейн. — И четвёртое. А ты предлагаешь нарушить пятое!

— Табу идут по старшинству, — отрезал Эдвард. — Ради сохранения жизни анкера их допустимо нарушить.

Рейн неожиданно ухмыльнулась.

— Ну, так может и третье тогда нарушим?

Эдвард что-то сдавленно прошипел. А вот я, как ни странно, от слов Рейн развеселилась. Мне вдруг показалось, что она не настолько злобная, как хочет казаться. Скорей уж притворяется, пытается соответствовать какому-то придуманному образу.

— Хочешь — нарушь! — сказала я. — Стукни! А я тебя в ответ. Только давай без железок?

Глаза у Рейн забегали, она смотрела то на меня, то на Эдварда. Неужели всерьёз? Мне доводилось драться, но давно, в младших классах, и не с таким смертоносным бойцом…

К счастью, Эдвард вздохнул:

— Шуточки у тебя…

И лифт, дёрнувшись, вновь пополз вверх. Почти сразу дважды пиликнул, и двери открылись.

— Подеремся, точно накажут, — Рейн шмыгнула из лифта, выскользнув из рук Эдварда с проворством и грацией кошки. Встав посреди площадки, заявила: — Отдадим девчонку второй смене, и я умываю руки. Подам прошение о смене слоя. И тебе хорошо, и мне. Договорились?

Эдвард, помедлив, кивнул.

Мы вышли на площадку, квартира моя была чуть дальше по коридору. Эдвард оттянул лацкан рубашки и посмотрел на приспособление, напоминающее наручные часы. Прозрачный циферблат был поделен на сектора, причём мне показалось, что их не двенадцать, а поменьше. Сектора были заполнены не то жидкостью, не то песком черного цвета, причём все в разной мере. Выглядело устройство совершенно непонятно.

— До следующей смены шесть лучей. Три часа, по-вашему, Алекс.

— Я домой обычно в пять возвращаюсь. Думаю, сейчас около шести.

— Елена Викторовна нас не выгонит? — спросил юноша, обращаясь ко мне. Мамино имя он произнёс так небрежно, словно был с ней давным-давно знаком. — Если скажешь, что мы вместе… ну, школьный проект готовить будем, она позволит остаться с тобой до вечера?

— Позволит, — я смутилась, — Мама всегда рада любым моим друзьям.

— Что не удивительно, — Рейн фыркнула. — Их ведь нет.

Я вспыхнула и бросила на нее обиженный взгляд. Меня оскорбило не то, что она так свободно говорила гадости, но то, что сказала чистую правду. Я с трудом заводила новые знакомства, а старые поддерживала с неохотой — не любила ни по театрам ходить, ни кино смотреть, ни в гостях бывать.

— Рейн, — Эдвард взял девушку за запястье, и та не смогла вырваться, — Да что с тобой не так?

— Со мной не так?! — та вновь с радостью воспламенилась. — Может быть с тобой? Что ты с ней носишься? Зачем открыл имя? Какое тебе до нее дело, а?

— Я ее протектор, — ответил Эдвард. — Как, пока что, и ты!

— Пф-ф! Я ее протектор всего полгода, а в слое увидела впервые!

— И чем она тебе так не понравилась, что ты готова нарушить священный долг?

— Такой ли он священный? — вызывающе спросила Рейн. — Это всего лишь работа и я делаю её хорошо! Но охотнее защищала бы кого другого!

Парень какое-то время пристально смотрел на собеседницу, точно пытался не только прочесть ее настроение.

— Точно так же, как защитила Роя?

После этого они с минуту стояли молча, не двигаясь и не произнося ни слова. Я не могла не заметить, что плечи Рейн заметно опустились, словно девушка смертельно устала или чем-то серьезно расстроена. Я благоразумно решила не вмешиваться в их разборки, оставаясь в стороне.

— Не моя вина, — сказала Рейн наконец. — Рой слишком привязался к объекту, оттого и погиб. Нельзя протектору оставаться в одном слое слишком долго, есть риск… влюбиться в объект охраны.

Эдвард хмыкнул. Поднял руку, размахнулся и отвесил Рейн звонкую пощечину. Не сильную, но наверняка болезненную и обидную.

Девушка не шелохнувшись. Эдвард снова занес ладонь.

— Постой! — я перехватила его руку, — Что ты делаешь?

— Забудь всё, что я сказал о ней, — мрачно заметил Эдвард, — Она неисправима. Рейн бросила напарника умирать, а сама спасла анкера… выслужилась! Ума не приложу, как ее не вышвырнули из Фокуса. Я согласился с ней служить, потому что хотел своими глазами увидеть предательницу.

— Я не предавала, — проговорила Рейн. — Рой совершил ошибку, анкер был в опасности…

— Ты не достойна своего эола, — Эдвард с отвращением отвернулся. — Хочешь высокого поста и поменьше неприятностей — иди в негоцианты. Но хорошим протектором ты не станешь никогда. Я позабочусь.

Рейн молчала.

— Видеть тебя не желаю, — Эдвард сунул перчатку в карман и свободной рукой оттолкнул девочку в сторону, — Пойдем, Алекс. Рейн, можешь возвращаться в Фокус. В Сердце не заявляйся, я сам расскажу регентам о случившемся.

Выслушав отповедь, девушка покорно направилась на лифтовую площадку. Мельком взглянула в мою сторону: с первого взгляда я не поняла, что блестело в ее глазах, однако, когда она прошла мимо меня, я поняла, что это был не гнев. Рейн отвернулась. Вызывать лифт она не стала, присела на подоконник, стала смотреть в окно, обхватила себя руками. Ее будто лихорадило.

— Эдвард, с ней все хорошо?

— Лучше, чем с Роем, — парень задумчиво посмотрел на меня, — Пойдем.

Я постучала в дверь и приготовилась к худшему: что посыплются вопросы о потерянных вещах, грязной одежде и двухчасовому опозданию. Я еще не придумала, как отвечу на это. Выдумать, что потеряла портфель и телефон в школе и долго их искала? Или что кто-то взял по ошибке, а завтра вернет? Черт, а можно ли завтра быть прежней? Я имею в виду, не опасно ли мне будет вновь куда-нибудь идти? А вдруг вновь появится тот, твидовый? При воспоминаниях о твидовом джентльмене на меня накатила тревога. Отчаянно захотелось быть дома, но дверь, к моему удивлению, никто открывать не спешил.

Мама задержалась на работе? Глупости! У нее сегодня работа до трёх! И не могла мама никуда пойти, не дождавшись меня.

Я подергала дверную ручку, ощущая нарастающую тревогу. И вдруг ощутила, что к моей ладони пристала свернутая в несколько раз бумажка. Видно, она была прилеплена к обратной стороне ручки, так что ее не было видно издалека. Я развернула листок. Чувствуя, как сердце отбивает бешеный ритм, поднесла к глазам желтый квадратик с рисунком плюшевого медвежонка в уголке. Самая обычная напоминалка, на которой записывают

список покупок, номера телефонов и прочую ерунду, у нас точно такие на холодильнике висят… Листок был исписан с двух сторон очень мелким каллиграфическим почерком.

«Данная информация адресована Александре Романовой,

если ее читают неразлучники, то покорно прошу передать записку адресату.

если ее читают сторонние лица, то прошу вернуть записку на свое место во избежание скорой и мучительной смерти.

Спасибо за понимание!»

Я дрожащей рукой перевернула листок.

«Дорогая Алекс,

Тебе не следовало уходить с того поезда, полагаю, ты и сама уже поняла. То, что с тобой произошло — чудо, но чудо страшное, кровавое! Твоя жизнь должна была окончиться с честью, которой ты безусловно достойна, но ты позволила «спасти» себя парочке психопатов, прислуживающих тиранам.

Смерть сегодня все равно случится. Пусть не с тобой, но с теми, кто тебе дорог. Считай, что это кровавая отсрочка, которую ты по трусости заплатила.

Мы все равно придем, но ты погибнешь уже бесславно.

А пока живи и помни, что проживаешь чужую жизнь.

Искренне,

С. Н.

P.S. Неразлучникам: как вы находите новый плакат?»

— Алекс? — заподозрив неладное, юноша сделал шаг вперед, — Все нормально?

— Угрожают, — я ощутила, что пол готов уйти у меня из-под ног, и прислонилась к двери, — Просто угрожают, ведь так?

Я с надеждой на него взглянула, но лицо Эдварда лишь напряглось. Пробежав глазами по аккуратным строкам, он выругался. Полез в карман и протянул мне ключи на стальном колечке — явно от нашей квартиры, вот только я не видела такого комплекта. Взяв их из рук Эдварда, я попыталась открыть дверь. Ключ почему-то застрял в замке.

— Спокойно, — Эдвард выхватил меч, — Отойди, — он вонзил меч в металлическую дверь. Без видимо усилия, словно чистил спелое яблоко, вырезал вокруг замка отверстие, слегка задев стену. Тяжелый шмат металла с грохотом упал на коврик, следом посыпалась штукатурка и бетонная крошка. Эдвард пнул дверь, та распахнулась.

Я стояла в метре от двери, но даже до меня донеслась кислая, терпкая вонь. Повеяло чем-то жутким. А ещё в квартире стояла зловещая красноватая полутьма, будто свет выключили, а шторы задёрнули.

— Мама? — в сознании будто что-то щелкнуло, и я все поняла. Я рванулась вперед, но Эдвард схватил меня за плечи и оттащил в сторону, — Мамочка!

— Алекс, там опасно, — юноша крепко держал меня, — Рейн, возьми ее!

Ноги мои сами подогнулись, и я опустилась на пол. Откуда ни возьмись появилась Рейн, схватила меня в охапку и подняла, но я снова осела — ноги были точно ватные, голова гудела, в глазах стоял туман.

— Ждите здесь, — Эдвард вбежал в квартиру.

Через секунду, или минуту, или час — время будто исчезло, — из квартиры донеслась его ругань.

— Рейн, нет смысла ждать второй смены! — в коридоре показался Эдвард, прикрывая нос рукой, неестественно бледный и озлобленный.

— Почему? — Рейн все еще поддерживала меня, но, на удивление, еще ни разу не подколола и не обозвалась. Повлияла ли на это пощечина Эдварда или записка, оставленная твидовым — не знаю.

— Они здесь. Все четверо мертвы, вместе с эолами — Миротворец не докричался ни до кого. Через лимфу сюда залезла целая стая, но вторая смена либо ждала в засаде, либо шла следом — и завязался бой. Там потроха и кровь. Кровь и потроха. Врагов… и наших.

Эдвард прикрыл дверь.

— Следует направить сюда специалистов, они поймут больше. Пока оставим все как есть.

— Если люди увидят?

— Убегут.

Я схватила Эдварда за плечо и выкрикнула:

— Где моя мама? Она там? Она жива?

Эдвард посмотрел на меня и тихо ответил:

— Она там. Не надо тебе её видеть, Алекс.

Я всё поняла, конечно. И оцепенела, будто вновь болталась в ледяной лимфе…

— Куда теперь? — услышала я голос Рейн, — Теперь нам не на кого ее оставить!

— Шестой закон, — ответил Эдварда, — Анкер должен быть доставлен в Фокус, если протекторы не могут защитить его в слое…

— Эд, шестой не применялся уже много лет…

— Что поделать. Сердцу будет не до нас, когда свалится новость о гибели четверых протекторов.

Собрав все силы, я выпрямилась, попыталась рвануться к двери, но вырваться из хватки Рейн было невозможно.

— Я хочу увидеть маму! — закричала я так громко, что меня, наверное, услышал весь подъезд, с первого по двенадцатый этаж. — Да пусти ты меня, пусти!

— Алекс! — Эдвард потряс меня за плечи. — Нет! Там может ждать засада, которая пропустила меня, но…

— Если бы я оставила засаду, — неожиданно сказала Рейн, — то не в этой квартире.

Они с Эдвардом уставились друг на друга. Потом дружно посмотрели на дверь противоположной квартиры.

— Чёрт, — сказал Эдвард.

В тот же миг Рейн швырнула меня на пол. Я невольно начала отползать в угол, понимая, что надвигается новая бойня.

И та не заставила себя долго ждать.

Дверь соседей распахнулась, и оттуда выскочили двое, на вид самые обычные люди. Джинсы, рубашки, поверх — бронежилеты, на головах чёрные балаклавы…

А в руках автоматы, и стрелять они начали сразу же, как распахнулась дверь. То ли меня уже не собирались брать в плен, то ли сочли, что на полу я уцелею.

Рейн среагировала быстрее Эда: прижала лезвие к груди, опустила голову и бросилась

вперед, на наемников. В неё стреляли в упор, но то ли промахивались, то ли ей это было нипочём. Сверкнул меч и один из стрелков с воплем рухнул, во все стороны брызнула кровь. Второй теперь стрелял в упор: Рейн пошатнулась, но продолжала идти на него. Между ней и стрелком на пол с мягким стуком сыпались пули.

У неё что, тоже бронежилет?

Эдвард атаковать не спешил, стоя прямо передо мной: поглядывая то вперед, на напавших, то назад, в мою квартиру. Подозревает что-то?

Да, у людей, которые пытались меня убить, не было ни клыков, ни когтей, ни дополнительной пары рук — но у них было огнестрельное оружие. Разве может быть что-нибудь смертоноснее?

Рейн нанесла удар, отскочила, заслонившись мечом. Второй стрелок упал, голова у него как-то неестественно вывернулась набок, опять ударила кровь. Рейн шагнула за порог.

А в глубине квартиры (вообще-то её снимала молодая пара, я лишь надеялась, что они ещё не вернулись с работы) стоял ещё один человек в бронежилете и балаклаве. У него был лишь пистолет, но он держал его очень уверенно, двумя руками и целился Рейн в голову.

И едва второй автоматчик упал, он начал стрелять.

Рейн остановилась, а пули, все до одной, ударили в дверь, обрисовав контур её головы. Словно стрелок выступал в цирке и демонстрировал свою меткость, не попадая в девушку-ассистентку.

Да как у нее это получается? Нечеловеческая реакция или что-то не так с мечом?

— Сдохни! — человек отбросил пистолет, выхватил откуда-то нож и бросился на Рейн. Удар, неуловимое движение — и человек упал, с рукоятью собственного ножа, торчащей из глазницы, повалив при этом Рейн. Она рывком сбросила с себя тело, вскочила на ноги.

— Всё? — я тряслась, как в лихорадке, судорожно вцепившись в штанину своего протектора. — Это были…

— Вторую проверь! — крикнув это, Рейн бросилась вглубь квартиры, служившей местом засады. Там опять загрохотал автомат, но я уже не сомневалась, что плохо придётся стрелку. Эдвард тем временем сгрёб меня с пола и перебросил через порог квартиры, которую зачищала Рейн, над ещё вздрагивающими телами наёмников.

Сам протектор вновь прижал руку к лезвию, провел по нему, оставляя на лезвии капли крови. И шагнул на площадку.

Автоматный грохот на кухне прекратился, зазвенела бьющаяся посуда, раздался короткий крик.

— Оставайся здесь, — Эдвард мельком глянул на меня и выскочил на площадку. Я услышала, как стукнула дверь третьей квартиры… там жил одинокий пожилой мужчина, я даже не помнила, когда он возвращается домой…

Эдвард, которого я видела в раскрытую дверь, прижал меч к щеке, словно в замахе, что-то шепнул… и метнул меч. Не раздалось ни крика, ни выстрела, но что-то тяжелое упало на пол. Эдвард тем временем схватился за сердце и, спотыкаясь и оседая, словно его ранило, кинулся в квартиру.

— Эд, ты как? — Рейн вернулась с кухни, мельком глянула на меня. Выскочила на площадку. — Ты что… кинул его!?

Я тоже осмелилась подняться. Стараясь не смотреть на тела убитых, вышла на площадку. По пути я все-таки наступила на чью-то руку, которая под моим весом хрустнула будто ветка.

«Разве я такая толстая?» — метнулась в голове дурацкая мысль.

На площадке стояли Эдвард и Рейн. В дверях третьей квартиры лежало ещё одно тело, рядом с ним автомат. Видимо, Эдвард убил его, метнув меч.

— Я должна увидеть маму… — пройдя мимо Эдварда, с опустошением разглядывающего поле боя, я вошла в квартиру и побрела в свою комнату. По такому привычному коридору, с привычными семейными фотографиями в рамках… Мама, папа — когда он ещё жил с нами, я… Почему-то все стёкла были разбиты, а моё лицо на фотографиях — разрезано и исколото лезвием ножа.

Эдвард схватил меня за плечо и вытащил обратно. Он вновь выглядел полным сил и решимости.

— Ты не имеешь права… — голова моя кружилась, слова путались. — Ваши законы…

— Как раз имею. Твое желание непременно нанесет тебе боль, поэтому оно в моей компетенции.

И вот тут я отрубилась.

Или, быть может, Эдвард что-то со мной сделал?

Мы куда-то шли. Или меня куда-то вели. Или несли.

— Эд, слушай, насчет того, что я сказала…

— Сейчас не время, Рейн.

— Знаю. Но другого может не представиться.

Что она говорила, я уже не слышала. Словно отключилась на несколько секунд или минут, а когда пришла в себя — мы стояли внутри темной кабины с мигающей, вечно неисправной лампочкой, разбитым зеркалом и красным табло этажей на стене, где лениво сменялись числа. Лифт шёл вниз.

— Алекс, мы тебе сейчас завяжем глаза, хорошо?

— Рейн, поддержи…

— Не туго?

Я молчала.

— Сейчас мы нырнем. Путь пройдет через артерию, поэтому дыхание задерживать не обязательно.

— Она тебя не слышит, разве не видишь?

— Раз, два, три. Нырок.

Когда на первом этаже лифт открылся, внутри никого не было.

Глава 3. Не вороши прошлое

3. Не вороши прошлое

Дождь, похоже, начался ещё вчера. С черепичных крыш стекала вода, струилась по немощеным улицам, смешиваясь с песком и мусором. Тут даже канав не было, наверное, нечасто случаются ливни. Для селян такой дождь жарким летом может и в радость, а вот для горожан — вряд ли. Медленно перебирая ногами по мокрой каменистой земле, я сонным взглядом скользила по одно-двухэтажным зданиям, окнам (если дом побогаче — то застекленным, если нет — так прикрытым решетчатыми ставнями), вывескам. Местный алфавит, напоминающий арабский, я не знала, но на всех вывесках были ещё и рисунки: миски с едой, цветы, травы, одежда, домашняя утварь. Наверное, не все тут умели читать. Встречались и кафешки, ну или что-то подобное, со столиками под навесом — хозяева разочарованно провожали нас взглядами. В таких маленьких лавках и заведениях один день без прибыли — уже издержки.

Я сказала «нас»?

Да, я была не одна. Шла, почти повиснув на шее Рейн, как заводная кукла. Настой, который она убедила меня выпить, отбил все чувства и погрузил меня в сонное оцепенение. Неприятно, но, наверное, иначе я не преодолела бы весь путь.

— Мы ведь не на Земле? — спросила я.

Не то, чтобы мне это было интересно. Но ведь надо как-то поддержать разговор.

— На другой Земле, — помедлив, ответила Рейн. — Этот мир называется Гемма, он идёт первым в Декаде.

— Главным?

— Главных нет. Просто считать начинают с него, — Рейн встряхнула меня, поудобнее укладывая руку на своём плече. Откуда у неё было столько сил — не знаю, она тащила меня уже с час, а я едва переставляла ноги.

— Гемма вся такая?

Рейн опять задумалась, прежде чем ответить.

— Ты имеешь в виду национально-географические особенности или же технический уровень?

Почему-то вопрос показался мне смешным, и я хихикнула.

— И то, и другое.

— Гемма разная. Основная особенность — множество небольших феодальных государств. Данная местность расположена там, где у вас Ближний Восток. Примерно. Точных соответствий не ищи, история здесь шла иначе. А техника… — она вздохнула. — Начало двадцатого века, если угодно. Впрочем, у знающих есть всё.

— Знающих?

— Тех, кто знает о Декаде.

Я поняла, что каждый ответ порождает новый вопрос и замолкла.

Город этот, как сообщила она вскользь, назывался Сен-Ариф, мы были где-то на окраине и шли к человеку по имени Корнелиус Марибо. Когда мы наконец-то остановились у двухэтажного дома (побогаче прочих), Рейн облегченно выдохнула и прислонилась к стене.

Я никак не могла понять, рада она или нет, что мы сюда пришли. Оставив попытки

разобраться, всё равно мозги едва шевелились, я посмотрела на вывеску.

Странно, какие-то буквы словно стали мне понятнее. Показалось, что я прочла имя «Корнелиус Марибо», а ещё что-то про «травы» и «дочь».

Меня осенило.

— Это твой отец? — спросила я, — Торгует приправами? «Корнелиус Марибо и дочь, лучшие травы»?

Рейн удивленно глянула на меня.

— Ну как бы отец, как бы приправами… Всё-таки вы, анкеры, особенные. Обычный человек впитывает письменную речь не меньше недели.

И, не вдаваясь в уточнения, постучала в дверь.

— Нет, нет, лавка ещё закрыта! — раздалось из-за двери. Вот слова я понимала прекрасно, хотя и ощущала, что говорят не по-русски, — Кому я нужен в такую рань?

Но на самом деле по звуку шагов было понятно, что неведомый господин Корнелиус спешил к двери. Какой же торговец откажется от клиента! Послышалось шуршание ключей и тихое бормотание, вслед за которым дверь приоткрылась. Звякнула цепь, удерживающая дверь приоткрытой так, что внутрь не ворвёшься. В проем выглянул пожилой морщинистый мужчина, лысый, но с пышной, густой и чёрной бородой. Узкие глаза смотрели неожиданно ясно, словно оценивали клиента до мелочей.

— Две девицы, без мужчин, волосы распущены, колени неприкрыты, одеты пестро — вы мне не покупатели! — Корнелиус мигом потерял к нам всякий интерес, — Если путники ищут, где переночевать и заработать, то в гостинице на следующем перекрестке почти нет клопов, зато много уставших купцов и гонцов, — он покачал головой и стал закрывать дверь, — Я уже слишком стар для таких развлечений…

— Я тоже скучала, па, — Рейн сбросила капюшон.

— Ре-Рейн? — мужчина застыл в проёме и уставился на мою спутницу. — Ты?!

— Не держи на пороге. Мы промокли до нитки и очень устали.

— Господи, благослови этот дождь, — купец чуть не заплакал от радости, — И этот день! Он принес мне тебя, соль моей жизни! — он попытался открыть дверь, забыв о цепочке, и чуть не выломал ручку. Не переставая бормотать благодарности, мужчина снял запор и распахнул дверь.

— Отнеси её в мою комнату, — Рейн буквально втащила меня в помещение и передала в раскрытые руки Корнелиуса, попытавшегося обнять мою спутницу, — Береги ее как зеницу ока самого господа.

— Как скажешь, мрачноцветик, — вздохнув, мужчина взял меня на руки, словно пушинку, и куда-то пошел.

Я услышала шелест занавеса из бус и ощутила мелкий бисер, щекотнувший лицо — судя по сменившемуся освещению и потрескиванию камина, Корнелиус отнес меня в жилое помещение.

Меня уложили на диван, и я блаженно выдохнула — руки и ноги онемели от усталости и теперь гудели тупой равномерной болью, пронизывающей до самых костей. Я хотела заснуть и забыть о ней, но сон не наступал — стоило мне закрыть глаза, как я оказывалась один на один с неестественной пустотой вокруг меня. Это была не та сонливая пустота, предшествующая дреме, а сосущая где-то глубоко внутри пустота, тянущая за собой, зовущая, кричащая… Я бросила попытки заснуть и обратилась во слух, следя за происходящим в лавке.

— Я так скучал, Рейни! — купец ходил за шторой. — Так скучал! Одиннадцать месяцев, почти год! Доченька, как ты?

— Нормально. Па, мне нужны четверть унции порошка бледного дуриана, плошку разведенной в стакане теплой воды бахчи-комы, семь скрупулов красного мышецвета и пять драхм масла тоэльской гвоздики, собранной зимой не позднее солнцестояния…

Я удивленно приподняла брови и даже усмехнулась бы, будь у меня силы. Вот это уверенность и знание своего дела! Но что она собирается делать с этими ингредиентами? Зелье варить?

— Пять драхм масла зимней гвоздики! — всплеснул руками купец, — Сплошное разорение! Кто эта особа?

— Прошу, па, просто принеси все это, — устало ответила Рейн.

— Ай-ай-ай, во что ты снова впуталась! — запричитал отец, подходя к ящикам с травами, — Семь скрупулов мышецвета, ты сказала?

— Можно шесть, — отбросив водопад бисерных нитей, девочка вошла в комнату, — Алекс, спишь?

Я решила промолчать, притворившись спящей. Не знаю, почему, может, я все-таки устала, а может, решила послушать их беседу. Так или иначе, я закрыла глаза и стала мерно посапывать.

Рейн присела на колени возле дивана, на который меня уложили, и хмыкнула.

— Заснуть на чужом слое? — прошептала она немного удивленно, — Хм. Анкеры…

Она встала и отошла в сторону. Приоткрыв веки, я стала следить за ней сквозь ресницы. Комната была небольшой, довольно уютной, с множеством мягких ковров, тяжелыми занавесями на единственном узком окне. Из мебели был лишь диван, несколько шкафов, кресло и письменный стол, заваленный всякой всячиной. Единственный свет в комнате давала настольная лампа — не электрическая, под матовым стеклянным абажуром дрожал яркий белый огонёк пламени.

Рейн взяла с рабочего стола не то ручку, не то карандашный грифель и, закатала рукав рубашки, стала что-то отмерять на руке. Чуть повыше локтя поставила пометку и отложила грифель. Бросила на меня взгляд. Затем пошарила в кармане и вытащила узкую маленькую шкатулку. Открыла.

— Черт подери, — она достала осколки медицинского шприца — старинного, стеклянного. — При нырке разбился… — Рейн закрыла шкатулку и огляделась, — Почему тут еще не изобрели шприц?

— Рейни, я тебя не видел почти что год! — послышался из-за занавески голос Корнелиуса, сопровождаемый звоном склянок и глиняных кувшинов, — И вот ты дома, но даже не обнимешь своего старика! Я не держу на тебя обиды и мирюсь с твоим свободолюбием, но я достоин хотя бы капельки благодарности! Я как-никак отец тебе!

— Прошу, не заводи эту шарманку, ты знаешь, что я тебя очень ценю, — Рейн закатила глаза. — Где бронзовый скальпель, которым я острила карандаши?

— Ты забыла, да? — между занавесок показалось печальное лицо пожилого торговца, — На полке справа, корень моей души. Между мурлской чернильницей и стопкой кинийской бумаги.

Я услышала быстрые шаги — Рейн бросилась шарить по полке. Послышалось звяканье лезвия, когда Рейн наткнулась на него. Затем я услышала глухой звук керамической посуды, которая тоже зачем-то понадобилась ей. Какое-то время не было слышно почти ничего,

кроме уютного потрескивания лампы…

Когда купец вошел в помещение, неся серебряный поднос, звенящий склянками с запрошенными травами, порошками и выжимками, Рейн жестом попросила поставить все на стол.

— Спасибки, — девушка встала на цыпочки и поцеловала Корнелиуса в щеку, — Можешь, пожалуйста, выйти еще на минутку? — не дождавшись ответа, она обратилась все внимание на принесенные ингредиенты. За то время, пока я следила за движениями ее рук, она не запнулась ни разу, с методичностью машины перемешивая порошки и взбалтывая содержимое склянок. Создавалось впечатление, что она проделывала этот трюк сотни раз.

— Рейн! — в голосе аптекаря зазвучали молящие нотки, — Сначала ты отсутствуешь почти год, затем влетаешь как самум из пустыни, а теперь требуешь, чтобы я ушел? Я возмущен!

Рейн медленно повернулась и смерила его долгим, очень долгим взглядом. Черные глаза ее встретились со слезящимися, полными печали глазами мужчины.

— Ох, небеса, я ведь прошу о самом малом! — купец, казалось, едва сдерживал слёзы, — Ты рвешь мне сердце! У других дочери как дочери, замужние давно! Глядишь, уже детишек растят, налюбоваться не можешь! А ты красоту свою напрасно тратишь, меня не щадишь!

Рейн открыла было рот, но ничего не произнесла. Отвернулась, вернувшись к склянкам. Аптекарь горестно взмахнул рукой и вышел, вздыхая, но не проронив более ни слова.

Через какое-то время, за которое сон так и не одолел меня, Рейн закончила смешивать ингредиенты и принесла маленькую плошку, которую использовала ранее. Бросив на меня очередной испытующий взгляд, она добавила бледно-розовую жидкость в общую массу, перемешав. Потом перелила густую комковатую жижу в маленький стакан.

Она что, предложит мне это выпить?! Я не стану глотать эту серую бурду!

Еще в дошкольном возрасте, когда я, малолетняя дурочка, срывала бутоны одуванчиков, листочки, ягодки в парке, где мы с мамой гуляли, и «варила» из них «обед» — клянусь, еще тогда приготовленная масса выглядела аппетитнее и съедобнее!

Я попыталась унять нарастающую панику, одновременно понимая, что, если Рейн сунет мне стакан с микстурой, я не смогу отказаться — под каким предлогом? Буду звучать подозрительно, она поймет, что я притворялась и все слышала и видела.

Только вот, что именно я видела? Что в плошке?

— Алекс? — Рейн присела на диван, перемешивая микстуру в стакане, — Алекс, привстань, пожалуйста! Тебе нужно это выпить.

Что делать?! Продолжать притворяться?

— Алекс! — девочка стала меня тормошить, и я невольно открыла глаза.

— Что такое? Ты меня разбудила.

Рейн внимательно изучала меня, едва заметно улыбнулась.

— Выпей, — сказала она, протягивая стакан, — Это поможет.

— Чему поможет?

— Заснуть.

Я побледнела, но самообладания не потеряла

— Но я и так спала! — сказав это, я встретилась с ней взглядами, но не смогла выдержать иронии в ее глазах, — Я не стану это пить.

— Не выпьешь — будешь испытывать проблемы со сном ближайшие недели, а то и

месяцы. Это лучшее средство. Даже в Фокусе нет лучшего аналога.

— Что ты туда добавила?

— Ты же не спала. Ты все прекрасно слышала, — пожала плечами девочка, — Бахчикому, мышецвет…

— Нет. Не ингредиенты, — я присела на диване и изучила напиток. — Что туда добавила *ты?*

Рейн несколько секунд молчала.

— Свою кровь.

— Зачем?!

— Ты не поймешь, — покачала девочка головой, вставая и направляясь к бусам, — Но это не отрава. Смело выпей и засыпай. Продолжим путь завтра.

Я какое-то время смотрела ей в спину… затем проглотила микстуру и поморщилась. На губах остался кисловато-железный привкус.

— Извини, что повела себя так странно, — услышала я голос Рейн из-за шторы, — Ей было очень плохо, понимаешь? Она могла умереть.

— Умереть? — ахнул мужчина (как, впрочем, и я). В моей-то аптеке? Утром пятого дня? Ты желаешь мне позора и разорения?

— Больше её жизни ничего не угрожает, — поспешила успокоить его Рейн, — Я дала ей надежное лекарство.

— Поднять на ноги умирающую бахчи-комой? — в голосе купца послышалось сомнение, — Боюсь, я принес тебе не те травы, доченька.

— Разве? Но я точно видела еще порошок белого дуриана и мышецвет!

— Да, но они годятся лишь для улучшения пищеварения или усваивания пищи! Уймут язву в желудке, отгонят тошноту, отвеют запах изо рта, но на чудесное спасение неспособны!

— Не бери ты в голову, па, я обо всем позаботилась. Ей скоро станет лучше, зуб даю, а мы пока давай поговорим. Как отец и дочь.

И они заговорили. Говорили долго и монотонно, сводился разговор к тому, что Корнелиус уговаривал дочь остепениться и остаться с ним, а Рейн всячески увиливала от этой темы. Я быстро заскучала и, к своему немалому облегчению, смогла заснуть.

Сон мой был недолгим, может быть и исцеляющим, но крайне беспокойным. Под самое пробуждение мне даже приснился безумный кошмар (не знаю, впрочем, снятся ли кому-то «нормальные» кошмары).

Во сне я стояла посреди развалин какой-то крепости, вся в крови, а в руках у меня был меч. Я держала клинок в вытянутой руке, поднеся лезвие к шее сидящий рядом собаке. Собака покорно сидела на месте, не двигаясь, ожидая приговора. Левый глаз ее был слеп, но правый, жутковатого вишнево-красного цвета, глядел спокойно. Всю картину я наблюдала от третьего лица (крайне странное ощущение), поэтому, когда на моем месте появилась Рейн, я сразу это заметила. Ракурс сменился, оставляя собаку позади, и я увидела, что рядом с Рейн стоит колченогий стол и не менее кривой стул. На спинке стула висел гладко выглаженный твидовый костюм, а стол был сервирован тарелкой с бутербродом. Кривой столик раскачивался, и тарелка рисковала соскользнуть на пол.

Вот я (вновь я, Рейн вместе с мечом куда-то исчезла) села на скрипнувший стул, взяла бутерброд и попыталась откусить кусок, но у меня ничего не вышло — кусок был слишком большим. Стул разломился, и я полетела вниз, в пропасть, в темноту, встретившую меня

своими холодными объятиями. «Нет Декаде!» — доносилось отовсюду, — «Долой тиранов!» Падение прекратилось, я стояла посреди своей комнаты — раскуроченной, с варварски разломанной мебелью. Я обернулась и увидела в дверях мать. «Александра Романова, где вы были?» Я не ответила, лишь достала из-за пояса мой верный меч. Он всегда со мной. Всегда на моей стороне. Точно такой же, какой был у Рейн — с полумесяцем-набалдашником и прорезью-мечеломом внутри лезвия.

К моему изумлению, клинок был надколот в верхней трети, и из свежей раны текли красные струи. «Александра Романова, вы убежали с поезда!» — строго произнесла мать, — Вы заплатили за свою жизнь моей, анкер! Зачем вы бежите от судьбы, от нее все равно никому не убежать! Всякую секунду, что вы медлите, меня убивают! Снова и снова!»

Я проснулась в холодном поту, с трясущимися от ужаса руками, и укусила себя за кулак, чтобы не закричать. В окно кабинета, закрытое ставнями, уже пробивались лучи солнца. Судя по отсутствии шелеста по крыше, дождь закончился. Шок постепенно проходил, остатки сна неохотно, но покидали меня. Я пару минут просидела неподвижно, молчаливо массируя виски и собираясь с мыслями.

— Черт… — я промокнула глаза, на которые навернулись слезы, — не рыдать… не рыдать…

Вчерашний день медленно оживал в памяти, и это было вовсе не то, что я хотела бы помнить.

Поезд. Монстры. Протекторы. Бой. Бегство. Двор. Квартира. Снова бой.

Мама…

Меня так и не пустили туда, но я всё понимала.

А потом… потом были погружения в ледяную «лимфу», кажется два или три раза… меня куда-то тащили… Куда-то исчез Эдуард, осталась только Рейн. В какой-то момент я устроила истерику. Не пойму, где это было, какие-то руины в ночном лесу, полном странных звуков, Рейн сказала, что это «Устона», но я так и не поняла, речь идёт о руинах, лесе или, возможно, целом мире… Моя защитница очень спешила, явно чего-то опасалась и заставила меня выпить из пузырька жгучей жидкости. После этого я словно лишилась всех эмоций, шла за ней, снова ныряла в лимфу… пока, наконец, мы не оказались на окраине этого странного города.

Пролежав какое-то время в полной тишине, я отчетливо услышала настойчивый стук в лавку. Посетители аптеки пришли? Судя по всему, так как человек на улице ругался от возмущения, кажется, даже грозились никогда не возвращаться к столь «необязательному аптекарю». Корнелиус и Рейн, всё ещё обсуждающие семейные дела, их игнорировали. Потом донёсся голос аптекаря:

— У меня выходной! Приходите завтра!

Какое-то время было тихо.

Но тут кто-то забарабанил в ставни окна, и визгливый женский голос стал требовать от хозяина аптекарской встать, наконец, с кровати и принять посетителей как следует. Я слышала, как Корнелиус стал возиться с банками трав, и как Рейн спросила: «Ты уверен? Он ужасно воняет!»

— В этом и смысл, — судя по звукам, купец открыл окно на улицу, после чего гвалт мигом стих, желающих стоять у аптеки резко поубавилось.

— Сегодня у меня выходной, — повторил мужчина, хлопая ставнями, — У меня особый

гость!

— Ты серьезно поставил на окно настойку ночного аронника? — голос Рейн, — Ты потеряешь всех своих покупателей!

— К черту. Вернутся, куда они денутся? Я единственный держатель аптекарской в этой части города. Сегодня можем сходить в гости к брату… ты ведь помнишь его? Он писал нам письма из Афира, но теперь переехал сюда, хочет получить бóльшую прибыль, открыть новое дело. Я ему о тебе рассказывал, и он очень хочет встретиться! Не каждая почтенная женщина может похвастаться таким выдающимся умом, каким в столь юном возрасте обладаешь ты, ягодка!

Рейн не ответила. Повисла тишина, лишь тихонько стучал маятник часов где-то в доме.

— Я скажу то, что хотел сказать в первый день твоего путешествия, куда бы ты ни уезжала, — произнес Корнелиус. — Хватит! Оставь эти глупости, Рейн! Тебе пора остановиться, обустроиться и остепениться!

Рейн молчала. Я затаила дыхание, боясь упустить хоть слово.

— Дом с синей крышей, что напротив, хозяева скоро оставят — уезжают в южные королевства. Думаю, если поторговаться, то можно его купить почти за бесценок. Переедем, поможешь мне с обустройством, откроем новую лавку — больше и лучше, чем эта! Ты унаследуешь мое дело однажды, и я очень хочу, чтобы к тому моменту ты была замужем. Я говорил о тебе с достойными людьми. Глава купеческой гильдии овдовел, жаль, он уже немолод. А вот сын коменданта дворцовой стражи — юноша твоих лет, красивый лицом и благородный в поведении. Обе партии очень достойные, но главное…

— Па, когда моя подруга проснется, мы уйдем, — Рейн говорила медленно, словно вынося приговор, — Ни днем, ни часом позже. Прости.

Глава 3. Часть 2

Купец какое-то время молчал.

— Рейни, я никогда ни в чем тебе не отказывал, — сказал он чуть слышно, — я прикрывал глаза на все: от тех ночей, когда ты пропадала, до фингалов под глазами соседских ребят. — Купец сделал паузу. — Думаешь, я не понимаю, о чём говорю? Понимаю! Сам брал оружие в руки, тридцать лет назад, когда бушевала война. Год провёл в походах и чуть не распрощался с жизнью! Хочешь совет? Продай меч оружейнику! Не дело женщине размахивать оружием! Ты мастерски обращаешься с целебными средствами. Вернись в лавку, Рейн! Вернись ко мне!

— Продать меч?! — от интонации, с которой Рейн произнесла это, у меня забегали мурашки — в ней был не то страх, не то боль, — Нет! Нет! Не сейчас!

— Когда? — воскликнул купец. Он обошел прилавок и тяжело опустился на стул, так что мне стала видна его массивная спина и выбритый затылок, — Когда мне представится шанс снова увидеть тебя? Через полгода? Может, снова год? Или мне радоваться, что ты объявишься на моих похоронах?! Ты всё так же юна, но я не молодею, девочка, совсем наоборот…

Рейн встала и подошла к отцу. Обняла его, обхватив вокруг шеи. Корнелиус Марибо положил ладонь ей на волосы и стал бережно гладить, словно фарфоровую игрушку, которую однажды уронили, и теперь бояться неправильно тронуть, чтобы не увеличить трещину.

— Ох Рейни, — всплакнул он, — ты разбиваешь мне сердце…

— Нет, па, — быть может, мне показалось, но она отстраненно следила за биением артерии на его шеи, — Я склеила его осколки, когда было нужно, но вечно следить за ним не смогу.

— Возьми хотя бы денег, — попросил Марибо. — Десяток-другой золотых…

— Нет! — резко ответила Рейн. Видимо, сама поняла свою резкость и примирительно добавила: — У меня есть деньги.

— Тогда ожерелье, что я дарил тебе. В трудный час его можно продать…

— Папа, мне не идёт золото, — мягко ответила Рейн. — К тому же оно привлекает воров и грабителей. А браслет из голубых аметистов я ношу, видишь? Чтобы вспоминать о тебе…

Аптекарь горестно вздохнул, но больше не спорил.

Я подождала, пока Рейн отойдет от отца, и выразительно зевнула. Занавеска-водопад сразу же зашелестела, и в комнату вбежала Рейн.

— Ты проснулась!

— Ага, — я провела языком по зубам и поморщилась, ощутив кисловато-солоноватый привкус, — Эй, зельевар, почему у меня до сих пор во рту привкус крови?

Рейн резко обернулась, проверяя, близко ли Корнелиус.

— Забей, — бросила она, — Ты не ела. Съешь что-нибудь — и перебьешь. Хочешь конфету? — она достала из сумки конфету.

— Шоколадная, надеюсь?

— Лучше. Лакрица.

— Фу, гадость! — я вернула ей фантик и черную массу, — Лакрицей нужно пытать

заключенных!

— У всех разные вкусы. У каждого свои предпочтения в еде и питье, и предпочтения эти со временем меняются. Однажды ты это поймешь и с удовольствием съешь за завтраком пару лакричных палочек, вспоминая об этом разговоре.

— Ну уж дудки, — я предприняла робкую попытку встать, но ноги были словно ватные, так что я вернулась к сидению, — Меня от нее наизнанку выворачивает!

— Вижу, ты уже отшучиваешься. Нормально себя чувствуешь?

Я неопределенно покрутила рукой в воздухе.

— Бывало и лучше, — я потерла переносицу и, собравшись с духом, спросила, — Рейн, то, что произошло…

— Алекс, — девушка потерла переносицу. Достала из кармана набедренной сумки темно-бордовую склянку и, открутив крышку, вытряхнула на ладонь пару белых круглых таблеток, — Выпей это.

— Опять таблетки? — я была возмущена, — У тебя там что, аптечка скорой помощи?

— Нет. Просто универсальные средства на все случаи жизни, — Рейн смотрела на меня пустыми, словно меня перед ней не было, глазами, — Сильное лекарство, придуманное на Керсарии, сама им пользовалась.

— Что оно делает? — я взяла таблетку, покрутила ее.

— Позволяет сбросить с себя печали и горести, отдалить тоску, — протектор вытряхнула себе на ладонь белый шарик и, покрутив между пальцами, проглотила его. — Успокаивает, возвращает уровень серотонина в норму… — она пожевала и облизнулась, — с апельсином, между прочим.

— Опять потерять все чувства, как после той микстуры? — я завороженно уставилась на таблетку. — Но я не хочу забывать!

— Не забудешь, — Рейн покачала головой, — Это совсем другое средство. Лекарство поможет справиться с пережитой утратой, отдалив ее… буквально. Тебе будет казаться, что то, что случилось, произошло несколько месяцев назад.

— Это… неправильно! — я поморщилась, — И как это поможет?

— С азами психологии знакома? Так вот, время — лучшее лекарство, и керсарийцы научились использовать ее как ингредиент в медицине. Выпьешь — станет легче. Острое горе улетучится, останется лишь терпкая печаль.

— Я… я не знаю.

— Подумай, — Рейн пожала плечами, — Если не захочешь, я пойму, это ведь твой выбор.

Она взяла с полки какую-то книжку и стала ее рассеянно листать.

Я еще раз посмотрела на таблетки в ладони. Вспомнила, что мне также ярко и горько, как и вчера, тлеет тоска по маме. Сама мысль о том, что я теперь сирота, внушала ужас. Я словно эквилибрист, балансировала над пропастью, держа в руках не шест, а штангу, которая в любой миг могла утянуть меня в темную пучину отчаяния. Безвозвратно, возможно…

Я выпила таблетку и запила ее крепким теплым чаем, который принесла Рейн.

— Ты, наверное, мало что помнишь. Мы с Эдвардом решили укрыть тебя в Фокусе, — объяснила Рейн, — Но потом наши дороги разошлись. Эд нырнул по срочным делам, оставив с тобой меня. Лимфа слишком волновалась, я не могла ручаться за твою безопасность, продолжи мы путь. Поэтому мы вышли в Устоне, а потом я решила вынырнуть здесь, в Гемме, на первом слое Декады. Наберешься сил — и мы нырнем уже в Декаду напрямую, без

«пересадок».

— Хм, — я начинала что-то соображать, в голове лениво просыпались мысли, я вспомнила, что ужасна голодна и еще очень, очень, очень зла на свою проводницу, — Рейн… — произнесла я медленно, выговаривая каждый слог.

— Чего?

— Ты меня вчера унижала. И оскорбляла.

— Было такое дело.

— И вообще ты меня ненавидишь.

— Ну, симпатии не испытываю, — кивнула Рейн, — Разве должна?

— Забей, — я протерла глаза в уголках век, — Просто хочу сообщить, что ты мне тоже не особо нравишься, и мы вряд ли поладим.

— Меня вполне это устраивает.

— Меня тоже, — я хмыкнула, — Только вот и Эдвард на тебя зол.

— Он всегда на кого-то зол. У него гипертрофированное понятие чести и рыцарские замашки.

— Очень привлекательно, не считаешь?

— Меня от него порой подташнивает.

— Что ж, вкусы разные. Меня вот тошнит от тех, которые свои обиды и печали вымещает на других.

— Один-один, анкер, — ухмыльнулась протектор, — Хорошо, попрошу у отца пару пустых пакетиков, чтобы тебе было куда тошнить по пути.

Как ни странно, но после этой лёгкой пикировки моё отношение к Рейн улучшилось. А может быть оттого, что у злобной и вздорной девицы оказался такой добродушный и любящий отец? Уж если она с ним так вредничает, то мне ещё повезло.

Но всё-таки с Эдвардом было спокойнее…

— Да, если тебя интересует… — продолжила Рейн. — То, в чём меня обвинял Эдвард, гибель Роя…

Я молча кивнула.

— Он был хороший протектор, — сказала Рейн. — Тоже такой… как Эдвард. И ему очень нравилась анкер, которую мы охраняли. Возникла опасная ситуация, по вполне естественным причинам, кстати. Никаких заговорщиков и нападений, банальный пожар в особняке. Но Рой запаниковал, безрассудно кинулся на помощь — и погиб. А я подумала, оценила ситуацию и спасла анкера. Обоим помочь не могла. Хочешь верь, хочешь нет…

Почему-то я ей поверила.

— Куда ушёл Эд?

— Когда мы проходили второй слой, он услышал звуки нырка. На Лирии сегодня пересменка быть не должно, так что он счел это подозрительным. Твой рыцарь выскочил посреди артерии и на свой страх и риск отправился в путь по лимфе. Решил проверить, все ли в порядке, — девочка прищурилась, изучая странные часы на своей руке, — Он все еще не вернулся, так что, думаю, для него нашлась работенка.

— Удивительно, что он так поступил, — я чувствовала себя немного обиженной, — Оставлять меня на тебя безрассудно.

— Я бы сказала опасно.

Поджав губы, я сделала усилие и встала. Голова закружилась, я покачнулась и едва не упала.

— Помочь? — Рейн взяла у меня из рук кружку и предложила руку, чтобы держаться, — Чужой слой может играть злые шутки над твоей вестибуляркой и мышцами.

— Нет. Сама, — я помассировала пальцы ног и рук, потянулась из стороны в сторону, разминая суставы, — Где мы конкретно? Или мне этого знать не позволяется?

— Все ограничения, по факту, уже сняты. Ты у меня дома. В моем *бывшем* доме. Это лавка торговца второй гильдии Корнелиуса Марибо, известного во всем городе.

— Ну даешь, торговать имбирем и корицей! — я хмыкнула, — У тебя есть скелеты в шкафу, Рейн!

— Ты не представляешь, сколько их там, — Рейн улыбнулась, — Но это и впрямь лучшая лавка снадобий и трав в Сен-Арифе. И они не для кухни. В твоем мире таких как мой отец зовут фармацевтами. У нас лучшие поставщики и всегда свежий и качественный товар.

— Ушам старика приятны такие речи, — в комнату, откинув штору, вошел Корнелиус, — Впрочем, поставщики уже не те, что прежде, да и травы не всегда первосортные.

Я встала и поклонилась, приветствуя хозяина дома.

— Не стоит, сударыня! — мужчина расплылся в улыбке, тронутый моей вежливостью, — Я Корнелиус Марибо, потомственный купец! За честь считаю предоставить вам ночлег и еду. Не знаю, откуда вы родом, замужем или нет, но в моей лавке чувствуйте себя в безопасности!

— Я Алекс, с Земли.

— Не слышал о таком королевстве, — признался мужчина, — Простите мою некультурность, но за морем ли ваши земли?

— Да, — Рейн взяла меня за руку и слегка сжала, — За морем, па. И на нее охотятся, потому что она… видная личность в своем королевстве

— Вы от кого-то бежите? — ахнул купец, — Рейн, а ты-то как с этим связана? Подалась в телохранители?

— Угадал. Это престижная и выгодная работа.

— Но не женская! Против природы не пойдёшь, ты слабее мужчины! Как же ты сможешь ее защитить? Если гостья нуждается в охране, не лучше ли обратиться к опытному наемнику?

— Наемными бывают только убийцы и дамы легкого поведения, па. Да и прилично ли мужчине охранять юную девушку?

Аптекаря, похоже, эти слова убедили. Он с неохотой кивнул.

— Спасибо вам, — я взяла мужчину за руку, — Меня вполне устраивает защита, предоставляемая вашей дочерью и ее друзьями.

— У Рейн есть друзья? — его глаза, казалось, полезли на лоб, — Настоящие? Не выдуманные?

— Па!

Я вспомнила, как она насмешливо говорила про моих «друзей», которых по сути-то и не было. И с удивлением поняла, что неприязнь Рейн может объясняться тем, что она видит во мне что-то близкое!

— Могу я поговорить с Рейн наедине? — я сделала неуклюжий книксен, — Это чрезвычайно важно… знаете, женские вопросы…

— Конечно-конечно… — купец смутился. — Я пока приготовлю завтрак.

Рейн подождала, пока шторка перестанет колыхаться, и посмотрела на меня.

— Признаёшь, что я хороший протектор?

Я поколебалась, но ответила честно:

— Не знаю. Если в сравнении с Эдвардом, то не очень.

— Обидно.

— Ты ведёшь себя так, словно можешь предать или бросить на произвол судьбы, если будет по-настоящему опасно.

Девушка хотела было что-то возразить, но не смогла. Кивнула:

— Может быть. Не знаю наверняка. Ни смертельной опасности, ни хорошей взятки, ни поста повыше мне пока не предлагали.

— Предупреди, как надумаешь предать, о'кей?

— Конечно.

Мы какое-то время сверлили друг друга взглядами.

— Ты такая странная! Я сочувствую твоему отцу.

— Он мне не отец, — Рейн присела на край кровати и стала подравнивать ногти на руках маникюрными ножничками, взяв их из косметички на туалетном столике, — Но проще подыгрывать ему, чем признавать, что у меня больше нет семьи… подашь пилку? Корнелиус сохраняет в моей комнате всё, как раньше, даже пыль сам стирает и полы моет…

— Трагическая история маленькой сиротки? — я покопалась в сумочке и достала плоскую палочку.

— Лучше ту, другую, — Рейн порылась в косметичке и достала пилку с более мелким покрытием, — Эта следов не оставляет… а насчет сиротки ты не права. Я вынуждена была покинуть дом пять лет назад. Странствовала, прошла три королевства… а здесь встретила Корнелиуса. Он славный малый, любит свою работу и всех вокруг. У него супруга и дочь умерли от песчаной чумы. А вскоре он встретил меня… мне было тогда плохо. Очень плохо. Полагаю, он просто нуждался в ком-то, кого мог бы защитить, но со временем и я к нему прикипела. Корнелиус давал мне кров и пищу, я же помогала ему в лавке — я достаточно осведомлена в травах и лекарствах, чтобы не быть обузой. Мне кажется, что он уже забыл родную дочь, я заменила её полностью.

Я уставилась на Рейн, пытаясь понять, правду ли она говорит. Пусть Корнелиус и не родной её отец, но если он её спас, воспитал, так любит…

Кем надо быть, чтобы говорить о нём с таким пренебрежением?

Едва наметившаяся у меня симпатия к Рейн начала стремительно таять.

— Потом… потом события завертелись, и так случилось, что я присоединилась к протекторам, — скомкала историю Рейн. — Меня забрали в Фокус, я стала служить Декаде и па… Корнелиусу пришлось смириться.

— Можешь, наконец, объяснить, что такое эти ваша Декада и Фокус?

Рейн вздохнула, закатила глаза.

— Декада — это название десяти миров, соединенных артериями, проложенными сквозь лимфу. Главная резиденция анкеров десяти миров, расположенная в оазисе посреди лимфы, называется Фокусом. Считается, что она — сердце мироздания, хотя насколько в его центре — трудно определить. Фокус — дом не только для анкеров и их регентов, но и, по особым дням, еще для представителей миров, поверенных.

— А лимфа…

— Просто вещество между мирами, — резко произнесла Рейн. — Или, скорее, отсутствие вещества.

— А я анкер? Что это… то есть кто это?

— Тот, кто формально владеет миром, — Рейн подчеркнула интонацией слово «формально». — Анкерам сообщают кто они такие лишь по достижению совершеннолетия, в двадцать один год. Большинство так и остаются в своих мирах, наслаждаются жизнью — анкеры находятся на содержании Декады. А их функции в Фокусе выполняют поверенные.

— Серые кардиналы? — понимающе кивнула я.

— Нет. Декада не занимается религией.

— «Серый кардинал» — это тот, кто на самом деле правит, втайне, — объяснила я.

Рейн пожала плечами:

— И политикой Фокус тоже не занимается, он лишь поддерживает мир и торговлю.

— Как туда добраться?

— Даже если расскажу, ты не поймешь. Это работа протекторов, анкер, — Рейн отмахнулась, — Как будешь готова, мы нырнем в лимфу и вынырнем непосредственно в Фокусе. Там должен ждать Эд, я передам тебя ему, он передаст тебя твоему регенту, мы доложим о нападении, отчитаемся о нарушенных табу. Если наши действия посчитают правильными, я попрошу сменить слой. И мы больше никогда не увидимся.

— Так будет лучше. Если у вас с Эдвардом возникнут проблемы из-за меня, постараюсь помочь, чем смогу. Дам показания или объявлю вам благодарность… я же, наверное, имею такое право? Хоть за меня и правит «регент»?

— Я ожидала какой угодно реакции, но только не такой, — произнесла Рейн, помолчав, — Начиная с того, что ты даже не стала объявлять меня лгуньей или настаивать на том, что других миров нет, и заканчивая тем, что веришь всему, что я говорю.

— Ну, это ведь правда?

— Пока что да, — Рейн пристально на меня смотрела.

Я пожала плечами.

— Если честно, мне абсолютно все равно, что происходит вокруг меня. Главное, чтобы моя семья была в безопасности.

— Но твоя мать…

— Знаю. Знаю, — я отвернулась, — Но у меня еще есть брат. Он учится в универе на втором курсе. Есть и отец… но у него давно другая семья, мы очень редко видимся.

Рейн о чем-то думала.

— Есть хочешь? — спросила она, — Сразу предупреждаем, что чужая еда может казаться безвкусной или даже противной. Не понаслышке говорю, мы сами проходили через это.

Она встала и махнула мне. Я наконец-то отлипла от дивана и прошла вслед за ней в столовую, расположенную в следующей комнате, в жилой половине лавки.

В качестве позднего завтрака мне предложили воду с лимоном и тарелку сухофруктов. На вкус и то, и другое показалось крайне странным: лимон в воде не чувствовался, зато вода воняла сероводородом, а о сухофруктах и говорить нечего, я их и дома терпеть не могу. Кроме того, после пережитого поесть было трудно в принципе, но Рейн велела съесть все без остатка, говоря, что я просто не понимаю, насколько голодна, и могу в любой миг откинуть ноги от изнеможения. И пускай кусок в рот не лез, я послушно съела все предложенное.

— Рейн, а чем у меня руки смазаны?

— Не руки, а ссадины на руках, — Рейн, чтобы развлечься, крутила юлой пустые пиалы, — Еще в поезде, видать, заработала. Это масло белого дуриана, оно имеет ряд

целительных свойств, но жутко воняет, как и ваш дуриан. Ты не чувствуешь запаха из-за нырка, вот и все.

— Не знаю такую болезнь, "нырок", но мы-то обоняние не потеряли, — буркнул купец.

— Я знаю десятки запахов куда более несносных, — ответила Рейн, осознав свою оплошность и уводя разговор в сторону.

После завтрака я хотела было выйти из лавки и немного погулять по новому миру, но Рейн пресекла эту попытку.

— Нет! — она замахала руками, — Уши и глаза врага могут быть где угодно. Нам следует немедленно отправляться в путь, если ты готова.

— Рейн, — жалостливо промолвил купец, — Ты взаправду уходишь? Могу я надеяться, что ненадолго?

— Я постараюсь погостить у тебя, как представится выходной, — девушка обняла отца на прощание, взяла меня за руку и провела через комнаты к черному входу — низкой покосившейся деревянной двери со скобой вместо ручки. Корнелиус так и остался стоять, печально глядя ей вслед. Выйдя в сонный переулочек, Рейн удостоверилась, что никого нет, после чего закатала рукав и сверилась с часами.

— В пяти мирах сейчас ночь, в двух поздний вечер, Земля отпадает, на Орте лютая зима…

Она вдруг замолчала, бросила быстрый взгляд на скрипнувшую дверь лавки. Если кто-то и хотел посмотреть на неё в щелочку, то после этого дверь мгновенно захлопнулась.

— Рейн, — я взглянула на свою проводницу, — Скажи, часто у тебя выходные?

— А? — девочка подняла взгляд, — Выходные? Нет, за тот год, что я работаю протектором, отдохнуть удалось лишь после сломанной ноги и отравленной стрелы между ребер. Хотя работа классная, скучать не приходится, плата тоже соответствующая, — Она задумалась, — Еще пару лет поработаю, получу чин старшего протектора и смогу расслабиться. У старших не жизнь, а сказка.

— Ты не скучаешь по своему дому?

— Ты про эту дыру? — усмехнулась Рейн, — Нет. Не до скуки в последнее время.

— Рейн, — я остановила ее, взяв за рукав, и посмотрела в ее бегающие глаза. — Ты чего-то не договариваешь.

— Здесь не мой дом, Алекс, — девочка решительно одернула рукав и скрестила руки, — «Дом» куда более расплывчатое понятие, чем ты считаешь. Эта лавка — место, где я гостила несколько лет — и все. Да, Гемма родила меня, да, Корнелиус спас и приютил меня, но это место никогда не был мне домом. Это лишь точка во времени и пространстве, которую я благополучно миновала, и я не намерена возвращаться сюда. Декада, лимфа, эол, вечная служба — вот мой новый дом.

— Рейн, мне трудно понять твою жизнь, но одно я знаю наверняка…

— Что я не права?

— Ты можешь посещать отца… отчима хоть раз в месяц! Ведь он любит тебя, а ты любишь его! Не ври, я вижу, что он тебе дорог! Думаю, те, в Фокусе, могут давать хотя бы один выходной в месяц!

— Проблема заключается во взаимной привязанности, анкер.

— Ты не боишься вернуться, — осенило меня, — Ты боишься захотеть остаться!

Секундная тишина. Я попала в точку.

— Слушай, — Рейн потерла глаза пальцами, демонстрируя, что разговор ее утомлял, —

место это навевает слишком много воспоминаний, не все из которых я хотела бы заново переживать, и возникающие чувства выводят меня из душевного равновесия, а если я теряю душевное равновесие, то могу запросто заблудиться в лимфе, — Рейн отвернулась. — Говорят, страшнее вечного блуждания по лимфе нет ничего.

Я нахмурилась, уловив в ее голосе странные нотки.

— Ностальгия есть роскошь, которую протекторы не могут себе позволить, — продолжила девушка, — Если и дальше хотят быть протекторами и свято исполнять свой долг, конечно же.

— Свой долг?

— Я о защите анкеров, — кивнула Рейн, — Многие протекторы почтут за честь отдать свои жизни в бою. Даже сражаясь за такого нелепого анкера, как ты.

— Что насчет тебя?

— Нет, не пожертвовала бы, — протектор положила руку на меч и похлопала рукоять, — Я буду защищать тебя до последней капли своей крови, но не до последнего вздоха.

— Разве есть разница? — удивилась я.

— Послушай, — Рейн потерла виски, сосредотачиваясь, — Эдвард был в чем-то прав: я не обладаю ни слепой доблестью, ни безрассудной верностью. Обладай я этими «качествами», не пошла бы в протекторы, а коротала жизнь здесь, на Гемме, вместе с Корнелиусом, пока от скуки не вышла бы замуж за первого встречного и не родила детей…

Меня пробрал холодок от простоты и прямоты, с которой она сказала эти слова, и это, похоже, отразилось на моем лице. Рейн фыркнула:

— Всему свое время, анкер, всему свой черед. Скоро ты поймешь, что к чему, а следом поймешь и меня, — она сверилась с часами, — Надень повязку, если готова — я проведу нас в Фокус.

Глава 4. Дворец в пустоте

4. Дворец в пустоте

Путь через «первый слой», как назвала этот мир Рейн, оказался свободен — я поняла это, когда она крепче сжала мое запястье, молчаливо предупреждая. В самом деле, спустя мгновение мир завертелся — верх стал низом, а низ верхом, и нас какое-то время кружило в опасном и непредсказуемом пространстве лимфы. Даже с закрытыми глазами от смены гравитации мутило, а уж как Рейн справлялась с этим — с открытыми глазами и со мной на поводу — оставалось загадкой. Такая «встряска» пространства происходила и при предыдущих перемещениях, но была не так сильна. Может, дело в том, что сейчас Рейн вела нас в Фокус, а не обычный мир?

Я крепко держалась за руку проводницы и не успела толком испугаться, как ощутила легкий толчок в спину, вслед за которым под ногами оказалась твердая земля.

— Можешь снять повязку, мы прибыли в Фокус.

Голос Рейн полнился гордостью.

Я торопливо сняла повязку, огляделась.

Мы стояли у подножья холма, среди высоких старых деревьев. Скорее в ухоженном парке, чем в лесу — тут не было бурелома, поваленных деревьев, непроглядных зарослей. Перед нами вилась вытоптанная в траве тропинка, идущая вдоль холма, а за спиной, когда я обернулась, оказалось вросшее в землю высокое, метров пять в диаметре, каменное кольцо. Выглядело оно будто магические врата из фильма или игры, вот только никакого таинственного света не испускало, звуков не издавало, и каких-либо таинственных пространств внутри тоже не было. Просто вырубленное или сложенное из камня кольцо, когда-то видимо белое, сейчас — потемневшее, обросшее мхом, с грубоватыми узорами на поверхности.

— Это магический портал? — спросила я, ожидая, что Рейн рассмеется.

Но протектор задумалась.

— И да, и нет. Сам по себе проход ничего не значит, достаточно обозначить его флажками или ленточками. Но это слабая точка, где можно пройти в лимфу или обратно. Кольцо поставили для наглядности.

— А ещё это красиво, — сказала я.

Рейн улыбнулась и кивнула:

— Да, наверное… Эй, где охрана? Совсем разленились?

— Чего орёшь, Рейн, — без всякого почтения отозвались со склона. Из-за дерева встал совсем молодой, лет пятнадцати, парнишка. — Я тебя ещё в лимфе увидел… А это кто?

Охранник неторопливо спустился по склону, с любопытством поглядывая на меня. Дважды ударил себя кулаком в грудь, Рейн повторила этот жест — видимо, приветствие.

— Здрасте, — сказала я, теряясь, как себя вести. Вроде совсем молодой мальчишка, но он был в чём-то вроде кольчуги из матовых серебристых колечек и, конечно же, с мечом. — Я…

— Знающая с Земли, третий слой, — перебила меня Рейн. — Эдвард не возвращался?

— Пять лучей назад, — ответил парень, явно утрачивая ко мне интерес. — Ушёл в Сердце.

Рейн кивнула и повела меня прочь по тропинке, крепко держа за руку.

— Эй, а поболтать? — обиженно крикнул вслед парень.

Видимо работы у охранников было немного.

— Да вот ещё… — буркнула Рейн.

— Скажи, почему я его понимаю? — спросила я. — Он ведь говорит не на русском, я чувствую.

— Да он вообще не с Земли, — хмыкнула Рейн. — Да и не совсем человек, если честно.

— Тогда как…

— Переходя на другой слой, ты впитываешь местный язык. Обычно это длится несколько суток, но ты анкер, — Рейн глянула на меня с любопытством. — Никогда об этом не задумывалась, но у тебя адаптация идёт гораздо быстрее. Спроси в Сердце, там полно умников.

Ну вот опять, ответ лишь породил новые вопросы.

— А что такое Сердце? — спросила я.

Рейн воодушевилась.

— Сейчас, выйдем на открытое место…

Мы прошли по тропинке ещё немного. Лес действительно поредел. Рейн взяла меня за плечи и, глядя куда-то мне за спину, сказала:

— Перед тобой Сердце, штаб-квартира Декады! Разрешается ахнуть.

Я повернулась и ахнула. По правде сказать, я ахнула прежде, чем что-либо увидела, потому что со слов Рейн мне надлежало увидеть что-то невероятное. Например, величественный средневековый замок над которым вьются огнедышащие драконы, или футуристического вида небоскрёб под небом с множеством разноцветных лун.

Мы же стояли на склоне холма, на вершине которого, полускрытый деревьями, виднелся огромный дом. Это было современное строение, пусть и яркое, словно детская игрушка. В нём были и отдельные корпуса, и башенки, и арки, и купола. Всё очень современное, хоть и стилизованное под старину — да ко всему ещё и разноцветное, будто строителям выдали понемногу краски самых разных оттенков и велели использовать всю.

Мое воображение попыталось представить, кому такое строение могло принадлежать в моем мире — думаю, это была бы либо вилла очень экстравагантного миллиардера, либо здание дорогого отеля… при Диснейленде.

Здесь, где бы это *здесь* ни было, огромное поместье принадлежало… *Декаде*, кажется?

— Ого, — выдавила я, не зная точно, что надлежит сказать.

— Ты не выглядишь шокированной, — заметила Рейн. В голосе девушки отчетливо слышались нотки ущемленной гордости.

— Что ты, я восхищена, только… — я осматривала декоративные шпили и башенки на средневековый манер, прилепленные то тут, то там, — Таких роскошных вилл в моем мире мало, но они не являются чем-то необычным. Понимаешь?

— Блин, ты же с третьего слоя, — Рейн стукнула себя по лбу, — Мой косяк, не сообразила. Видишь ли, когда мне предложили здесь работать, я полагала увидеть обыкновенный дворец, но вместо него передо мной открылось это чудо света! Пожалуй, величайшее потрясение в моей жизни…

Я улыбнулась, сама не зная чему. Ну да, для Рейн этот особняк — построенный из стекла, железобетона, металла и других современных нам, но редких для ее мира материалов — должен завораживать дух. Уверена, на Гемме до сих пор есть действующие замки, в

которых настоящие короли с важным видом восседают на тронах.

— Пойдем, анкер Земли, нам еще Эда найти нужно. Надеюсь, у него не возникло трудностей с устранением нарушителей, — Рейн ненароком коснулась меча на бедре, и взгляд ее затуманился, — Они профессионалы высшего уровня, стреляные воробьи, но мы все равно волнуемся.

Я оторвалась от созерцания природы и бросила взгляд на спутницу. Вот оно! Снова она говорит о себе во множественном числе. Или она меня причисляет к числу «волнующихся»? Да нет, столь чудаковатая манера говорить есть и у Эдварда, значит, дело в другом. Но в чем?

Мы двинулись по тропе, плавно поднимающейся к особняку. Разминулись с группой юношей и девушек, одетых точь-в-точь как мои протекторы. Проходя мимо нас, они касались груди, приветствуя Рейн, моя спутница ответила тем же жестом.

— В большинстве восьмой слой, — шепнула она. — Многие их не любят, а по мне — классные ребята. Кстати, двое с Земли.

Тропинка перешла в извилистую гравийную дорожку, огибающую деревья и ползущую вверх по склону. Мы перешли по двум мостикам, переброшенным через горные ручьи и вдруг я ощутила, что мир неуловимо изменился. Как-то иначе стало светить солнце (я глянула вверх и поняла, что оно очень сильно сместилось по небосклону), другим стал наклон холма и… теперь мы спускались вниз, а Сердце высилось посреди долины! Я завертела головой — и увидела встретившихся нам протекторов уже очень и очень далеко, рядом с круглым порталом!

Сам портал выглядел точно так же, как и раньше, но лес вокруг был другим — гораздо ниже и при этом гуще. Все как один протекторы на моих глазах прошли в арку и тотчас исчезли. Следом за аркой шел ельник, но он никак не мог скрыть из поля зрения полдюжины человек.

— Рейн, что это…

— Все вопросы задашь своему регенту, отвечать на них — его прерогатива.

— Ну Рейн!

Девушка вздохнула.

— Фокус составлен из клочков всех десяти миров Декады, отторгнутых от своего слоя. Но связь каким-то образом сохранена. Поэтому здесь такие… неожиданности с пространством.

— Жуть, — пробормотала я.

— Разве это жуть? Когда Фокус создавали, время дня и года во всех фрагментах попытались синхронизировать. Но за тысячи лет накопились погрешности, да и климат кое-где поменялся… радикально, — Рейн на миг замолчала. — Так что, если внезапно войдёшь изо дня в ночь, или из лета в зиму — не пугайся.

— Но это же будет видно заранее? — пролепетала я.

— Если бы, — вздохнула Рейн. — Но ничего, на нашем пути таких зон не должно встретиться.

Мы обогнули пруд с парой лебедей, выглядящий словно картинка из детской книжки, и вышли на пологую местность, откуда вновь открылся вид на поместье. Теперь оно стояло на равнине.

Обочины дороги, по которой мы шли, были щедро усеяна желтыми всполохами одуванчиков и фиолетовыми звездами васильков. Траву в нескольких местах разрывали

корни платанов, кряжистые стволы которых утопали в тёмной листве. Помимо платанов вдоль дороги росли здоровенные колючие опунции и клёны с ярко-красной листвой.

— Тут очень странная экосистема, — не удержалась я.

— Ты про платаны? — Рейн усмехнулась, — Без понятия, зачем их посадили.

Ближе к поместью в разные стороны стали разбегаться тропинки, деревья — самые разные и никогда не встречающиеся вместе, окружали уютные лужайки и маленькие красивые прудики и озерца. Я заметила, что в каждом маломальском пруду обязательно плавала пара лебедей или, на худой конец, уток.

Лужайки и дорожки были ухожены, по обе стороны пешеходных зон можно было увидеть скамейки, навесы от солнца, несколько спортивных площадок и даже автоматы по продаже напитков. Сейчас, в жару, на площадках никого не было, зато у автоматов стояли очереди, а в тени лужаек были разложены подстилки для пикников и раскладные шезлонги.

Надо заметить, что из встреченных нами по пути людей (или нелюдей?) почти все были подростками. Связано это с особенностями их работы или до взрослого возраста сегодняшние ребята просто не доживали? На нас они никакого внимания не обращали. Какие-то компании сидели на траве и болтали, кто-то загорал на солнце, а вдали большая компания играла в волейбол — доносились гулкие удары по мячу.

Мы свернули на боковую тропинку и зашагали по деревянному настилу между ухоженными клумбами. Щебетали птицы, над головой порхали бабочки, приятно пахло медоносными цветами. Невдалеке загавкали собаки.

— Сердце — это теперь твой дом?

— Он самый, — кивнула девушка гордо, — Хорошо живем, признай! Островок спокойствия в океане хаоса.

Хоть до главного входа было рукой подать, мы к нему не пошли. Рейн повела меня левее, вдоль здания и за него, желая, видимо, войти по-тихому.

— Пойми, большинство, — Рейн обвела рукой гуляющих, — такую, как ты, никогда не видели. Вы, анкеры, для них являетесь личностями легендарными, увидеть которых воочию уже удача. Множество протекторов годами и десятилетиями ждут настоящей работы в слое.

— Считаешь, тебе повезло?

— Немного.

Я улыбнулась.

— Большинство из праздно гуляющих — протекторы. Вообще работники Декады разделяются на регентов — управленческий состав, протекторов — воинов и телохранителей, негоциантов — экономистов и бухгалтеров. Ну и обслуживающий персонал, типа медиков, техников, электриков… нам сюда! — Рейн выбрала правую тропинку, идущую вдоль кирпичной стены, — А еще есть твои коллеги, анкеры.

— Тогда почему мы скрываемся? Почему не пойти через парадный вход?

— Не тешь себя иллюзиями, что грянули бы фанфары, а глашатаи прокричали бы твое имя, — девушка усмехнулась, — Во-первых, в лицо тебя знают немногие: мы с Эдом, две другие смены и сам регент. Предосторожность, сама понимаешь. Во-вторых, информация о том, что ты здесь, конфиденциальна. Пусть твой регент решит, стоит ли ее оглашать.

По тропинке мы направлялись к боковому входу, поскромнее и неприметнее главного, оформленному лишь плетенной арочкой и огненно-красными кустами бересклета в горшках.

— Я знаю Эда достаточно хорошо, — бросила девица, — Когда ему нечего делать, он идет в зал для отдыха и гоняет с утра до вечера на бильярде. Но, учитывая, что Эд

возвращался, выполнив свой долг, он непременно отправится докладывать о нем регенту.

— У вас есть зал для отдыха?

— Чем, по-твоему, мы занимаемся в перерывах между сном и сменами? В приставку рубимся, сериальчики смотрим, в настолки играем…

— Сериальчики? — вот теперь я удивилась по-настоящему, — У вас есть интернет?

— И спутниковая связь. И телевидение, — Рейн наслаждалась моим удивлением, — Электричество мы у девятого слоя покупаем, оно там экологичнее, но вот интернет только у вас. Он на Земле самый быстрый и интересный.

Мы подошли к стеклянным дверям, и те, пиликнув, разъехались в стороны.

— Датчики движения?

— Негоцианты виноваты, — девица хмыкнула, — Эти очкарики не только реестры проверяют, но и ухаживают за поместьем. Модернизируют, обновляют оборудование, следят за модой. Это как бы не прямая обязанность, но традиция.

Мы прошли через прохладную прихожую, пол в которой был выложен расписными плитками с изображением виноградных лоз, цветов и ягод, подошли к стойке консьержа. Дальше путь перегораживали турникеты, так что это была обязательная процедура.

За столом сидела немолодая женщина с лицом, стянутым тонкой сеткой морщин. Седые волосы были уложены в пучок, одета она была в какую-то полувоенную форму мышиного цвета. При нашем приближении она даже головы не подняла, продолжив заполнять лежащий перед ней журнал.

Рейн сделала мне знак подождать и отчеканила шаг, привлекая внимание.

— Чего тебе, — прохрипела старуха, — Марибо?

— Приветик, — Рейн вытащила из набедренной сумки маленькую книжечку с обложкой из красной ткани, — Как поживаете, Анна Васильевна?

Молчание.

Консьерж потянулась к удостоверению, сцапала ее острыми ногтями, поправила пенсне и подслеповато прищурившись, изучила страницу. Недовольно причмокнула, приложила толстое, бледно-желтого цвета увеличительное стекло поверх пенсне, и только тогда палец ее забегал по строчкам. Женщина изучила содержание первых нескольких страниц, уделив фотографии особое внимание.

— У вас новая подводка? — болтала Рейн, — Она вам очень идет! Подчеркивает, так сказать, глубину глаз.

— У вас книжка в крови, Марибо. Не видно порядкового номера.

— Ах, опять заляпала! — всплеснула девица руками, — Ну что ты будешь делать! Можно я вам его назову?

— Я не смогу его проверить. Отстирайте, тогда пропущу, — консьерж вернула книжку.

— Вы серьезно? — Рейн открыла от возмущения рот, — Вы же меня прекрасно знаете! И мой номер вы знаете! У вас великолепная память, всем бы такую!

— Правила не подлежат оспариванию, Марибо, — женщина вернулась к заполнению журнала.

— Но на первой странице мое фото! Разве его недостаточно?

Консьерж подняла раздраженный взгляд и причмокнула губами.

— Не фото, а портрет, Марибо. Вы сами настояли на этом. Не знаю, купались ли вы в озере или попали под ливень, но сейчас краски поплыли.

— Вы реально меня не пропустите? — Рейн закатила глаза и застонала, — Ну Анна

Васильевна, ну пожалуйста! У меня дело к регентам крайней важности!

Женщина фыркнула.

— Хорошо, я сменю удостоверение! — пошла девушка на уступки, — Сегодня же сменю! Нельзя ли как-то по-другому проверить мою личность?

— Вы задержались на шесть часов, Рейнгольд Марибо! — консьерж ткнула узловатым пальцем в журнал, — Как и две другие смены. Для протокола придется назвать причину опоздания.

— Семейные обстоятельства! По окончании смены взяла отгул, чтобы посетить родной слой!

— А *это* кто?

— Это… — Рейн замешкалась, — то самое важное дело.

Женщина напялила пенсне, перевела взгляд на меня и с минуту щурилась.

— Твое полное имя Рейнгольд? — шепнула я спутнице.

— Не люблю его. Рейн лучше.

— Дыхните, — сказала консьерж, протягивая мне прозрачную трубочку с цифрами от одного до десяти по всей длине.

Я послушно дыхнула.

К моему удивлению, дыхание будто заполнило трубку цветным туманом — тот заклубился, двигаясь по трубке… и замер напротив цифры «три».

— Земля? — консьерж нахмурилась, глядя на индикатор, — Вы привели землянку, Марибо?

— Да, ваша землянка, — Рейн улыбнулась со всей возможной елейностью. — Или землячка, так правильнее?

— И откуда именно вы, девушка, и как вас звать? — Анна Васильевна уставилась на меня.

Наверное, стоило сказать, что, судя по имени мы не просто «землячки», а даже из одной страны, но я заколебалась. Рейн явно не хотела раскрывать мою личность… К счастью, отвечать не потребовалось.

— Ах, вот вы где! — по лестнице, расположенной в углу комнаты, спускался мужчина лет сорока, — Спасибо, Анна! Эти девушки под моей ответственностью.

Я посмотрела на него с любопытством и надеждой. Может, он поможет? Держался незнакомец очень уверенно, да и выглядел как человек, привыкший командовать. Нет, даже не командовать — повелевать. Коротко стриженный, чисто выбритый, в светлом костюме, белой рубашке, нарочито небрежно повязанном галстуке… В руке мужчина держал трость, хотя явно в ней не нуждался — он был мускулистый, хорошо сложенный, загорелый, прямо пышущий здоровьем. На меня он глянул так внимательно и пронзительно, что я поняла — мужчине прекрасно известна моя личность. Поймав мой взгляд, он едва заметно склонил голову.

— Как скажете, ваша светлость, — женщина причмокнула губами и вернулась к журналу, — Но, если это оборотень с Орта, я вас предупреждала.

— Марибо, ты оборотень? — мужчина подождал, пока мы пройдем турникеты.

— Очаровательная шутка, регент, — протектор склонилась в поклоне, — Я проводила сюда эту особу, — девица посмотрела на меня, — в связи с…

— Знаю. Всё знаю, — мужчина отмахнулся, — Эдвард Морó сообщил мне весть еще вчера. Он просил подождать вас, прежде чем давать полный отчёт, и мы дали согласие.

Сейчас вас обеих ждут в Сердце остальные члены Декады! Ожидание было долгим, и регенты уже начинают терять терпение… а чай с кексами не бесконечен.

Глава 4. Часть 2

Вестибюль, через который мы вошли, не показался мне необычным. Таким мог быть подъезд элитного дома на Земле, вход в офисный центр или тому подобное заведение. Но по пути я стала подмечать всё больше отличий, благо мужчина шёл молча, лишь временами дружелюбно поглядывал на меня. Рейн шла чуть позади — тоже молча.

Во-первых, тут не было лифтов. Вообще. Мы поднялись по лестнице на два этажа, прошли узким коридором, попали в большое и пустое фойе, украшенное разве что цветами в старинных керамических вазах, потом вышли на другую лестницу — гораздо шире, не деревянную, а каменную. Ступени настолько были отполированы ногами, что их прикрывала ковровая дорожка, прижатая к каждой ступеньке бронзовыми прутьями — иначе ходить по лестнице было бы опасно.

Во-вторых, хоть помещения и выглядели довольно современно: всё очень чисто, краска и штукатурка свежая, мебель в прекрасном состоянии, но… отовсюду проглядывали приметы прошлого. К примеру, на стенах, рядом с обычными светодиодными бра «под старину», сохранились тяжелые бронзовые подсвечники, которым на вид было несколько столетий. Окна были уже привычных мне и, к тому же, прикрыты решётками — точно заложены были во времена, когда в них легко могли залезть воришки.

В общем, «Сердце» было именно тем, чем казалось: очень древним сооружением, памятником архитектуры, который обновляли, перестраивали, но основу которого сохранили с незапамятных времен.

Когда мы поднялись этажей на шесть, то оказались перед высокими и широкими деревянными дверями. Чем больше я смотрела на массивные, уходящие метров на пять вверх створки, тем дальше в тень отступали проблески современности. Двери были такими, что их не то, что тараном не высадить — из пушки напрасно расстреливать. Два протектора, стоящие по обе стороны двери, были одеты в старомодные красно-жёлто-чёрные одежды, яркие и нелепые одновременно, будто форма ватиканской гвардии или английских бифитеров. Наш провожатый кивнул им и они, отсалютовав ударами кулака в грудь, открыли двери перед нами: упершись в нее обеими руками, шаг за шагом раздвинув обе створки. Я вновь поразилась их недюжинной силе, не вяжущейся с юношеским телосложением.

Слегка… да что там слегка — сильно робея, я вошла в огромную, не до конца освещенную залу.

Здесь интерьер уж совсем отличался. До этого помещения дух двадцать первого века не дошел, да и двадцатого не чувствовалось.

Здесь царил от силы девятнадцатый век: стены с матерчатыми обоями бежевого цвета, вся мебель выдержана в торжественных белых с золотом тонах, на стенах большие зеркала и картины в богато украшенных рамах. Картины так потемнели от старости, что проще было любоваться резным золотым багетом, чем пытаться разглядеть рисунок. Французские окна в пол были прикрыты тёмно-багровыми, расшитыми золотом занавесями из какой-то плотной ткани. С деревянного потолка свисали хрустальные люстры с незажженными свечами, а пол устилали ковры ручной работы.

Старомодность и торжественность, о которых кричала каждая деталь интерьера, указывали на консервативность хозяев зала.

Ну или на их возраст и леность…

Центр помещения занимал круглый, а точнее кольцеобразный деревянный стол, диаметром метров семь-восемь. Кресла вокруг него были массивные, обитые кожей, и судя по вмятинам в коврах их даже не пытались сдвинуть с места. Перед каждым креслом на столе стояли канделябры с настоящими горящими свечами.

Но взгляд мой приковало вовсе не обстановка из рыцарских романов, а то, что оказалось в центре стола, в пустом пространстве. На всяких международных конференциях, я это видела по телевизору, там обычно ставят огромную вазу с цветами. Здесь было кое-что куда удивительнее: десять круглых плит из разноцветного материала, диаметром чуть больше метра, висевшие в воздухе одна над другой. Плиты были пронизаны, как канапе, в трех местах тонкими розовыми стержнями. Они то сближались, то отдалялись друг от друга, раскачивались и наклонялись. Розовые стержни тоже не стояли на месте: странным образом они перемещались прямо в камне, словно это была жидкость, меняя то угол наклона, то свое положение в плоскости, иногда соприкасаясь и пересекаясь. Всё это напоминало оживший рисунок из учебника геометрии.

Вначале я подумала, что вижу какую-то кинетическую скульптуру, потом — что в центре стола голограмма. Как иначе — ведь ни плиты, ни стержни не касались ни пола, ни потолка! Они висели в воздухе!

А потом я поняла, что вижу перед собой модель (или карту?) этой самой «Декады».

Десять плит очевидно символизировали те самые десять миров. Три стержня? Наверное, артерии в лимфе. Все эти колебания и смещения «стержней» и есть волнения в лимфе, которые мешают перемещениям.

Логично? Логично!

Вот только как эта штука сделана и почему висит в воздухе?

Мысль о магии была такой глупой, словно я принялась на полном серьёзе обсуждать географию плоской Земли. И в то же время я понимала, что так оно и есть. Я вижу магию! Не просто людей-оборотней, не перемещение между мирами, а что-то совсем невозможное.

Но вот же оно — есть! Висит и вращается!

— Вот это да! — сказав это, я испуганно прикрыла рот ладонью.

На меня сразу же устремились взгляды всех присутствующих, даже тех, кто не обратил внимания на наше появление. Собравшись с духом, я стала разглядывать их в ответ. Сразу заметила, что все присутствующие делились на стоящих и сидящих, скорее всего в зависимости от статуса. Здесь почти не оказалось молодёжи, все люди взрослые, а многие пожилые, юные лица можно было по пальцам пересчитать. Всего за круглым столом и вокруг собрались человек двадцать, может быть чуть больше.

В ближайшем кресле, положив перебинтованную ногу на скамеечку, сидел не кто иной, как Эдвард. Лицо его было бледным, истощенным. Вряд ли по положению он имел право на такие вольности, скорей уж собравшиеся снизошли до его состояния. Эдвард едва заметно улыбнулся мне, и я сразу расслабилась.

— Анкер Александра! — размышления мои прервал знакомый голос, и я ощутила ладонь мужчины, проводившего на сюда, на своем плече, — Я искренне рад приветствовать вас в Декаде! Наша встреча не должна была произойти так скоро, но пусть это не омрачит ее, ведь я и все остальные члены Сердца Декады счастливы видеть вас во здравии.

В зале раздались негромкие рукоплескания, многие поднялись со своих мест. Не поднялись только уже стоящие, да какой-то парень и девушка — оба в золотистых накидках, — сидящие по другую сторону стола и с вялым видом меня изучающие.

Сказанное незнакомцем переключило рычажок где-то внутри, и я уставилась на него:

— Я так понимаю, вы…

— Верно, анкер, я ваш регент, — мужчина улыбнулся и жестом пригласил меня к столу, — Зови меня Тройка — здесь мы отрекаемся от прошлой жизни и носим имена своих слоёв. Я защищал ваши интересы как властительницы третьего слоя на протяжении многих лет. Рад сообщить, что третий слой столь же влиятелен, каким был в ваше прошлое явление при моем покойном предшественнике.

— Какое такое явление? Я вас впервые вижу!

— В прошлый раз вы явились сто лет назад и почили в стенах Декады в весьма преклонном возрасте, анкер. Я застал вас лишь на краткий срок, ещё не вступив в дела, но и тогда вы были образцом благородства и справедливости.

Я беспомощно оглянулась, отчаянно ища глазами Рейн, но та была занята: сидела рядом с Эдвардом и о чем-то горячо с ним перешептывалась.

— Прошу вас, анкер. Я объясню положение дел чуть позже, а теперь, если не возражаете… — он жестом предложил мне кресло и, когда я села, встал за спинкой, чуть сбоку, — Садитесь, дамы и господа, садитесь! Нас ждет долгая и, надеюсь, плодотворная беседа!

— Да, Тройка прав, — тучный мужчина по другую сторону стола поднял узловатую артритную ладонь, призывая к тишине, — Позвольте мне еще раз лично поприветствовать анкера Земли, — он склонил голову. — А теперь давайте вернемся к вопросу о похищениях анкеров пятого и седьмого слоя.

В зале раздался ропот. Мой регент вздохнул, Рейн вздрогнула, а лицо Эдварда осталось столь же болезненно бледным, что и раньше. Я пересеклась взглядами с парнем в золоте — тот ухмыльнулся и что-то шепнул своей соседке. Та бросила на меня мимолетный взгляд, прикрыла рот ладошкой и хихикнула.

Неприятные типы!

— Хорошо, — пробурчал тучный, — Вследствие прихода третьего анкера и обоих ее протекторов, предлагаю опустить ненадолго дело об похищениях и обратиться к событию менее неотложного, но не менее острого характера. Как многим из вас известно, вчера на анкера третьего слоя было совершенно нападение, — тучный утер широкий лоб черным бархатным платком, — Я хотел бы услышать все подробности произошедшего от лица очевидцев. Эдвард, тебе слово.

— Ваша светлость, — даже из своего положения юноша смог наклонить голову в знак почтения, — Я уже много лет имею честь быть протектором нынешнего анкера Земли. В среду третьего апреля, в пять часов пополудни я осуществлял патрулирование нижнего кармана третьего слоя, когда ощутил перемещение. Оно было мастерски замаскировано, мне, или точнее — анкеру, повезло, что я его вообще ощутил.

— Секунду, — мой регент потер большой и указательный пальцы, и между ними появился огонек. Регент поднес к нему сигару и закурил. — Не могли бы объяснить, что конкретно затуманило ваши чувства?

— Волнения артерии были весьма умело погашены, — пояснил Эдвард, — Вибрации были настолько слабы, что я принял их сперва за волнение в самой лимфе, и лишь коснувшись артерии понял, что по ней кто-то нырнул.

— То есть нарушители ныряли из пятого слоя, так? Почему же протекторы, дежурящие на пятом слое, говорят, что ничего не заметили?

— Этого я знать не могу, ваша светлость, — развел руками юноша, — Могу предположить, что нырок был совершен из более высоких слоев…

В зале раздались недовольные реплики. Видимо нашлись многие, кто не верил в исполнимость этого.

— Вернемся к разговору о нырке, — мой регент прищурился — Что вы предприняли, когда очутились на местности?

— Я вынырнул в метро, также известном как подземный туннель для поездов. Уважаемая анкер Александра возвращалась домой после окончания занятий в школе, пользуясь в силу своей скромности обычным общественным транспортом. На занятиях в тот день она, как обычно, продемонстрировала высочайшие знания математики и русского языка.

— Какого? — заинтересовался кто-то из сидящих. — Прусского?

— Русского. На котором говорят в местности, избранной ей для рождения и проживания.

Я почувствовала, что стремительно краснею. Ко всему ещё мои знания русского вчера меня покинули — в сочинении я поставила два лишних мягких знака. Эдвард тем временем продолжал:

— Почти сразу меня нагнала Рейн, которая ощутила те же волнения артерии, и мы скоординировали наши действия.

— Позвольте, — тучный регент нетерпеливо застучал по столу, — Марибо, каким вы видите произошедшее до этого момента?

— С вашего позволения, регент, я ощутила перемещение позже Эдварда, да и сами вибрации были слабее — я ведь патрулировала нижний карман. Признаюсь, я до самого конца сомневалась, что кто-то нырнул на Землю. Лишь когда услышала нырок Эда, поняла, что что-то не так. Вероятно, нарушители ныряли сверху, и я солидарна с Эдвардом во мнении, что они умело скрыли свой нырок.

— Что же, все сходится, — проворчал регент, — Но для большей достоверности надо допросить их раздельно. Попрошу надеть на каждого протектора наушники и завязать обоим глаза.

Мой регент снова привстал:

— Не думаю, что в этом есть прок, Девятка. Протекторы честно выполнили свою работу, спасли анкера, и унижать их подозрением — недостойно.

— Не соглашусь, — тучный стряхивал пепел с сигары. — Любой подвиг — следствие изначальной оплошности. Но, как будет угодно совету…

Он обвёл взглядом сидящих регентов — я уже научилась их вычислять среди прочих. Никаких особых примет не было — мужчины и женщины, старше и моложе, одна девушка так чуть старше меня, одеты тоже по-разному. Но вот выражение властности и уверенности было у них одинаковое.

— Не стоит подозревать протекторов в оплошности, — выразила общее мнение девушка-регент. — Мийр против.

Прочие регенты закивали, и Девятка сдался.

— Хорошо. Давайте начнём с Марибо. Не знаю, как вам, коллеги, но мне интересно будет ее послушать.

Прозвучало это не слишком по-доброму.

— Рейнгольд Марибо, сколько было нарушителей и где они находились? — спросил

регент из Мийра.

— Нарушители сидели в вагоне, и их было много, — произнесла девушка, тщательно подбирая слова, — Вероятно, они заняли весь вагон станцией ранее. Из этого следует, что за анкером следили еще по дороге из школы, координируя действия лже-пассажиров, которые и должна были незаметно украсть анкера. Допускаю, что в деле мог быть замешан некто с Элиора, потому что так точно угадать время посадки в вагон почти невозможно.

— Как вам удалось запрыгнуть в движущийся поезд? — холодно осведомился тучный.

— Нарушители инициировали аварийную остановку, ваша светлость.

— Где вы были в этот момент?

— … с Эдом, — по лицу девочки пробежала тень неуверенности.

— Он может это подтвердить? — мой регент испытующе посмотрел ей в глаза.

Рейн уставилась на свои руки.

— Ваш коллега может это подтвердить? — повторил регент.

— Он мог меня не заметить… — промямлила Рейн совсем тихо.

— То есть как это? — улыбнулся тучный, — Вы же вместе работали!

— У нас был особый план. Мы заходили с разных сторон, потом я помогла эвакуировать людей из поезда…

— Понятно. Так кем же были нырявшие?

— Определить их по внешности было трудно. На мой взгляд большинство было одето вполне обыденно для Земли.

— Большинство? Поясните.

— На одном не было одежды. Он носил личину — вполне естественно для ортианца.

— Ортианца? — подал голос ранее молчавший регент. — Орт не мог принимать в этом участие, Орт как никто другой верен Декаде!

— И все-таки там был ортианец, — Рейн пожала плечами.

Возмутившийся регент умолк, когда Девятка поднял руку. Мой регент отложил сигару и произнес:

— Ваш отчёт, Эдвард.

Протектор взмахнул рукой, в знак того, что готов отвечать.

— Кто именно был в числе нарушителей? — осведомилась высокая регент в бордовом платье.

— Трое мийриек-ассасинов, десяток оборотней, предположительно люпенов, и один арахн с Орта, — Эдвард чуть подвинул ногу, морщась от боли, — Там был кое-кто еще. Не знаю, откуда он, но точно не из простых: мутант, элиорец или гений с Керсария… В любом случае, ортианец беспрекословно исполнял его приказания. А это само по себе необычно.

— Вы его ликвидировали?

— Нет. Он нырнул.

— В нашем мире немногие способны к нырку без протектора, — заметил регент Орта. — И, насколько мне известно, вы отсутствовали после выполнения миссии на Земле.

— Я помогал протекторам Лирии устранить налетчиков. Мои коллеги протекторы и его светлость регент Лирии могут это подтвердить.

— Он говорит правду, — регент Лирии, дама лет двадцати пяти, поднялась с кресла, — Сегодня утром Дейтра доложил мне, что его смена отразила нападение мийрийцев и спецназа Керсария. Дейтра, будь любезен…

— Госпожа! — из-за трона женщины вышел юноша одного с Эдвардом возраста, — В

среду, в полночь по первому солнцу, мы были атакованы из двух артерий, подошедших близко к местонахождению анкера. Ребята сработали слажено и быстро, анкер не пострадала, нападающие были уничтожены на месте, потерь нет. Считаю долгом отметить, потерь среди личного состава нам удалось избежать во многом благодаря самоотверженной атаке с тыла, которую организовал Морó. Честь ему и хвала! — юноша отсалютовал ударом кулака в грудь и отошел назад.

— Спасибо за доклад, — мой регент кивнул, — Раз подозрения в сговоре с антидекадовцами отметены, позвольте побеспокоить вас еще несколькими вопросами. Почему вы не проследили за главарем?

— При всем уважении, ваша светлость, это было невозможно. Мы с Миротворцем были слишком заняты устранением нарушителей, чтобы следить еще и за лимфой.

— Понятно, — тучный провел рукой по лицу, — Во что были одеты нарушители?

— Во что были одеты? — Эдвард бросил взгляд на меня, на мою откровенно неопрятную, помятую, грязную одежду… — Да в обычную городскую одежду, какая сейчас на анкере. Джинсы, рубашки, костюмы, платья…

Эд! Зачем?

Присутствующие стали меня с любопытством изучать. Двое в золотом снова противно захихикали, отчего у меня вспыхнули уши, но на помощь пришёл мой регент.

— Чем вы можете объяснить такую точность нападения? — Тройка будто бы случайно провел рукой по столу и смахнул бокал. Брызнули осколки, — Прошу прощения! Анкер, вы не поцарапались? Право, я слишком волнуюсь… — Стелла, Рейчел, проводите анкера в гардеробную и проследите, чтобы ни один осколок не попал на ее одежду или в ботинок. Благодарю!

Двое протекторов подошли ко мне и, поклонившись, попросили проследовать за ними.

— Продолжим нашу встречу, анкер скоро к нам присоединится! — Тройка призывно постучал по столу, — Протектор, мой вопрос в силе!

— На мой взгляд это была засада… — донёсся до меня голос Эда, когда мы направились к выходу из залы, — В отличии от налета на трех других слоях, на Земле неприятель решил действовать обстоятельно, а не внезапно — и потому вымерил время и место. Вы знаете, что местонахождение анкера строго засекречено, знают его лишь протекторы. Я считаю, что в деле участвовал кто-то из старших слоев. Например, Элиор.

— Элиор верен Декаде, — произнес регент Элиора, сморщенный бородатый старик, — Наша магия дается лишь достойнейшим. Предатели и изменники лишаются этого дара и навсегда ссылаются в ледяные пустыни Иипры.

— Поезд был остановлен на станции?

— Нет. Поезд остановился посреди перегона между станциями. Они надеялись избежать свидетелей, но на деле свидетелей избежали мы, — Эд улыбнулся.

— Причина остановки?

— Смерть машиниста.

Дверь за нами закрылась, и я перевела взгляд на своих сопровождающих.

— Приветствую, анкер, — сказала девочка с белыми волосами, — Я Стелла, старший протектор Земли, служу тебе уже десять лет.

— Привет… чего? — я в шоке изучила ее, — Хватит выдумывать! Ты младше меня года на три!

— Мне двадцать восемь, анкер, — девочка щелкнула пальцами, и дверь напротив

открылась. — Рейчел, подбери анкеру лучшую одежду, я же пошлю весточки другим, время назначить ей новых протекторов…

Девушка кивнула и потянула меня в длинную комнату, где уже с порога виднелся лес вешалок и шкафов.

— Постойте! — я встала как вкопанная, — Мне не нужны новые! Меня устраивают Рейн и Эдвард!

— Рейн ведь оплошала, так? — Стелла грустно улыбнулась, — Это видно по ее лицу.

— Неправда! Она спасла меня и Эда от ортианца!

— Дело не в эффективности ее работы, а в надежности, анкер, — вздохнула девчонка, — Именно поэтому Эдвард тоже перестанет быть твоим протектором. По крайней мере до окончания расследования и нахождения злодеев.

— Почему? Они все еще обсуждают случившееся! И регенты, по-моему, всем довольны!

Стелла пожала плечами, положила руку на рукоять меча (куда же без него), поклонилась и куда-то ушла.

— Госпожа? — та, которую звали Рейчел, потянула меня за рукав, — Прошу следовать за мной! Регенты еще ждут вас, мы не можем их задерживать, Декада…

— Не просит дважды, знаю! — гаркнула я, — Пижоны фиговы…

Я прошла к комнату и ткнула в первый попавшийся наряд, от яркости которого не текли слезы из глаз и который не возвещал о себе за километр блестками и кружевами. Похоже тут все, кроме протекторов, обожали яркие цвета и пышные костюмы.

Глава 4. Часть 3

Когда мы вернулись в зал, разговор велся с обоими протекторами сразу. Джинсы, кеды, футболка с принтом какой-то музыкальной группы, то ли уже непопулярной, то ли вообще неземной — я оделась так, как всегда одевалась дома, когда не требовалась следить за дресс-кодом. Джинсы, впрочем, были оранжевыми, но с этим я смирилась.

— Вы же сами в это не верите, ваша светлость! — Эд говорил громко и раздражённо, — Подстрой мы нападение, анкера бы уже не было в живых. Да я в любой момент мог задушить её подушкой во сне, отравить во время еды, утопить, когда она купалась в ванне…

Я вспыхнула, с ужасом понимая, что Эд действительно мог наблюдать за мной *в любой момент*!

— Что вы себе позволяете?! — нахмурился тучный регент.

— Вас не обвиняют в подобном предательстве, — женщина-регент выдавила улыбку, — Речь идёт лишь о проступке с вашей стороны.

— Или же о драматическом театральном представлении, — мой регент стряхнул столбик пепла с сигары в массивную пепельницу. — Спасение анкера должно быть щедро вознаграждено и помочь вам продвинуться по службе, верно? Череда нападений на анкеров могла подать вам идею…

— По-вашему, я инсценировал нападение в туннеле? — Эдвард вспыхнул, — Мы с Миротворцем были на волоске от смерти, спасая анкера, а вы подозреваете нас в обмане!

— Не забывайтесь, протектор! — Девятка сверкнул глазами. — Мы ценим вашу службу, но вы, в силу юного возраста, относитесь к ней как к весёлой игре…

— Я немногим вас младше, — тихо произнёс Эдвард. — А в каком-то смысле — неизмеримо старше…

В зале повисла напряженная тишина. Девятка и Эдвард неприязненно смотрели друг на друга.

— Нападение было, — произнесла вдруг я. — Никакая не инсценировка, всё всерьёз.

Тучный уставился на меня. Я в ответ — на него. И испугалась, что вообще подала голос.

— Всё было всерьёз, — повторила я дрожащим голосом. — Эда чуть не убили. Я могу это подтвердить, я сама пыталась драться с ортианцем и даже отвлекла его на несколько секунд…

Регенты принялись переглядываться.

— И, если бы Эд не вытащил меня через лимфу, нас подкараулили бы на станции. Там тоже были мийрийцы с кинжа… со стилетами. Потом я потерялась в лимфе, но Эд меня нашёл…

Высокая женщина-регент резко привстала, опираясь руками на стол, несколько мгновений сдерживалась, потом перевела взгляд на Рейн.

— Сколько табу вы нарушили, Марибо?

— Все, кажется, — девушка пожала плечами. — Хотя постойте, третьего не нарушали, мы её не били! Вы сейчас серьезно спрашиваете о нарушенных табу?

— Не хамите, пожалуйста, — Тройка осуждающе покачал головой.

— Нарушения правил были обусловлены чрезвычайным положением, ваша светлость, — вставил реплику Эд.

— Неужели? — регент Геммы скорчил недовольную мину, — Почему, по-вашему, анкер

Геммы сейчас не здесь? Вы ведь и ее защитили! А я вам скажу! Дело в том, что нападения бывали всегда, и они — не повод выводить анкера из материнского мира. Раньше мы обходились без столь кардинальных мер, какие вы решились применить по собственной же инициативе.

— Раньше враг не решался поставить под угрозу безопасность самого слоя. — Рейн скрестила руки. — Да, вы не ослышались. Была применена бомба-аннигилятор. Со встроенным временным исказителем.

В зале вновь повисла гробовая тишина. Несколько присутствующих (включая регентов) от удивления открыли рты.

— С этого надо было начинать, — мой регент взял себя в руки и вымученно усмехнулся, — Технология девятого слоя, не иначе. А кое-кто отрицает!

— Я лишь считаю неблагоразумным принимать все, сказанное ими, за чистую монету, Тройка, — сказал анкер Орта мрачно, — К тому же, регент Геммы прав. Ваше решение привести анкера в Декаду подвергает всех нас определённому риску. Я даже считаю, что вопреки обычаям стоит вернуть анкера на Землю, к ее семье. Переселим их в другой район планеты, дадим документы, деньги, фальшивые личности…

Эдвард бросил на меня быстрый взгляд, потом открыл рот, собираясь что-то сказать, закрыл его, снова открыл.

Я опустила взгляд и прикрыла лицо руками. У меня внутри что-то оборвалось. И ужас произошедшего с новой силой окатил меня леденящей волной, словно пробуждающей от многолетнего сна (который на самом деле длился два дня и был вызван лекарством). Нет, родители не в порядке. И больше никогда не будут в порядке. Больше никогда *не будут*. Я крепче сжала костяшки, впиваясь пальцами в резную улитку подлокотника, отчаянно укусила губу. Не рыдать, дура, не рыдать…

— Это невозможно, ваша светлость, — произнесла Рейн.

— Невозможно? — Тройка бросил на нее тревожный взгляд, — Почему же?

— Антидекадовцы устроили не одну лишь засаду, — голос Эда стал совсем тихим, — Они нагрянули в квартиру анкера сразу после провала в поезде. Мы ничего не успели сделать. Погибла вся смена, пришедшая на помощь, мы едва справились.

Долго я сдерживалась, но теперь выдержке моей настал конец. Два горячих ручейка потекли по щекам, во рту появился горький привкус слез. Я все ещё крепилась, чтобы не зарыдать в голос, не броситься на пол в истерике, не вырвать себе все волосы от отчаяния, но плечи мои уже дрожали, и я сжимала кулаки и кусала губу, чтобы не закричать от горя.

Многие из присутствующих заметили мою реакцию и смутились, и даже двое в золоте перестали шушукаться и сели ровно.

— Коллеги, боюсь, вы немного забылись, — Тройка поморщился, — Стелла, проводи анкера в ее покои и приставь к ней моего медика, мы продолжим наш разговор без нее.

— Холь, — Девятка обернулся, подзывая юношу-блондина (вероятно, тоже протектора), — Холь, мальчик мой, выставь караул у Врат, пускай проверяют личность каждого вынырнувшего. Докладывать обо всех новостях сюда, в Сердце. Ситуация действительно… нестандартная. Заседание объявляется постоянным, любой может прийти и донести любую весть.

Я лежала на кровати с балдахином, тщетно пытаясь заснуть в отведенной для меня спальне. Непривычно большая, она внушала дискомфорт, даже спальней это помещение

назвать язык не поворачивался — хотелось сказать "покои" или "опочивальня". Кровать тут была огромная, старинная, с балдахином над ней. Я читала, что балдахин придумали, чтобы клопы не прыгали на спящих с потолка. Не знаю уж, правда или нет, но я понадеялась, что от таких соседей буду избавлена. Между спальней и коридором была небольшая прихожая, как в номере отеля, имелась и просторная ванная комната. Там, к моей радости, всё было привычно и современно.

Вскоре после того, как Стелла раскланялась со мной, пожелала доброй ночи и удалилась, в дверь постучались. Это пришел врач. Он измерил давление, пульс, посмотрел зрачки, взял кровь для анализа, прописал успокоительное, помазал мои ссадины какой-то бледно-зеленой мазью (в отличие от снадобий Рейн не вонючей, а приятно пахнущей), дал пару ложек сладкого сиропа и откланялся, наказав хорошо выспаться. Вёл он себя так, будто считал меня маленьким ребёнком, нестерпимо сюсюкал разговаривая: «а теперь помажем вавку волшебной мазью и бо-бо сразу пройдёт». Наверное, я бы на него сорвалась, но мазь и впрямь оказалась волшебной — боль мгновенно прошла.

После того ко мне, направленные регентом, пришли три девушки, очевидно служанки. Они деловито шмыгнули внутрь, как только я приоткрыла дверь, и сразу нырнули в разные стороны. Одна растопила дровяной камин (да, в комнате имелся и камин, видимо, с глубокой древности), другая принялась взбивать подушки, третья набрала ванну и, судя по всему, решила сопровождать меня во время принятия водных процедур.

— Спасибо, не нужно, — я подняла руку в знак протеста.

— Позвольте хотя бы показать вам механизмы, — предложила девушка. — Подача горячей, холодной и минерализованной воды, струйный и воздушный массаж, ароматические масла…

— Я не нуждаюсь в вашей помощи. Я способна сама сделать все это, так что настоятельно прошу вас удалиться.

Да, именно так я и сказала. Произойди это дома, на Земле, я бы просто выгнала их взашей, но тут я была не в своей тарелке и не знала, как все заведено.

Служанки выглядели очень расстроенными. Они хотели урезать помощь и ограничиться сопровождением в ванную, но я была непреклонна. В итоге они смирились и вышли, извинившись за беспокойство.

Честно говоря, я разозлилась и даже обиделась на такую навязчивую заботу, но за разожженный камин была благодарна: уже вечерело, а в этом месте — где бы Фокус ни находился, — к вечеру заметно холодало.

Я легла в кровать и какое-то время лежала в ней. Выключила свет, к моей радости лампы были обычными, электрическими. Может, через четверть часа, может, через час я отшвырнула ботинки и стянула с себя футболку (не принимая лежачего положения) и, не удосужившись ни снять остальное, ни воспользоваться лежащими в шкафу ночнушками и пижамами, попыталась заснуть. Однако сон не приходил: затекала от слишком мягкой подушки шея, ноги под джинсами неимоверно чесались. В конечном счете, я решила, что принять душ и «сбросить» с себя усталость будет совсем не лишним.

Вот тут я обнаружила, что предложение служанки о помощи было не лишним. Ванна на первый взгляд казалась обычной гидромассажной ванной, но управление было сделано очень необычно, мало того, что без всякого электричества (даже температуру воды показывал механический индикатор), но ещё и по непонятной логике. Но в итоге я всё же справилась и минут двадцать блаженствовала в воде под пульсирующими массажными

струями.

После водных процедур, забыв о стеснении я нырнула в постель в чем мать родила. Лёгкий плед, в меру упругая кровать и уставшее тело сделали свое дело, и я быстро задремала.

Под утро я проснулась от холода. Подошла к окну, чтобы прикрыть его — и засмотрелась. Равнина вокруг Сердца была залита светом двух Лун и выглядело это волшебно.

Двух? Да, именно двух. Выглядели они совершенно одинаково, как и наша Луна, только одна была полная, а от другой лишь четвертинка. Существовать в одном небе они никак не могли, наверное, дело было именно в совмещении разных миров, из которых построили Фокус.

Окно я закрывать не стала, слишком уж красиво. Убрала плед, легла, натянула толстое пуховое одеяло и уставилась в потолок. Увы, как это часто бывает, заснуть в предрассветный час уже не удавалось. Мысли как на зло спутались в клубок, и я все думала и думала о произошедшем — точнее, о происходящем сейчас со мной.

Мне все казалось, что я не должна здесь находиться. И говоря "здесь", я имела в виду не роскошную опочивальню, достойную президентского номера в столичном отеле, а весь этот мир.

Ну какая из меня властительница Земли, пусть даже «номинальная»? К таким вещам надо готовить с младенчества! Неужели в двадцать один год мне сообщили бы, кто я такая? Как бы это выглядело? В нашу квартирку явился бы регент со свитой? Или протекторы увезли бы меня в Фокус и тут короновали?

Знала ли мама, кто я такая? Наверняка нет…

А потом что? Как я поняла, анкеры возвращались в свои миры и жили там припеваючи. Их по-прежнему защищали протекторы, им выплачивали какое-то содержание, наверняка немалое.

Вообще-то здорово! Можно было бы путешествовать по всему миру. Заниматься чем-то интересным, к примеру рисовать картины — я когда-то любила рисовать, — или сочинять музыку, или писать книги. Вести какой-нибудь блог и там рассказывать интересные истории о путешествиях. Все бы гадали, откуда у меня на это деньги. Решили бы, что я тайная дочь олигарха. Или чья-то любовница. А я бы загадочно улыбалась, зная, что я властительница Земли…

Я хмыкнула. Как-то странно выглядит — узнать про разные миры, Декаду, магию, путешествия в лимфе — и заниматься ерундой. Но теперь мне ничего подобного не светит. Я одна, за мной кто-то охотится и, скорее всего, всю жизнь я проведу в Фокусе. Одна одинешенька, чужая и никому всерьёз не нужная…

Да, здесь я чувствовала себя одинокой и чужой, но что по-настоящему беспокоило меня, так это записка, прикрепленная к двери моей квартиры…

"Живи и помни, что проживаешь чужую жизнь…" — звучал в голове голос, — "Смерть все равно грянет…"

Может, автор записки был прав? Может, мне стоило умереть там, в вагоне? Или пойти с твидовым, приняв судьбу и не подвергая других опасности? Кто знает, возможно, я уже не живу, а просто существую, ожидая неминуемой кончины?

Я встряхнулась. Что за бредовые мысли? Нужно успокоиться, снова заснуть, проснуться

днем и на свежую голову все обдумать!

Но пускай в мысленном споре сама с собой я победила, оставшись довольна разработанным планом, на деле все оказалось сложнее. Я во всех подробностях помнила доносившийся из квартиры тошный запах, вид разбросанной мебели, свои фотографии с выколотыми глазами, озлобленное выражение лица своего проводника.

Перевернувшись на другой бок, я натянула одеяло до шеи и поежилась. Что-то жуткое было в поведении протекторов. Да, несмотря на отнюдь не лестное первое впечатление, они оказались славными ребятами, но стоило побыть в их обществе чуть подольше, и в манере говорить, держать себя на людях и даже двигаться проявлялось что-то нечеловеческое… пугающее, я бы даже сказала.

Наверное, после всего пережитого я их всё-таки немного боялась. Откуда-то донеслось шуршание задетого ковра…

Я содрогнулась. Все внутри похолодело, сердце сделало кульбит и застучало с удвоенной силой. Снова звук — на сей раз скрип дверного порожка. Я силой воли заставила себя привстать в кровати и бросить взгляд на дверной проем.

Как и ожидалось, в нем стоял силуэт.

Я замерла от ужаса, ожидая худшего, как вдруг фигура вышла в круг света из окна и оказалась Эдвардом. Трудно сказать, стало ли мне легче от раскрытия личности ночного гостя, но я по крайней мере решила не кричать. Пока.

— Ш-ш, — юноша поднес палец к губам, а затем тронул мочку уха и указал на входную дверь.

Жест недвусмысленный: «Тихо, прислушайся!»

Я обратилась во слух, пытаясь услышать что-нибудь сквозь гулкие удары сердца. Однако снаружи, из коридора, не доносилось ни звука. Я подождала. Когда ждать, глядя на застывшую без движения фигуру Эдварда, надоело, я захотела было высказать все, что думаю о его появлении, как вдруг…

Скрип.

Из коридора донёсся вполне отчётливый звук скрипящих половиц. Никак не от их ветхости, тут всё было в превосходном состоянии, а именно из-за чьего-то неосторожного шага.

И снова тишина. Я вслушивалась до боли в ушах, но звук не повторялся. Когда я уже решила, что мне просто показалось, из коридора послышалось тихое скрипение и второй шаг.

Вот оно! Кем бы ночной гость ни был, он идёт очень медленно. Вероятно, все дело в скрытности, так что следующего шага стоит ожидать где-то через минуту. Я обратилась во слух и вскоре услышала, как скрип в коридоре повторился.

Эдвард беззвучно выругался. Приблизился к кровати вплотную и, проигнорировав мой возмущенный взгляд, нагнулся и прошептал на ухо:

— Ни звука. Притворись спящей.

Лицо его было предельно напряжено. Удостоверившись, что я его услышала, он сухо кивнул и отошёл к двери. Некто в коридоре тем временем добрался до входной двери. Эдвард плавно и абсолютно бесшумно вытащил меч из ножен. И стал ждать.

Какое-то время было тихо, но пару минут спустя, в тишине, я различила тихое шуршание замка. Я почти почувствовала ту руку, что нажимала сейчас на ручку двери, стараясь не издать ни звука, почти ощутила затаенное дыхание ночного гостя.

Эдвард застыл будто статуя и затаил дыхание.

Я уткнулась щекой в подушку и вжалась в матрас, тоже стараясь дышать как можно тише и спокойнее. Щелк! Дверь открылась, и некто вошёл в прихожую. Закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке. Блин!

Шорох шагов по ковру. Шорох. Шорох.

Почему я не додумалась закрыть дверь в спальню? Вероятно потому, что никогда прежде мне не приходилось волноваться за свою жизнь во сне. С другой стороны, не каждый день попадаешь в параллельный мир, так что я могла бы и озаботиться простейшей безопасностью.

Слабый шорох у двери…

В полумраке я увидела, как напрягся Эдвард, на окаменели его пальцы, словно слившись с куском металла, как замерло дыхание. А затем в дверном проёме показалась фигура, и юноша нанес удар.

— Рейн!

— Может, уже уберешь меч? — девушка неприязненно зыркнула на лезвие, замершее в каком-то миллиметре от ее шеи, — Ты мог меня поранить.

Я вскрикнула и торопливо включила ночник у кровати. Эдвард продолжал пучить на напарницу глаза:

— О боже, — произнес он, судорожно отводя клинок, — Какого черта ты здесь делаешь? Я чуть было тебя не прирезал…

По лицу его катились капельки пота, руки тряслись. Он обладал невероятной реакцией, но, чтобы погасить такой замах, ему пришлось приложить немало усилий. И нервов.

— Полагаю, такого же, какого и ты, — девочка поправила воротник свежей рубашки, прошла в комнату и уселась на кровать у моих ног. — Или я вам помешала?

Эдвард фыркнул, спрятал меч и смахнул со лба взмокшие волосы. Сказал:

— Я хотел… мы хотели удостовериться, что анкер в безопасности. Лучше перестраховаться, чем полениться и потом жалеть.

— Мы тоже так считаем, — девушка пожала плечами, — Время нынче неспокойное: трое анкеров похищены и нет информации о том, живы ли они.

— Украден еще один? Когда?

— Протекторы Геммы прибыли полчаса назад, — поведала Рейн, — От них дозорные у Врат узнали, что анкер был украден сегодня утром. Я, когда сюда шла, заглянула в зал совещаний и услышала разговор регентов: все стараются сохранять спокойствие и не дать панике расползтись по Декаде, но у них это плохо получается.

— Протекторов допросят?

— Еще как. Правда, немногих.

— Что ты имеешь в виду?

— Потому что остальные шестеро — со всех трёх артерий — прибыли по кускам, — Рейн окатила его равнодушным взглядом, но уголки губ ее предательски задрожали, — Ошметки вылетели из Врат прямо в дозорных — один даже получил ушиб. Самые крепкие быстро собрали останки и похоронили их в братской могиле, но негоцианты все видели. Слух об этом скоро проскользнет в каждую комнату Сердца.

Я побледнела от ужаса. С уст готов был сорваться крик отчаяния. Из огня да в полымя — похоже, никогда мне в безопасности больше не быть. Твидовый выполнит свое

обещание…

Эдвард пришел в бешенство.

— Кто не вернулся? — процедил он, морщась от злобы.

— Красная Джейн, Стоуни, близнецы Ким и Дим, Арина и Флофи… — голос Рейн затухал с каждым сказанным именем, а под конец и вовсе сошел на нет, — Помнишь Кима? Вы с ним ссорились в прошлом месяце.

— Джейн! Мы с ней защищали Алекс месяц или два назад. До того, как нас с тобой определили в пару.

Взгляд Эдварда затуманился, он взялся за столбик балдахина и тяжело опустился на кровать.

— Мы вчера говорили с Ариной, — Рейн отвернулась и торопливо прикрыла глаза рукой, — Она сказала, что подменит Донну на второй артерии, потому что хочет получить выходной на следующей неделе и пригласить всех желающих на День единения с эолом. Они хотели устроить что-то вроде танцевальной вечеринки.

— Она знала, что я ненавижу танцевать… — Эдвард поднял глаза на подругу, — Но я бы все равно пошел, понимаешь?

— Эолов бросили вместе с телами, — продолжила Рейн, — Трое раздроблено, двое исчезли в лимфе и лишь один практически невредим. Это Кима, но не помню, как его звали…

— Я тоже, — юноша быстрым движением вытер лицо и решительно встал, — Наши уверены, что анкер похищена, а не убита?

— Прошёл как минимум час, новый анкер не появился. Значит, враг оказался сильнее.

— Или подлее, — Эдвард понурился, — Это лишь подтверждает необходимость ослушаться Тройку и защищать Алекс. Пока эти гниды разгуливают на свободе, мы должны быть начеку.

Я молчала, потому что многого из сказанного ими не поняла, но догадалась, что для Рейн и Эдварда погибшие значили многое, и лучше мне было не влезать в разговор со своими бестолковыми вопросами.

— Алекс, иди спать, — Эдвард поправил ножны и бережно погладил меч по крестовине, — Мы с Рейн покараулим.

— Но я не хочу, чтобы вы рисковали собой ради меня! — я представила, как они всю оставшуюся ночь будут торчать здесь, молча наблюдая за мной. Притом ладно бы только Рейн… — Я вам безмерно благодарна, но мне неудобно просить вас о дальнейшей защите. И вы, и мой регент говорили, что здесь мне ничего не угрожает. Я готова позволить вам ходить за мной по пятам и сдувать с меня пылинки, будто с музейного экспоната, но это место — моя спальня, а сейчас — глубокая ночь. Враги не ворвутся сюда, здесь безопасно.

— Не суди о книге по обложке, — парировала Рейн, — И соглашусь с Эдвардом: лучше перестраховаться и потревожить твое смущение, чем уйти, а на утро оплакивать твой труп.

— Что? — я вспыхнула, — Уходите немедленно! Это мое личное пространство.

— Но, Алекс…

— Вы вроде как мне подчиняетесь, верно? Так вот, находясь здесь, вы крайне мешаете мне. Что, если я боюсь спать при вас? Что, если вы доведете меня до эмоционального срыва?

Эдвард и Рейн переглянулись. Парень глубоко вздохнул, устало провел рукой по лицу и произнес:

— Алекс, нас отстранили, — Рейн обхватила себя руками и слабо улыбнулась, — Мы

больше не твои протекторы. Да и не протекторы в принципе.

Я изумленно на них уставилась.

— Как… как это случилось?

— Ты все слышала сама. Регенты посчитали, что мы нарушили слишком много запретов. Рассказали тебе про Декаду, чуть не потеряли в лимфе, привели в Гемму, потом в Фокус…

— Вообще-то, действительно нарушили, — скептически заметила Рейн. — Эх, надо было мне тебя стукнуть разок, Алекс! Чтобы уж по полной программе получить!

Она улыбнулась, и я кивнула, понимая, что это шутка.

— Надеюсь, ты веришь, что мы желаем тебе добра, — Эд замялся, — В общем, разрешишь нам в последний раз тебя покараулить? Негласно. Не думаю, что регенты будут рады, но они сейчас заняты другим, а нам все равно делать нечего… — он задумался и повторил, — нам нечего делать! Вообрази себе, я тебя охранял всю свою жизнь! Ты меня не замечала, но я находился рядом с Землей, в так называемом *кармане-при-лимфе*, охраняя артерии на Землю, чтобы ты могла жить, есть и спать спокойно.

Эдвард говорил, что они меня защищают, но, чтобы *всю жизнь?*

— Я работал с тобой не с младенчества, а с семи лет, — продолжал протектор. — Но охранять тебя начали через полчаса после появления на свет.

Рейн улыбнулась:

— Была ли ты в школе или дома, делала ли уроки или рисовала…

Эдвард пожал плечами:

— Принимала ли душ или примеряла платье — мы были настороже, чтобы в случае чего прийти на помощь. Я специально это говорю, чтобы ты приняла этот факт и не смущалась. Считай нас врачами, если угодно.

— Офигеть, — я чувствовала, что снова заливаюсь краской от неловкости и стыда, но ничего не могла с этим поделать, — Почему я узнаю об этом сейчас? Я не просила за мной шпионить!

— Ты анкер, Алекс, — пожал плечами Эдвард, — Ты была выбрана своим миром, и никто не спрашивал тебя, хочешь ли ты иной судьбы. Ты родилась, чтобы символизировать связь между мирами Декады, и твоя жизнь бесценна.

— Сколько тебе лет, Эдвард? — спросила я.

— Я стал протектором в двадцать. Это довольно поздно для нас.

— И давно это было? — спросила я прямо. — Когда ты говорил с регентом, то сказал кое-что странное…

Эдвард замялся. Потом рассеянно улыбнулся.

— Довольно давно. Мы не стареем, ты правильно всё поняла. Или лучше сказать «не взрослеем»?

— Но ты ведёшь себя как мой ровесник! — упрямо сказала я.

— Что поделать, тело определяет поведение. Мне нравится быть юным, но… Я мог бы быть твоим старшим братом или даже отцом.

— Не дедом? — попыталась пошутить я.

И сама испугалась, что услышу в ответ.

— Нет, не дедом, — серьёзно ответил Эдвард. — Давай остановимся на старшем брате?

— Не перегружай ее, — Рейн пихнула юношу в бок, — Пойдем, возьмём по банке содовой.

— Знаешь, я, пожалуй, предпочту пиво…

Когда шаги бывших протекторов затихли в коридоре, я с минуту продолжила сидеть, глядя в темный провал двери. С трудом поборола накативший вдруг приступ тоски. Затем опустила голову на подушку, сунула руку под ухо и, накрывшись одеялом с головой, попыталась забыться…

Глава 5

5. Маски

Уже занималось утро, но, поскольку вставать с будильником и спешить в школу мне больше не придется (один из немногих плюсов моего положения), я решила подремать еще немного. И провалилась в сон.

Я сидела на лавочке в физкультурном зале школы, рядом со мной сидели другие зубрилы и ботаники, которых, как всегда, не выбрали на распределении и оставили в запасных. Более спортивные ребята играли в волейбол, выкрикивали команды, суетились… Внезапно один из игроков неудачно отбил мяч, и тот полетел мне в лицо. Я зажмурилась, готовясь к удару, но его не последовало. Открыв глаза, с удивлением увидела протекторов. Эдвард и Рейн стояли передо мной, бок о бок, сомкнув плечи и сжав кулаки. В руке Эдвард держал пойманный мяч.

— Нападение? — юноша пнул ногой снаряд и выхватил меч, — Как вы посмели?

И не успела я вскрикнуть, как он разрубил моего одноклассника — того, чей мяч отбил — пополам. Я закричала. Физрук засвистел в свисток и заорал: "Не пинать волейбольные мячи!" А потом Эдвард погнался за моими одноклассниками, и стал полосовать их мечом направо и налево. "Выше колени!" — орал физрук, — "Интенсивнее, интенсивнее!»

Рейн тоже достала меч и замахнулась, метя в шею преподавателю.

— Прекрати! — я схватила Рейн за руку, — Пожалуйста, Рейн!

— Алекс? — девочка обернулась, — Мы дали клятву защищать тебя.

— Но я в порядке! Вы не имеете права убивать всех подряд!

— Если с тобой что-нибудь случится, Вселенная пошатнется. Она уже шатается, да что там — трещит по швам, поэтому важен каждый живой анкер!

— Но они не угроза! — я вырвала у нее меч, и в зале словно ударил громовой раскат.

Рейн, как подкошенная, рухнула наземь. Изо рта её потекла струйка крови. Освещение мгновенно стало багрово-черным, одноклассники, Эдвард, физрук — все почернели, обратившись в бесформенные темные силуэты, рухнувшие на пол и поднявшиеся призрачными тенями.

— Верни, — шептали они, — Верни меч. Верни меч!

— Ал-лекс, — хрипела Рейн, — Прош-шу.

— Нет! — вопреки дрожи, охватившей меня, я не собиралась отступать, — Я не позволю убивать невиновных!

Рейн бледнела всё больше и больше. Ослабевшими руками она тянулась к своему мечу, в глазах ее стояла мука. Она схватилась за шею, в агонии стала ее царапать, глаза ее жутко выпучились, покраснели, вместо слез полилась кровь.

— Верни меч! — стонали силуэты, — Воровка! Воровка!

— Нет!

Я отступила назад, оставив девушку корчиться на полу. Рейн распласталась на линолеуме, в последнем, предсмертном усилии потянулась ко мне, ухватилась за ногу. По коже пробежал мороз, и я услышала раскатившийся голос: «Ты сделала выбор!»

Брыкнув ногами я сбросив с себя одеяло и вскочила в холодном поту, задыхаясь. Тело

бил озноб, лоб пылал, голова кружилась. Почему кошмар настолько реалистичный? Не об этом ли говорила Рейн, предупреждая о неизбежной акклиматизации в новом мире?

Сощурившись, я выглянула в окно — там ярко светило утреннее солнце, слышалось щебетание птиц, плыли высоко в небесах кучевые облака.

А я стояла нагишом посреди комнаты.

Быстро одевшись и умывшись, я решила найти своего регента. Что-то мне подсказывало, что он мог ответить на все мои вопросы, а я больше не желала пребывать в неведении.

Однако на выходе из комнаты меня ждал сюрприз. Точнее, даже два. Слева и справа от двери, сидя по-турецки на полу, ждали мои протекторы. Эдвард сидел с закрытыми глазами, отдыхая, а Рейн держала свой меч на коленях, бережно натирая его поверхность шероховатой тряпочкой. Мне на мгновение почудилось, что Рейн тоже спит, а полировать меч умеет во сне, однако они о чём-то негромко беседовали. Мне удалось выхватить лишь обрывок реплики Рейн:

— …и есть разница между врагами и предателями, — девочка оглянулась и умолкла. Сунула тряпочку в карман рубашки, встала и поклонилась, — Приветствую, госпожа. Удалось выспаться?

— Вы здесь все это время были? Почему не в своих комнатах?

— Ты знаешь ответ, — сказал Эдвард, по-прежнему с закрытыми глазами.

— Ерунда, не станете же вы ходить за мной всюду! — сказав это, я поймала настороженный взгляд Рейн, в котором явственно читалось «будем», — Хотя бы перестаньте называть меня… как вы меня называете! Мы ведь друзья!

— Тройка бы с тобой не согласился, статус у нас разный, — отрезал Эдвард. Юноша открыл один глаз и, как кот, сонно потянулся, — К тому же, твое имя священно. Вне твоей колыбели и бывшей обители, Земли, ему не пристало звучать по всяким пустякам, — он встал и потянулся, — Проголодалась?

Меня без лишних слов повели по коридору к широкой винтовой лестнице. В стенах ее были оставлены ниши, в которых стояли белоснежные мраморные скульптуры, смахивающие на статуи времен Древней Греции. На какой-то миг мне даже показалось, что это и есть мыслители и императоры, но на деле в камне были запечатлены обычные люди: были и мои ровесники, и совсем взрослые, и даже несколько детей.

Чем выше мы поднимались, тем искуснее становилась проделанная мастером работа. У подножия изваяний появлялись золотые таблички с надписями на непонятном мне языке.

— Кто это?

Эдвард и Рейн переглянулись.

— Анкеры, — ответил юноша, — Все, кто когда-либо жил в одном из десяти миров. Эти скульптуры воздвигают посмертно, и их здесь сотни. Те, что старше тысячи лет, пришлось перенести в музейные залы.

Нам по пути встретились двое близнецов лет двадцати, при каждом был меч.

— Эдвард! Рейн!

— Трой, Дрой? — Эд пожал им руки, — Что вы здесь делаете?

— Мы? Охраняем анкера, — оба неловко заулыбались, — Директива его светлости Тройки. Вы освобождены от ваших обязанностей на неопределенный период, мы вас заменим.

Рейн и Эдвард переглянулись.

— Значит, выбрали вас, — протянул Эдвард, — Надеюсь, нас хотя бы не сошлют на

плантации и не предадут суду.

— Вы мои новые протекторы? — я окинула взглядом двоих белобрысых молодцев, улыбающихся во весь рот, и поморщилась, — Что же, охраняйте. Но Рейн и Эд меня будут сопровождать.

Мы поднялись на самый вверх, где на мраморном подиуме, всем на обозрение, стояла двухметровая золотая скульптура двух подростков.

— Спасибо, вы можете быть свободны! — я кивнула близнецам, — Благодарна за сопровождение, дальше моей защитой снова займутся Эд и Рейн.

— Но, анкер! — оба растерянно переглянулись. — Нам велено защищать вас!

— Вы и защищали меня на лестнице! Обещаю, что поговорю с *Тройкой* и все улажу. Вы можете быть свободны.

Протекторы какое-то время постояли. Потом поплелись вниз, мрачно оглядываясь на меня и кидая неприязненные взгляды на Рейн и Эда.

— Спасибо, — Эд почесал в затылке, — Но это было излишне.

— Да и бесполезно, — хмыкнула Рейн, — Нас сместил не один лишь Тройка — было голосование, и отстранение приняли консенсусом. Никто не может его оспорить, даже ты.

— Посмотрим, — я пожала плечами, мимолетом изучая золотую скульптуру.

Та оказалась ещё интереснее, чем мне сначала показалось. Девочка и мальчик были искусно выполнены: с детально проработанной одеждой и пластичной мимикой, жутковато живыми глазами, точно ищущими что-то впереди. Им было лет по тринадцать-четырнадцать, они были похожи, но не как брат и сестра.

Запечатленные в металле подростки стояли полуобнявшись, на лицах их застыла грустная улыбка. Они смотрели вперёд, и казалось, что они знают что-то неведомое и ужасающее. Мальчик вытягивал вперёд правую руку, девочка левую. На открытых ладонях балансировали, уперевшись в них остриём, мечи протекторов — будто падающие с неба.

На потолке я увидела мозаику, на которой были изображены те же двое подростков, но уже в другом виде: с клинками наголо, окруженные паукообразными существами и хищными на вид птицами. На алом плаще у каждого красовался белый череп, из левой глазницы которого пробивался зеленый росток.

В общем, и скульптура и мозаика были наполнены символами, явно понятными для всех, кроме меня.

— А что… — я невольно перешла на шепот, говорить громко язык не поворачивался, словно это были не просто скульптуры, а надгробные памятники. — Кто это?

— Ты спрашиваешь, кто *Они*? — поразилась Рейн. — Величайшие из величайших — Первые Протекторы! Покровители нашей профессии!

— А по совместительству еще и отцы-основатели нашего профессии, — добавил Эд.

— Отцы и матери, — уточнила Рейн.

— Третий слой тебя испортил, — поморщился Эд. — Хорошо, отец и мать нашего ремесла.

Пройдя по коридору, мы подошли к стеклянным дверям, за которыми утопала в зелени открытая веранда. По деревянному настилу сновали люди. Был тут и Девятка, который явно был негласным лидером регентов, и мой собственный регент, одетый в белоснежный костюм и щегольской белый котелок, с неизменной, хоть и совершенно не нужной ему тросточкой, и многие другие люди, которых я видела в зале заседаний.

Тут и там стояли высокие барные столики со всякой снедью, и несколько официантов

сновали туда-сюда, разнося подносы с бокалами.

— Ваш завтрак, анкер, — Рейн и Эд галантно приоткрыли двери, — Вы одна из них, вас примут.

— А вы? — я увидела в толпе вчерашних ребят в золотом (правда, сейчас они были одеты скромнее), и у меня засосало под ложечкой, — Мне с вами спокойнее.

— Здесь анкеты, их регенты и высшие негоцианты, — покачала головой Рейн, — Нам не дозволено. К тому же нам и вправду больше не следует тебя сопровождать — влетит.

— Мы подождем тебя тут, — добавил Эдвард, — Если, конечно, хочешь.

Я им улыбнулась.

Робко шагнув вперед, я ощутила, что все взоры на веранде в одночасье обратились ко мне. Чувствуя себя невероятно глупо, я нашла своего регента и подошла к нему.

— Здравствуйте, — я изобразила подобие реверанса (в школе у нас были уроки хореографии, но реверанс, по-прежнему, абсолютный предел моих возможностей).

— Доброе утро! — Тройка улыбнулся, — Необязательно мне кланяться, анкер. Кстати, у меня есть таблетки от кошмаров.

Я уставилась на него.

— Прости, умею читать эмоции, которые недавно ощутил человек, — пояснил регент, — У тебя на лице прослеживается пережитой страх.

Кажется, я начала привыкать к сумасшествию этого мира. Даже на магию уже не реагировала с паническим отрицанием.

— Если не хочешь рассказывать — это твое право. Помни, что адаптация продлится пару недель и проявится не только в потери вкуса пищи и беспокойном сне.

— Значит, придется есть, не чувствуя вкуса пищи?

— Почему же? — Тройка подозвал официанта, — Один завтрак даме с Земли, пожалуйста.

Я сперва не поняла. Однако даже сообразив, не сразу поверила ушам. Они что, специально отправили кого-то на Землю и обратно, чтобы принести мне поесть?

— Нет, не специально для тебя, анкер — мы завозим продукты со всех слоев. Это распространенная практика, к тому же, мы сами не гнушаемся пробовать деликатесы других миров.

— Как вы…

Мой регент рассмеялся и положил мне руку на плечо.

— Алекс, все регенты проходят обучение на Элиоре, а ведь это родина магов. Повторюсь, мы умеем читать эмоции и даже мысли. Немного.

— Не читайте, пожалуйста, мои, — я смутилась, — Если вас не затруднит, конечно.

— Прошу прощения, не нарочно — ты очень громко думаете. Простейшие мысли, те, что на поверхности, сами бросаются в глаза… Но я постараюсь.

Регент проводил меня к одному из столиков и вежливо отодвинул стул, приглашая сесть.

— Спасибо, — я с горечью поняла, что за все мои семнадцать лет никто не был со мной столь же обходителен, как этот регент.

— Люди глухи и слепы, мой анкер, и не стоят твоего сожаления.

— Не читайте…

Регент виновато прикрыл рот рукой, улыбнулся. Достал курительную трубку, щелкнул пальцами, выжигая искру, и закурил.

— Хочешь совет? Бери пример с анкеров Риххора и Орта — вон они, в золотистых одеждах, стоят у края террасы. Судьба тоже привела их в Фокус. Они знают свой статус и гордятся им, сильно не зазнаются, но и о превосходстве своем не забывают. Вот тебе совет, Алекс: тебе тоже нужно научиться помнить о своем статусе и пользоваться им как щитом, а порой и как мечом.

Пришел официант и принес мне еду. Каша, яичница с беконом, бутерброды с фуа-гра, тарталетки с черной икрой и стакан свежевыжатого апельсинового сока.

— Самый обычный завтрак самого обычного землянина. — с энтузиазмом заявил регент.

Я все еще медлила.

— Нам нет смысла тебе вредить. Пойми, что ты наша опора, значимый символ мировой гармонии.

— Я вовсе не думала об отраве, — пробормотала я, но как-то не слишком уверено, — То есть думала, но не всерьёз. Просто чувствую беспокойство. Вдруг те монстры, что на меня напали, вернутся?

— Исключено. Мы находимся в самом защищенном месте во вселенной! Это ведь сердце мироздания! — регент громко и непринужденно рассмеялся. На нас стали оглядываться.

Я уперлась взглядом в тарелку с кашей и взмолилась, чтобы люди перестали таращиться на нас. Я и дома была интровертом, а путешествие в иной мир окончательно истребило во мне легкость в общении.

На смех регента к нашему столику подошли те самые двое анкеров.

— Ты здесь новенькая, анкер, — сказала девчонка не то с напором, не то с насмешкой, — Мы вчера виделись, но не имели возможности поговорить.

— Да, я вас помню, — призналась я.

— Помнишь? — девушка насмешливо повела бровью. — Как это лестно, право. Я с Орта, если что. Это восьмой слой. А ты откуда?

Я даже сначала не поняла, что это насмешка. Конечно же они знали, кто я и откуда, к чему спрашивать? Раз она подчеркнула в разговоре статус своей родины, значит, хочет обозначить свое превосходство.

Внутри у меня начал разрастаться паника. Я торопливо стала пить сок, пытаясь придумать достойный ответ. Регент незаметно пожал мне руку и в голове у меня зазвучал его голос:

«Это я, Тройка. Не обижайся, Алекс. Слои имеют лишь нотариальную субординацию, в реальности восьмой слой ничем не лучше третьего».

— Я с третьего слоя, — допив сок и поставив бокал, ответила я, — Только вчера здесь оказалась, голова кругом идёт. А как давно здесь ты?

— Больше пяти лет, — девушка, прищурившись, изучала меня.

Я сглотнула. Немудрено, что девица ведет себя здесь как рыба в воде. Да она, считай, выросла в Фокусе.

— Пройдемся? — новая знакомая бесцеремонно взяла со стола пару бутербродов с паштетом, передала юноше. — Тебе не нужен завтрак. Первые дни совершенно не хочется есть, по себе помню. Мы просто обязаны тебе все здесь показать, иначе заблудишься.

— Спасибо, конечно, но…

— Отличная мысль! — похвалил регент, — Но, уважаемые анкеры, верните ее,

пожалуйста, к обеду, — Тройка прервал готовый сорваться отказ. — Вам, мой анкер, и впрямь стоит пообщаться с ровней.

Я понурилась. Кажется, прогулки с этими двумя не избежать.

По пути вниз анкеры представились: девушку звали Лиана, на Орте она принадлежала к какому-то важному и богатому роду, а юношу звали Мартиус — для друзей просто Мар — и с Риххора его забрали из-за разбушевавшейся эпидемии черной язвы. Как ни странно, там он был сыном бедного ремесленника и подобно мне не подозревал о своей важности.

— Запомни, анкеры олицетворяют сердца своих миров, — заявил Мар.

— У нас много полномочий, но и обязанностей хватает, — Лиана строго взглянула на проходившего мимо протектора, и тот вздрогнул, торопливо поклонившись. — Следить за порядком, контролировать слуг… Есть и запреты, конечно. Например, табу возвращаться на материнскую планету.

— В смысле? — это заявление застало меня врасплох.

— В прямом. Посещение анкерами материнской планеты после прибытия в Декаду исключено, а о встречах с кем-то из «прошлой жизни» не может быть и речи. Тебя ведь там больше нет, значит, для своего мира ты мертва. Если подумаешь хорошенько, поймешь, что в этом есть смысл.

Лиана бросила на меня задумчивый взгляд и, впервые без вызова в голосе, спросила:

— Скучаешь по дому?

— Мне не по кому там скучать, — я подавила дрожь в голосе, — Я теперь сирота.

— Приношу свои соболезнования. Очень многие попадают сюда вот так. Мы дети разных миров, но это нас и объединяет. Все мы чувствовали скорбь вначале, но скорбь — тоже лекарство: в малых количествах прижигает сердечные раны, не дает сердцу истечь собственной кровью.

— А в больших — разъедает его целиком, — вставил шпильку Мар.

— Я миновала траур по Орту и теперь свободна, — томно продолжала девушка, — Более того, я счастлива, что оставила всю суету там. Гувернеры, слуги, званые вечера… Все это — одна большая ловушка, искусный капкан, установленный самой природой и взведённый обществом. И капкан этот держит тебя все крепче с каждым годом. Я благодарна провидению, что высвободилась из него столь малой кровью, и пусть поначалу капкан все мерещился мне, напоминая о прошлом, более его призрак надо мной не властен, — она пожала плечами, — Что поделать, такова моя судьба, мой долг перед Декадой. Я не могу быть эгоисткой, заботясь лишь о собственном счастье!

— Лирическое настроение, Мерци? — Мар гнусно захихикал и даже пару раз хрюкнул.

Мы вышли в сад, и пушистые кусты сирени скрыли нас от посторонних глаз. Стоило свернуть на окружающую дом тропинку, как мои попутчики перевели дух, и циничная ухмылка слетела с их лиц.

— Извини за мерзкое поведение, анкер, на самом деле мы не такие сволочи, как ты могла подумать, — Лиана улыбнулась, и её голос, взгляд, мимика — всё преобразилось, — Это просто наши маски.

— Маски?

— Все в этом особняке считают Лиану мегерой и стервой, — Мар усмехнулся, — А себе я вылепил образ простака, не знающего этикета.

— Маски полезны, — Лиана виновато улыбнулась, — Я слепила себе свою не сразу, но теперь ношу ее, чтобы держать людей, нелюдей и полулюдей на расстоянии.

Глава 5. Часть 2

Девушка достала из кармана свисток и дунула в него. Почти сразу откуда-то из-за дома донесся лай. Мы прошли по тропинке немного дальше, и в поле зрения появились два здоровенных косматых пса, смахивавших на жутковатый гибрид волка и медведя. Псы неслись нам навстречу: языки вывалились от радости, уши от быстрого бега мельтешили на ветру.

— Собаки? — я шарахнулась назад, — Я б-б…

— Не бойся, они послушны и никогда не укусят кого бы то ни было… без разрешения.

— Меня в детстве собака соседки укусила, — я поджала губы, — И ей никто никакого разрешения не давал.

Я вцепилась вспотевшими пальцами в ткань джинсов и постаралась не выдать паники. Говорят, животные хорошо чувствуют запах страха, а его у меня сейчас хоть отбавляй.

Собаки уже добежали до нас и теперь прыгали у ног хозяйки, бросаясь на нее и облизывая лицо. Девушка жестом потребовала у Мара бутерброды с завтрака и предложила питомцам. Те с энтузиазмом съели все до последнего кусочка, а потом еще долго лизали руки Лианы.

— Как их зовут? — я постаралась придать голосу спокойствие. — Барбос? Шарик? Или лучше Страх и Ужас?

— Их никак не зовут, — девочка улыбнулась, — Если бы я дала им имя, их могли бы позвать другие. А так они откликаются не на свое имя — лишь на мой голос.

— Давайте пройдемся до холма? — Мар махнул рукой куда-то в лес, — Оттуда открывается отличный вид на особняк.

Сопровождаемые псами, мы прогулялись по тенистой аллеи вдоль небольшого пруда с неизбежными лебедями и утками (я подумала, что птицы тут как на работе), вышли на поросший клевером холм и, забравшись по крутым каменным ступеням на вершину, сели в уютной беседке на вершине. Псы устроились у ног хозяйки, шумно сопя.

— Я их забрала из родного мира, — сообщила Лиана, помолчав, — Единственное напоминание о нем.

Мы посидели в тишине. Я вдруг поняла, что рада тому, что сбежала с завтрака.

— Лиана, Мар? Извините за бестактность, я забыла представиться: меня зовут Алекс, полное — Александра.

— Странное имя, но красивое, — Мар окинул меня взглядом, словно примерял его на мне, — Подходит.

— Я читала, оно на Земле входит в перечень самых распространенных, — заметила Лиана. — Сокращенно Саша, да?

— Са-ша? — Мар попробовал имя на вкус, — Можно звать тебя Саша?

— Ну, да, наверное… — я тотчас же пожалела о сказанном, ведь так меня звали в семейном кругу, и имя это было для меня особенно дорого, а я взяла, да и отдала его в руки незнакомцев. Хотя семьи у меня больше нет, меня это волновать не должно. А эти «незнакомцы» теперь мои друзья, и я не должна закрываться от них.

— Заметано! — Мар просветлел лицом, — Уверяю, Лиане, как и мне, очень приятно, что ты находишь в себе силы идти нам навстречу. Знаю не понаслышке, как это тяжело — заводить друзей, — он положил свою руку на мою, но тут же убрал. — Хочешь о чём-то

расспросить нас?

— Хочу, — обрадовалась я. — Кто мы такие?

Мар нахмурился, сбитый с толку.

— Она имеет в виду анкеров, — пробормотала Лиана. Сбросила с ног туфли, положила ступни на собак. Псы, похоже, не были против — одна даже принялась покусывать ей пальцы. — Саша, тебе будут говорить множество красивых слов, но ответ прост — мы всё и ничто одновременно.

— Как это?

— В каждом мире Декады есть человек, особым образом связанный с лимфой. Когда-то их исследовали, изучали, но так и не пришли к пониманию. Эта связь… похожа на магию, но магия как таковая есть только на Элиоре.

— Анкер — это как цвет волос или родинка на коже, — рассмеялся Мар. — Знаешь, наверное, сказки и легенды, как пропавшего наследника трона находят по родинке в форме короны? Так вот, признаки анкера в человеке заметить гораздо труднее: на это способны лишь элиорские маги. Анкер живёт самой обычной жизнью, рождается в любой семье… Лиана вот родилась в богатой, я — в нищей…

— Я в самой обычной, наверное, — сказала я. — Средней такой.

— Вот! Никаких волшебных способностей. Никаких чудесных сил. Анкеры рождаются, живут и умирают. Как только анкер уходит из жизни, в его мире рождается новый младенец с этой меткой.

— Ходят, конечно, всякие слухи… — протянула Лиана. — Если анкер болеет или страдает — его мир тоже начинает болеть и страдать. Чем хуже живётся анкеру, тем больше проблем в мире.

— Не доказано, — вздохнул Мар. — Детские сказки. Тут обратная зависимость: если в мире плохо, то и анкеру несладко, понятно же.

— Мне больше нравится первая версия, — усмехнулась Лиана. — Благодаря ей анкеров берегут, охраняют, содержат за счёт декады. Если бы я дотянула в своём мире до двадцати одного года, мне бы рассказали правду, устроили выгодный брак, богатое наследство, выигрыш на скачках. Может и за принца замуж выдали!

— А мой папаша, — мрачно сказал Мар, — стал бы, наверное, старшим ремесленником и отправил меня на учёбу к хорошему мастеру. Счастье — оно такое, относительное.

Лиана примирительно похлопала его по плечу.

— Ты прав. Мы всё и ничто одновременно. Но ведь это лучше, чем быть просто ничем?

— Анкеров стараются оставлять в родном мире, — продолжал Мар. — Вроде как связь слоев тогда лучше, да и безопаснее… мало кто, даже в Фокусе, знает наши личности. Но если ситуация совсем уж аховая, то привозят сюда. Семья Лианы погибла при мятеже, её вытащили протекторы. Меня спасли во время эпидемии чёрной язвы. На тебя напали, верно?

Я вдруг поняла, что не давало мне покоя.

— А все анкеры нашего возраста?

Лиана и Мар переглянулись.

— Я же говорил, она умнее, чем кажется, — сказал Мар. Я не успела толком обидеться, как он продолжил: — Нет, конечно. Но два десятка лет назад начались массовые выступления в Декаде. Долой власть Фокуса, сбросим тиранов-регентов… всё такое. Было предательство среди элиорцев, мятежники выяснили личности четырех анкеров. Их убили.

— И родились мы, — кивнула Лиана. — Есть ещё парень с Устоны, но мы не знаем его

личность. Остальные анкеры гораздо старше.

— А регенты и впрямь тираны? — спросила я. Тройка мне нравился, не хотелось думать, что он на самом деле злодей.

— Да обычные люди, — отмахнулся Мар. — Пойми, Декада — это только бизнес. Вся эта мишура с титулами, памятниками, древними законами — не более чем красивая обёртка. На самом деле в каждом мире есть знающие, пользующиеся благами всех миров.

— Торговля, — усмехнулась Лиана. — Ваши кинофильмы смотрят короли Геммы, ваши правители лечат смертельные болезни эликсирами из Райт-Райна, изобретения из Керсария покупают учёные всех миров. У каждого мира Декады есть что-то уникальное.

— И все мятежники — всего лишь знающие, которые недовольны своим положением и хотят большего, — сказала Мар. — Как всегда и бывает с мятежниками! Вот, сейчас новая волна недовольных. Увы, это время от времени бывает.

— А зачем скрывать Декаду? — поразилась я.

— Во-первых, ты представь себе панику населения в своём мире, — снисходительно объяснила Лиана. — Когда узнают про другие миры, нелюдей, магию… Во-вторых, торговля идёт через артерии, товары носят на своих плечах негоцианты. Много товаров не доставишь, на всех не хватит.

— Негоцианты — те ребята, кто не прошёл в протекторы, — пояснил Мар. — Они умеют путешествовать по лимфе, но с большим трудом и опасностями. Протекторы не взрослеют, негоцианты просто стареют медленнее. Все мечтают заработать побольше и жить в каком-нибудь симпатичном месте. Самая большая мечта у всех, конечно, остаться в Фокусе, но уже начальником, а не рядовым торговцем.

— Потому что здесь живут анкеры и их регенты?

— Ты поняла ход мыслей этих чванливых зануд, — Мар одобрительно кивнул и указал на белоснежный непроницаемой туман, окутывающий лес в нескольких сотнях метров от особняка. — Они мечтают жить в центре всего. Видишь пелену? Это не туман, там в принципе ничего нет и никогда не было, точнее, всегда было *ничего*. Это, Саша, лимфа.

— Декада — самый-самый центр мироздания, оазис между десятью мирами, — кивнула Лиана. — За ее пределами лишь лимфа и другие миры. Декада создана из лоскутков всех десяти миров, каждый найдёт здесь место по вкусу. Это и делает ее уникальной. Плюс, ее можно обойти по периметру за несколько часов.

— Десять миров, — повторила я задумчиво. — Всё время слышу, что миров десять. Можешь рассказать, что это за миры?

— Если угодно, — кивнула девушка. — Перечислю по порядку, с первого по десятый:

Есть Гемма, мир развитого средневековья, сохранивший феодальные отношения в начальную индустриальную эпоху. Крайне редкая ветвь истории.

— Я там побывала, — кивнула я, вспоминая приёмного отца Рейн.

— Второй слой — Лирия, территория вечных войн. Дело не в каких-то идейных конфликтах, для них это нормальный жизненный цикл: на отведенных полигонах идёт война, рядом — мирная жизнь. Все конфликты решаются на поле брани.

— Ужас! — воскликнула я.

— Думаешь? Как по мне — довольно честно. Гражданские там не страдают, их убийство считается позором…. Твоя Земля, третий слой, по праву является торговой и промышленной столицей мироздания. Ну и ещё очень популярен ваш кинематограф.

— А вот литература так себе, — вставил Мар. — На любителя.

— Дальше идет четвертый слой, Райт-Райн — конура полулюдей и ядро мутагенной алхимии. Он не всегда таким был, но… — Лиана пожала плечами. — Затем Устона — пятый мир. Это земля сломанной физики, также известная как Земля Безумца. Говорят, там всё очень необычно, но их устройства не работают в иных мирах. Шестой слой — Риххор, паровое сердце мироздания. Они принципиально отказались от электричества, но то, что они делают с простыми механизмами и паром — невероятно.

Мар при этих словах заулыбался и с гордостью кивнул. Лиана продолжала:

— Элиор — единственное средоточие магических эманаций, родные пенаты магов, седьмой мир. Там обучают регентов и негоциантов. Восьмой мир — Орт, обитель нелюдей, изгоев и вечного мороза. Девятый мир Керсарий — лидер в технологии и науке, к сожалению, неохотно делящийся своими знаниями. И, конечно, Мийр — замкнувшаяся в себе обитель фанатичных детей природы. Он будто застрял в прошлом, и хорошо еще, что Декаде удалось наладить с ним хоть какие-то торговые связи.

Пока она говорила, я между делом изучала особняк. Издалека он казался гораздо больше. Может быть, из-за того, что всей громады, всех крыльев, всех сводов и ответвлений с близкого расстояния видно не было. Крыша, с этой стороны напоминающая своды японских пагод, заслоняла восходящее солнце, из-за чего ее очертания горели красным.

Я поняла, что первое впечатление от Декады было обманчиво. Дома, на Земле, таких особняков не было.

Стоило Лиане завершить свой рассказ, как что-то из только что сказанного аукнулось в моей памяти. Я мысленно вспомнила все, что мне говорил регент и пришла к тревожному выводу. Точнее, вопросу.

— Лиана, подожди-ка. А ты? Ты ведь с Орта, верно?

Лиана рассеянно улыбнулась. Кивнула.

— Значит, ты изгой? — с надеждой спросила я.

Девочка бросила на меня взгляд холодных глаз, натянуто улыбнулась и отрицательно мотнула головой.

— Я родилась на Орте, моя семья и предки — арахны, люди, мутировавшие когда-то давно в огромных пауков.

Оставив меня таращиться ей в спину с открытым ртом, Лиана обернулась к Мару и спросила:

— А давай-ка покажем ей самый Край? У Врат сейчас столпотворение, а вот к Краю…

— Время есть, можно и показать, — юноша бодро поднялся. — Пойдем, Саша, оно того реально стоит!

Я поплелась следом, хотя с Лианой теперь держала дистанцию. Если она нелюдь, то мне потребуется время, чтобы привыкнуть к ней. Как-никак, я не могла забыть того монстра в поезде, который чуть не убил Эдварда, и вся вздрагивала при мысли, что обычная на вид девчонка может превратиться в подобное чудовище.

От Лианы, разумеется, мое поведение не скрылось. Сначала она будто бы расстроилась, беседу не поддерживала, досадливо пинала по пути мелкие камушки, потом ее словно подменили: она начала смеяться шуткам Мара и шутить сама, играла с псами.

— Не обижай её, пожалуйста, — шепнул мне Мар, когда Лиана с питомцами убежали вперед, — И не сторонись. Она хороший и верный друг.

— Это не ее облик? — требовательно спросила я, — Я уже видела ортианца, и он выглядел по-иному, как…

— Паук? — хмыкнул парень — Они называют себя арахнами, и на моей памяти Лиана всего раз принимала такую форму. Пожалуйста, перестань шарахаться при ее приближении, проникнись к ней сочувствием! Человеческого в ней не меньше, чем в нас с тобой, — юноша посмотрел куда-то вдаль и хмыкнул, — а то и больше.

Я пристыженно замолчала. Лиана с безымянными псами уже скрылась за поворотом тропы, но мы с Маром шли следом не спеша.

— Хорошо, я постараюсь, — выдавила я, — Один мудрый человек в нашем мире сказал, что все страхи — это просто боязнь неизвестного.

Мар согласно кивнул.

— Слушай, Мар, можешь рассказать об Устоне?

— Заинтересовалась? — понимающе кивнул Мар. — Честно говоря, ничего особого не скажу. Все странности их мира остаются в их мире. Здесь устонцы выглядят самыми обычными людьми. Довольно весёлые и дружелюбные… О, вспомнил! Их веселит, что у нас вода всегда течёт вниз!

— А о Мийре и его обитателях? Кто они? Судя по всему, их побаиваются, но если они такие отсталые…

— Есть теория, что когда-то давно они достигли научного пика, изменили свой мир, а потом уничтожили все технологии. Не знаю, так ли это. Как такие мийрицы? С виду обычные люди, все поголовно веганы, — хмыкнул парень. — Даже не просто веганы, а ультравеганы! Едят лишь несколько сортов травы, орехов и корешков, грибы считают животными, многие виды плодов тоже под запретом. Государства там вроде высокоразвитых общин. Молятся всяким лесным и озерным святилищам.

Анкер Риххора поежился и продолжил:

— Считается, что наемные убийцы Мийра — лучшие среди десяти миров. Никогда не видел их в действии, но знаю, что работают они быстро, чисто и дорого. Не знаю, с чем это связано — быть может и впрямь существует древняя магия или технология, или их пища не так уж проста и раскрывает глубинные возможности человека… На Мийре всего несколько кланов, с которыми Декада наладила бартерную торговлю. Её усложняет частая сменяемость власти в этих общинах: с приходом нового вождя следует заключать новый торговый договор. Их слой считается «модным» в наши дни. Возможно, из-за того, что они вегетарианцы.

— Слоями принято хвастаться. И точка, — с ветки дерева, как чертик из табакерки, спрыгнула Лиана. Это было столь неожиданно, что я шарахнулась в сторону, едва не сбив с ног Мара, но по-настоящему бросило меня в дрожь тогда, когда при приземлении ее рука неестественно свободно вывернулась из сустава, чтобы погасить скорость. Я посмотрела на Мара, но взгляд того был спокоен.

Лиана, встав и отряхнувшись, как ни в чем не бывало подошла к нам и протянула три больших желтовато-красных плода, отдаленно напоминающих манго.

— Ямса, отдалённый аналог ваших груш, — сообщил Лиана, раздавая фрукты, — Сейчас самый сезон, они еще не успели взорваться, а вот через неделю ходить тут будет опасно. Ешь-ешь не пожалеешь. Мы же не мийрийцы, нам можно.

Я взяла из рук Лианы плод, потерла о футболку и откусила. Я не ожидала ощутить ничего приятного — все-таки, это инопланетная еда — но вкус был мягким и очень приятным.

— Очень вкусно, — я откусила еще кусок и, наконец, распробовала, — Реально вкусно!

Лиана хмыкнула. Подозвала собак и, разделяя с ними фрукт, сказала:

— Чем больше их ешь, тем они преснее. Я в детстве вечно таскала ямса из-под носа кухарок, и так в итоге объелась, что теперь не чувствую их вкуса.

Глава 5. Часть 3

Пройдя дальше, мы вскоре свернули на лесную тропку и продолжили путь по ней. К моему удивлению, через какое-то время земля и корни сменились крупным щебнем. По земле застелились усики тумана, и по ногам прошелся прохладный ветерок. Ветер в вышине перестал, птичье щебетание и прочие звуки смокли, словно в уши положили вату.

— Приближаемся к Краю, — подтвердил Мар мои мысли, — Слышишь тишину? Здесь теряются звуки, они впитываются в лимфу, словно вода в землю. Пройдем еще дальше, и друг друга слышать не будем. Так что, если что захочешь, объясняйся жестами или напиши где-нибудь.

— Эдвард говорит, что на лимфу смотреть нельзя, — блеснула я знаниями, — Это ведь хаос, а хаос опасен.

— Что за Эдвард? — поинтересовалась Лиана.

— Мой протектор, — я смутилась.

— Надеюсь, красавчик?

— Лиа! — Мар пихнул подругу. — Да, Алекс, ты права — на чистую лимфу смотреть не стоит, можно ослепнуть, но мы-то находимся по эту сторону Края. Нам нечего боятся.

— Я велела собакам оставаться здесь, — сообщила Лиана, — Можем идти.

— Лиана, ты можешь взять Рейн к себе? — набралась я смелости задать вопрос, — Тройка и другие регенты не желают, чтобы она была моим проектором, но, если ты позовешь ее к себе, они вынуждены будут согласиться.

— Ту странную девчонку? — поморщилась анкер, — Не знаю. У меня достаточно личной охраны, зачем мне еще одна?

— Ее могут отправить куда-нибудь на лесоповал, — пожала я плечами, — Она так мне сказала…

— Врет. Просто посадят за бумажную работу, вот и все лесозаготовки, — девушка усмехнулась. — Ладно, я подумаю. Может, возьму, если хорошо сражается. У протекторов вечно идут соревнования, приятно, когда твой охранник в числе лучших.

Мы двинулись дальше в тишине, прерываемой лишь хрустом веток, даже шум ветра стих. Свернув на едва-едва различимую тропку, всю поросшую осокой и какой-то высокой травой с белыми цветками на стеблях, мы дошли до большого валуна. Каменюка была расколота нечеловеческой силой — одна ее часть валялась на земле, словно панцирь гигантской черепахи, другая, отсеченная ровным швом, отсутствовала.

Мы подошли к камню и забрались на него, чтобы было лучше видно.

Сказать по правде, раскинувшийся пейзаж был красив, но и пугал одновременно. Мы стояли на небольшом пригорке, дальше был овраг, на дне которого покоился легкий туман. Овраг простирался вплоть до бледно-розовой границы Края, где резко обрывался, упираясь в «стенку» Края, словно срезанный гигантским тесаком.

В последний раз я чувствовала себя такой маленькой, когда мы с родителями пошли в аквариум — там мы тоже стояли у большущего стекла, за которым плавали, лениво помахивая плавниками, акулы и черепахи. К счастью, здесь никто не плавал. Мы стояли у Края, но по ту сторону, в холодном розоватом свете лимфы, не было ничего. Ради интереса я попыталась что-нибудь произнести, но не услышала ни звука. В рот потянулись знакомые усики холода, словно вытягивающие теплоту из самого сердца. Жутковатое ощущение. Я

закрыла глаза, позволив воспоминаниям нахлынуть. Помню ощущение перемещения сквозь лимфу, помнила замирание сердца, когда моя рука выскользнула из руки Эдварда, помню падение в никуда. Лютый холод и хаос, на который нельзя смотреть — лимфа была жестоким местом, где выжить могли только опытные. Только протекторы. Постояв так какое-то время, мы развернулись, чтобы возвращаться. Отойдя с десяток метров, я заметила, что ко всем вернулся голос. Обычное сопение и шуршание камней под ногами теперь казалось невероятно громким, так что я невольно прикрыла уши.

Вдруг что-то дернуло меня обернуться. Поддавшись мимолетному порыву, я остановилась и бросила взгляд на затянутую туманом розовую стену.

И остолбенела.

Там, за волнами розового, мелькнул силуэт. Не знаю, с чего я решила, будто это твидовый, но в тот миг мне показалось, что это был тот самый «джентльмен», что хотел убить меня в поезде. Я вскрикнула, и мои спутники рывком обернулись:

— Саша, что случилось?

— Человек! — я указала на то место, где секунду назад видела смутные очертания, но теперь там колебалось лишь всеобъемлющее ничего.

— Где?

Лиана приставила руки к глазам козырьком:

— Я никого не вижу.

— Он был там! Клянусь! — я схватила Мара за плечо, — Пойдем скорее! Он наверняка где-нибудь рядом.

— Хм, — Лиана хмуро осматривала лимфу, — Мар, нам стоит вернуться к поместью.

— Там не могло никого быть, — скептически заметил парень. — А если бы и был, тут никому не пройти. Разорвет из-за разницы в давлении. Войти можно только через Врата.

— Значит, сообщим регенту, что видели здесь потенциальную угрозу, — Лиана отмахнулась от ответа Мара и свистнула собакам, — Поспешим. Нам вообще не рекомендуют сюда ходить. Здесь случаются случайные выбросы — вроде сполохов на солнце, только в лимфе. Такой протуберанец может утянуть тебя за край, словно щупальце.

— Зачем тогда мы пришли, если здесь так опасно? — возмутилась я.

— Тут клево, — пожал плечами Мар, — Да и Лиана преувеличивает. Сполохи крайне редки, к тому же медлительны — от них шагом уйти можно, я пробовал. Помнишь, Лиа?

Девушка не ответила. Мар тревожно на неё посмотрел, но ничего не сказал.

— Человек? В лимфе? — Тройка недоверчиво оглядел нас троих. — Это невозможно, но даже если бы случилось — Фокус достаточно защищен, чтобы отразить целый легион.

— Может, все-таки стоит укрепить позиции? — спросила Лиана, — Мне кажется, осторожность никогда не помешает.

Регент небрежно кивнул, словно был вынужден отреагировать на её просьбу, но не принял всерьёз.

— Тройка, я видела человека! — настаивала я. — Понимаю, тут полно протекторов, они здорово владеют мечами, но… На Земле давным-давно сражаются огнестрельным оружием! Что они могут сделать против автоматчиков?

— Анкер Земли, — произнес регент, снисходительно мне улыбнувшись. — Спешу вас успокоить. В Фокусе порох, как и любые прочие взрывчатки, не взрывается. Автомат или пулемёт здесь — лишь кусок железа.

Я глянула на Мара — он едва заметно кивнул.

Ну почему они меня не предупредили! Опять я попала впросак!

— Вернёмся к неотложным делам, — продолжил регент, давая понять, что с моими опасениями покончено. — Вследствие недавних событий Сердце Декады приняло решение о вызове послов десяти миров. Депеши посланы еще утром, совещание запланировано на шесть часов пополудни.

— Погодите! — прервала я его. — Послы? Какие ещё послы? Я думала, что вы — посол!

Мар хихикнул, впрочем, тут же придав лицу серьёзное выражение.

— Я не посол, я ваш регент, Александра, — ответил Тройка. Вроде как без обиды. — Я защищаю интересы Земли в Фокусе. Большая часть людей в нашем, как и в других мирах, ничего о Декаде не знает. Но торговля, как вы понимаете, ведётся негоциантами с представителями земных правящих структур, «знающими». Вот как раз они и присылают посла.

— А почему я не в курсе? — возмутилась я. — Анкер, самый важный человек на Земле?

Нет, не то, чтобы мне реально хотелось какой-то славы, обязанностей и знаний, но всё же я обиделась. А может сказалось то, как небрежно Тройка отмахнулся от моих страхов?

— Ваша роль, дорогая Александра, — мягко сказал Тройка, — сходна с ролью монарха в современном мире. Король или королева являются символом страны, формальными властителями, но правят, разумеется, другие.

Он коснулся моей руки и полушепотом добавил:

— Моя должность тоже большей частью формальна, но обязанности куда более обременительны! А вот те люди, которые присылают послов и де-юре являются вашими подданными, де-факто и есть правители Земли. Но не огорчайтесь так! Сюда им дороги нет, без нас они — никто, так что мы имеем возможность влиять на них… в разумных пределах, конечно.

— Но говорят, что если анкер страдает, то и его мир тоже…

Тройка печально покачал головой.

— Честно? Мы сами распространяем такие слухи. Чтобы придать важность вам… и себе. Слоям безразличны страдания бедных, богатых, королей, анкеров. Всё зло и добро в мир приносят сами люди.

Меня будто сбросили с небес на землю. Все громкие слова про анкеров, про их важность, оказались пустой болтовнёй. Мы ничего на самом деле не значим и ничего не можем. Я поймала сочувственный взгляд Лианы и поняла, что она тоже в своё время прошла этот этап: от восхищение собственной важностью до разочарование полнейшей ничтожностью.

— Понимаю, регент, — покорно сказала я.

Регент кивнул.

— Считаю своим долгом представлять интересы Земли на совещании вместо вас. Нет, конечно, если вы настаиваете…

— Не настаиваю, — сказала я. — Уверена, вы справитесь лучше.

За эти слова я была вознаграждена одобрительной улыбкой регента, а вот Мар нахмурился.

— Анкеры Риххор и Орта, вас я жду в пять часов в малой гостиной. Нужно обсудить возможные сложности и согласовать нашу позицию.

— Ваша светлость, постойте! — возмутился Мар, — Почему Алекс не может

участвовать? При всей формальности нашей власти, она анкер, как и мы! Ей надо набираться опыта!

— Не стоит рисковать ее появлением в свете. Не время, — регент покачал головой, — Вас видели на публике, и не раз, а ее пока нет. Мы послали агентов во все десять миров, и они не покладая рук распространяют слух, что анкер Земли там. Следует удержать новости о ее местоположении здесь, во дворце. Мы не знаем, кому можем доверять.

Анкеры Орта и Риххора переглянулись.

— Дипломаты не сплетничают, — заявила Лиана, — Послы будут хранить молчание о ее местоположении, информация не распространится. Поэтому Алекс *должна* участвовать.

— Мы не знаем, сколько миров на деле поддерживают Декаду, — парировал Тройка, — Нужно набраться терпения и подождать.

— И сколько?

— Сколько потребуется, — регент поджал губы, — По крайней мере до того момента, пока мы не узнаем, где находится антидекадская группировка, кто ее члены и сколько этих подонков численно. К тому же… — регент улыбнулся краешком губ, — Нотариально анкера Земли здесь еще нет. Она должна заверить документы, подтверждающие ее личность, прежде чем вступить в права анкера.

— Это нечестно! — Мар скрестил руки на груди, — Вы говорите о безопасности Алекс, об устранении огласки ее местонахождения, но разве антидекадцы глупы? Они наверняка знают, что она здесь! Здесь наверняка есть пара-тройка их шпионов! А если на неё нападут, пока все будут на встрече?

— Вы имеете в виду тот «силуэт» в лимфе… — протянул Тройка, снисходительно улыбаясь, — Уверяю вас, волноваться не о чем. Вероятно, Алекс просто показалось, но! — он жестом отмел готовые вырваться возражения, — Даже если в лимфе и впрямь был человек, это не повод для паники! Осматривающий Фокус снаружи протектор, заблудившийся негоциант, да пусть даже маг-изменник из антидекадовцев! Пройти можно лишь в районе врат, а там охрана. Если даже враги знают, что Александра здесь, все равно неразумно поощрять их информацией.

И регент пристукнул тростью об пол, словно ставя точку сказанному.

— Как видите, все уже обдумано, просчитано и принято.

С этими словами Тройка развернулся и ушел в дом.

— Ну, как погуляла? — спросил Эдвард, — Нашла общий язык с ними?

— Да. Кажется, нашла.

Мы втроем — Рейн, Эдвард и я — сидели в зале для отдыха. После ухода регента я распрощалась с анкерами и нашла своих бывших протекторов. Они играли на бильярде в комнате для отдыха, и Рейн безнадежно проигрывала.

Здесь было много народу. Как и в первый раз, бóльшая часть была либо протекторами, либо негоциантами. Если вначале мир Декады показался мне каким-то напыщенно-старомодным, то теперь я понимала, что все это показное, бутафория. Ну, как швейцарские гвардейцы у Папы Римского или всякие английские ритуалы вокруг короля или королевы. А то, чем на самом деле жила Декада и ради чего она существовала, было скрыто от посторонних глаз.

Разглядывая отдыхающих протекторов, я невольно поймала себя на мысли, что считаю настольные игры, телевизор и игровые приставки слишком несерьёзным занятием для

обученных с детства элитных телохранителей. Ведь протекторы, по сути, мои телохранители?

Я огляделась, пытаясь выхватить из образа комнаты что-то новое, чего не заметила в первый раз.

К стенам помещения в беспорядке были прикручены полки, на которых лежали книги, диски, журналы и даже такие древности, как музыкальные кассеты и грампластинки. На стене висело несколько гитар и выглядящие инопланетными музыкальные инструменты… впрочем, в этом я плохо разбираюсь, может быть, они очень даже земные. В углу, возле окна, стояли мольберты. У мольберта стояла девчонка лет двенадцати — впрочем, со знакомым мечом на поясе — и что-то озабоченно калякала.

Почувствовав внезапный приступ любопытства, я подошла к ней, потому что и сама занималась рисованием и разницу между бездарностью и талантом чувствовала… так мне всегда казалось. Остановилась, разглядывая полотно.

Да уж. Что-то уникальное в ее работе точно было.

— Довольно… — только и произнесла я, — Довольно… глубоко.

— Красная краска заканчивается, — девочка собрала кистью остатки и дорисовала лужу крови, растекающуюся под распростертым телом девочки.

— Кто это? — я увидела поразительное сходство между девочкой на холсте и самим автором полотна.

Юная протектор бросила на меня ничего не выражающий взгляд:

— Уже никто. Ее нет. Больше нет, — и вернулась к холсту.

По телу моему прошла дрожь. Я поспешила вернуться к Эдварду и Рейн. Те уже закончили партию и доставали шары из луз.

— Что-о ж, — Рейн скрестила руки, — Чем желаете заняться, госпожа?

— Да брось, Рейн, зови меня Алекс. Ну или дурындой, на худой конец.

— Алекс, я же извинилась!

— Мы не можем обращаться к тебе как-то иначе, кроме как официально, — пояснил Эдвард, — В Декаде, я имею в виду.

Несмотря на показное возмущение, я заметила, что быстро привыкаю к лести.

— Покажите мне особняк, хорошо? Я все еще путаюсь в его устройстве.

— Хм-м, — Эдвард сверился с часами, — Почему бы и нет? До обеденного перерыва успеем, а к обеду мы должны сдать тебя твоему регенту. Кажется, ты ему нужна для заполнения каких-то документов.

Следующие полтора часа они показывали мне дом. Залы заседаний, холлы ожиданий, кухни большие и малые, вечерние и торжественные столовые. Первые этажи особняка предназначались исключительно для протекторов, этажом выше располагались комнаты для обслуживающего персонала, третьим по счету шел этаж, где жили негоцианты (как мне рассказали, это были специалисты по межмировой торговле) и протекторы. Регенты и анкеры занимали три последних этажа, но гораздо более роскошные.

Отдельное внимание было уделено залам для тренировок и спортивным залам. Когда я спросила, зачем мне это, ведь в физическом плане я червяк-червяком, они пожали плечами и ответили, что если не буду знать, где они, то зачастую смогу встретить здесь.

Когда мы проходили столовую для протекторов, Эдвард обвел руками пустую залу и произнес:

— Вопреки всеобщему мнению, это самое безопасное место в доме. Гадаешь, почему? А потому, что нет ничего страшнее, чем протекторы и их эолы, побеспокоенные в заслуженный обеденный перерыв.

— Эолы?

Эдвард оголили меч, и клинок сверкнул в луче солнца.

— Да, эолы. Наши верные мечи, спутники жизни!

— Че? — я уставилась на железку.

Юноша заговорщически улыбнулся и шепнул:

— Они живые.

— Кто?

— Мечи, — хором сказали мои спутники. На лицах их читалось искреннее веселье.

— А-а, обожаю! — хохотнул Эдвард, — У новеньких всегда такая реакция!

Я осмотрела его меч, перевела взгляд на Рейн, достающую свой клинок… Наконец-то, еще один элемент мозаики встал на свое место!

— Вы говорите о себе во множественном числе! — я чуть не прокричала это, настолько увиденное поразило меня, — Вы обращаетесь и от имени эолов? Но как кусок металла может быть живым?

— Зависит от того, что ты понимаешь под словом «живые», — пожала плечами Рейн, — У них есть сознание, они могут мыслить, они могут общаться телепатически, они могут умереть. Как по мне, эолы достаточно живые.

— Безумие какое-то… — я опустилась на стул и устало прикрыла голову руками. Мне определенно нужно было время, чтобы перестать относиться к происходящему, как к затянувшемуся сну.

Но это была реальность, и другой у меня больше не было…

Говорят, если в трудных ситуациях массировать мочки ушей, это несложное упражнение успокоит нервы и сконцентрирует мысли. Так я и сделала, хотя особого успокоения не испытала.

— О’кей! — произнесла я нарочито бодро, — Живое оружие? Без проблем! Заметано. Что, думаете, не поверю? Ха, как бы не так! Я видела паука-переростка, перемещалась между мирами и общалась телепатически. А тут разумный металл!

Эд молча взял мою руку и положил ладонь на рукоять меча.

«*Не какой-то, а живой, не металл, а кристалл»,* сказал некто в моей голове. «*Это ты — обычная девчонка, попавшая в необычные обстоятельства, а я древнее существо, видавшее восходы и закаты империй в десяти мирах…»*

Эдвард успокаивающе улыбнулся мне.

— Это эол? — спросила я шёпотом.

— Ты можешь отвечать ему мысленно, — кивнул Эдвард. — Его зовут Миротворец.

Рейн с любопытством смотрела на меня, будто ожидала, что я отдёрну руку.

«Ты Миротворец?» — спросила я мысленно. «Извини… это так неожиданно. Я — Алекс. А как ты стал мечом?»

Последовала короткая пауза. А потом я вновь услышала голос:

«Нет, пожалуй ты не самая обычная… Я стал мечом, когда Эдвард стал протектором. Это было недавно, около двадцати лет назад. Не каждый, входящий в лимфу, выдерживает испытание. Он боялся, но выдержал — и я принял его. Теперь мы вместе».

«Ты… живёшь в лимфе!» — мысленно вскрикнула я.

«Да», — ответ был неожиданно краток и мне показалось, что незримый собеседник о чём-то размышляет.

Я осторожно отняла руку от меча — и увидела регента, как раз входившего в столовую:

— Александра, я вас везде ищу, — в натянутой улыбке Тройки сквозило раздражение. — Могу украсть толику вашего времени? Помните, я говорил о некоторых документах, удостоверяющих передачу власти над Землей в ваши руки? Я подготовил их, но без вашей подписи они не имеют юридической силы, так что…

— Владелец Земли? — я пожала плечами, словно была не в центре мироздания, а в сувенирной лавке, где хотела купить магнитик на холодильник. — Что ж, если надо — буду владелицей. Пойдемте!

Глава 5. Часть 4

Войдя в кабинет Тройки, я была поражена.

Поражена ее пустотой. В самом что ни на есть буквальном смысле слова: в помещении не было практически ничего. Дешевый, едва ли не из ДСП сделанный стол в углу комнаты, пара стульев, древний комод с подсвечником, потертый коврик на полу.

Никаких признаков статуса владельца!

Унылость помещения меня огорошила, и я не сразу сообразила, что регент уже сидит за столом, полускрытый высоченной стопкой плотной желтоватой бумаги.

— Это ваш кабинет? Здесь довольно… — я помедлила, силясь отыскать нужное слово, — аскетично!

— Я аскет, — регент жестом пригласил меня сесть, и я послушно присела на краешек стула, до боли напоминавшего жесткий школьный.

— Все эти бумаги подготовлены вам на подпись, — объявил регент, с натугой придвигая ко мне башню из документов, — Необходимо заполнить каждый бланк, не пропустить ни единой строчки… и, конечно, везде писать расшифровку своей подписи — это очень, очень важно.

— Что, прямо каждый листочек? — я в ужасе пробежала пальцем по стопке вверх, остановившись тогда, когда стало не хватать длины руки. Высотой стопка была метра полтора, значит в ней примерно полторы тысячи листов. — Что же тут такого важного?

— В основном, перечисление вашего имущества.

— Моего имущества?

— На Земле, — подсказал Тройка, — Движимое и недвижимое, живое и неживое, материальное и нематериальное, действующее и повреждённое, существующее и потенциальное. Тут также перечислен ваш штат: все ваши негоцианты, протекторы и прислуга. Тут есть ваши основные права и обязанности, а еще основные договоры и соглашения, заключенные вашими предшественниками с другими слоями со времён падения Зиро.

— Какого Зиро?

— Вы не знаете Зиро? — Тройка выглядел искренне удивленным, — Но он же… ах да, откуда бы вам знать, — Он оправил накрахмаленный воротничок и туже затянул галстук. — Я расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз.

С этими словами он отвесил полупоклон и повернулся к двери, намереваясь уходить. Я изучила пару верхних листов и ужаснулась:

— Тут что, упомянуто все мировое производство?! — я заглянула в середину стопки (отдавив себе пальцы тяжестью бумаги), — ВВП и ВНП? А ИЧР — это вообще что? Зачем впихнули столько вещей?

— Не «впихнули», а «зафиксировали», и не «вещи», а «имущество», — Тройка выглядел слегка задетым моим пренебрежением, — Все на планете Земля по праву *ваше*, мой анкер.

— Всё-всё?

— Г-хм, — регент замялся, — Хорошо, большая часть. Незначительные доли экономики принадлежат другим слоям, но вы все равно их курируете. О них подробно изложено с семисотой по семисот тридцатую страницы, — регент указал на нижнюю часть стопки, — Имейте в виду, что реестры обновляются и требуют переутверждения каждый год.

Разумеется, перепись можно сделать досрочно. Хотите?

— Нет-нет, не стоит ничего переписывать! — я торопливо выбрала из связки ручек, стоящих в вазочке, одну, и, встав на цыпочки, взяла с верхушки стопки самый первый лист. Села и положила его перед собой, — Мне и этой макулатуры выше головы.

— Эта «макулатура», как вы изволили выразиться, отражает вас и ваш мир, сударыня, — регент поджал губы, — Я и мои предшественники посвятили этой работе всю свою жизнь, и, скажу больше, далеко не каждый мир способен похвастаться таким значительным реестром! Только подумайте: если потерять листок с информацией о ежегодной прибыли фирмы по производству машин, как покупатель поймет, выгодно ли покупать ее?

— Но ведь это не моя фирма! — выпалила я, — Как я могу ее продать? И причем здесь торговля?

— «Причем?» — регент развёл руками, — Уважаемый анкер, вы так и не поняли, чем мы здесь занимаемся, я прав?

Я закрыла рот, не зная, что ответить. Тройка вздохнул.

— Мы политики лишь наполовину, анкер. Да что там «наполовину», на треть, на четверть! А в основном мы — торговцы! — он расправил плечи и вскинул руки в театральном жесте, чем приобрел сходство с древнегреческим оратором на подиуме. — Только оперируем мы бóльшим ассортиментом, нежели другие бизнесмены, да и рынок у нас посолиднее, а покупатели — значительнее.

Я пожала плечами, всячески давая понять, что мне это безразлично:

— Никогда особенно не интересовалась ни экономикой, ни политикой. По мне, так это скука смертная.

— Позвольте не согласиться, — регент сверился с электронными часами. — Экономика — основа любого общества. Но для того, чтобы она работала, нужны новые рынки. Ваша… да и моя, собственно говоря, Земля — давным-давно бы остановилась, как заводная игрушка с раскрутившейся пружиной, не будь торговли с мирами Декады.

— Да какой торговли! — возмутилась я. — Никто о ней даже не знает!

Регент насмешливо улыбнулся.

— Ну что вы. Без технологий Керсарии у вас не было бы половины нынешних… как это говорят… — он прищёлкнул пальцами, — гаджетов! Лирия даёт новые идеи оружия…

— Вот уж радость, — фыркнула я, но регент меня не слушал.

— Райт-Райн производит лекарственные средства, позволяющие правителям вашего мира жить куда больше отпущенного…

— Это как раз понятно, — пробормотала я.

— В общем, все миры имеют то, что нужно другим, — скомкал свою речь регент. — И эта взаимовыгодная торговля, в том числе и покупки активов в других мирах, служит гармонии и миру во Вселенной.

— А политика? — спросила я.

— А политика является своего рода «доктором», следящим за здоровым развитием экономики. Как и должно быть. — Регент улыбнулся. — Сейчас прошу меня извинить, я нужен в другом месте. Вернусь через пару часов.

— Почему тогда все не оцифровать? — недоумевала я, заметив вполне обычный сенсорный экранчик часов на руке у регента. Мне даже показалось, что я узнала модель — самые современные и дорогие часы, несмотря на весь аскетизм регента. На самом деле, этот вопрос давно меня волновал: отчего новейшие технологии в Декаде соседствуют с

пережитками прошлого, — Если вам так хочется все запечатлеть в реестрах, почему не использовать компьютер? Куда удобнее — хранить файлы на одной-единственной флэшке!

— Это было бы вопиющим нарушение священных традиций! — возмутился регент, — Мы и так отошли в будничной жизни от большинства завещанных нам канонов. Если отторгнем и этот элемент прошлого, чем станет настоящее и каким окажется будущее?

Мгновение он строго смотрел на меня, после чего совершенно другим тоном добавил:

— К тому же, одну-единственную флэшку можно легко украсть, а тысячи страниц рукописного текста — затруднительно. Внести изменения в файлы секундное дело для опытного хакера, а вот подделать бумажный лист с печатями и подписями куда сложнее.

И тут до меня наконец дошло, в какое болото меня втягивает здешняя бухгалтерия. Я стала отчаянно искать соломинку, за которую можно было бы ухватиться:

— Послушайте, господин Тройка, но ведь мне еще нет восемнадцати! Я не имею права заполнять документы такой важности!

— Вы досрочно эмансипированы и имеете право заключить любую сделку и подписать любой документ — сегодня утром я заполнил необходимые бумаги. Разумеется, полная дееспособность появится у вас с момента подтверждения вашей личности, то есть подписания всех этих бумаг. А пока вы работаете, я могу заменять вас в Сердце и на официальных встречах, это не составит абсолютно никакого труда.

С этими словами регент открыл дверь:

— Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните в звонок на столе — и слуга явится.

— Но я не хочу этим… — фраза моя была бесцеремонно оборвана закрывающейся дверью.

Впрочем, Тройка на миг заглянул обратно в комнату и добавил:

— Местом проживания указывайте «Фокус».

Я вернулась к столу. Проглядела листы и, пускай вначале ужаснулась объему работы, постепенно успокоилась и стала думать. Вскоре у меня появился план. Листы, насколько я поняла, содержали большей частью идентичную информацию, с абсолютно одинаковыми вопросами и строфами для заполнения: именем, возрастом, полом и местом проживания. Тогда у меня в памяти и всплыл урок обществознания, и я мысленно поблагодарила свою учительницу, вдалбливавшую мне урок.

Взбодрившись, я оставила стопку на столе и позвонила в звонок. Пришел слуга — парень лет двадцати, одетый в лилово-белую одежду.

— Ваша светлость? — осведомился он.

— Как тебя зовут?

— Блун, — ответил парень смущенно, — Я негоциант Земли третьего разряда, служу вторым заместителем помощника главы агрикультуры и сельского хозяйства, ваша светлость!

— Почему тогда слугой работаешь? Третий разряд — это ведь хорошо, так?

— Самый низший, ваша светлость. Заместители редко когда нужны, поэтому в основном работаю слугой или разнорабочим. Но меня устраивает, ваша светлость.

— Хорошо, — кивнула я. — Для моего поручения нужен любой достаточно быстрый и разговорчивый человек. Ты, мне кажется, подходишь. Слушай внимательно, Блун, ведь я назначаю тебя рекрутером.

— Рекрутером?

— В течение четверти часа ты выберешь четырех начальников и поручишь им прийти сюда с семью другими людьми каждый. Жду всех вас здесь через полчаса.

— Именно людьми, Ваша светлость?

— Ах да, все никак не запомню… Нет, Блун, не важно с кем — главное, чтобы выбранный мог читать и писать. И ещё принеси большой лист плотной бумаги, вроде ватмана. И достаточно авторучек или карандашей… чем вы тут пишете?

Через час я сидела за столом и подписывала листки, едва успевая за их потоком. Комната была забита негоциантами: в основном ровесниками Блуна, но были и люди пожилые, и совсем юные. Без дела никто не сидел: листки раскладывали по стопкам, проставляли галочки в нужных строках (где было сказано, что я принимаю управление), ставили дату, писали моё имя-фамилию и дату рождения… Я лишь ставила подпись, а заполненные бланки Блун торжественно складывал обратно на стол. Когда в комнату заглянули Эдвард и Рейн, я предложила им присоединиться.

— Так нельзя! — ужаснулась Рейн. — Нас накажут!

— Кто?

— Регенты!

— Дело не в этом, — негромко сказал Эдвард. — Саша, неужели ты хочешь, чтобы документы признали недействительными?

— А что я нарушаю? — попыталась я спорить. — Я лишь организовала трудовой процесс! Да и откуда регент узнает?

Эдвард скосил глаза на суетящихся негоциантов и улыбнулся.

Я поняла. Пусть они и принялись мне помогать, но кто-нибудь обязательно доложит о таком неслыханном нарушении правил…

— Лучше я тебе помну плечи, — утешила меня Рейн. — Чтобы руки не уставали.

Она действительно встала за спиной и стала с мастерством опытной массажистки разминать мои плечи. А Эдвард принялся проверять листки и вскоре нашёл пару пропущенных, не то случайно, не то нарочно, пунктов.

За час с небольшим мы расправились со всей стопкой, и теперь полторы тысячи листков снова лежали на столе, подписанные и рассортированные по номерам.

— Спасибо вам! — воодушевленная, я даже вспомнила те самые уроки хореографии в третьем классе и присела в реверансе, — Можете возвращаться к своим обязанностям! Вы замечательно поработали, я никогда не забуду вашу помощь!

Негоцианты поклонились в ответ и, с растерянными улыбками на лицах, перешептываясь и глядя на меня с возросшим вдруг любопытством, стали расходиться. Не знаю почему, но в этот миг я поняла, что только что создала и надела свою «маску». Как когда-то Лиана и Мар надели свои. Их маски были масками мегеры и простачка, а на моей было нарисовано совсем другое.

— А ты умеешь заводишь друзей, — хмыкнул Эдвард, — Пожалуй, я одобряю твой подход, Алекс. Ты произвела на негоциантов хорошее впечатление — доверилась им, привлекла к интересной работе, поблагодарила… Вписываешься в жизнь Декады, словно сто лет тут уже живешь!

— Это был ответственный шаг, госпожа, — заметила Рейн, — Теперь о тебе заговорят совсем по-другому.

— А обо мне говорили как-то иначе?

— Говорили, что ты такая же, как и анкер Орта, — протектор пожала плечами. — А репутация у Лианы… не самая хорошая.

— Госпожа! — донеслось из-за угла, и вот уже ко мне, отталкивая с пути расходящихся негоциантов, летел регент, — Как это понимать? Что вы тут устроили? Это возмутительно, просто возмутительно!

— А, Тройка, — я приветливо помахала рукой, — Я только что заполнила все документы, как вы и хотели.

— Что? Невозможно! Там было работы как минимум до вечера! — регент был в бешенстве, — Что это такое?! — он указал на кусок ватмана, закрепленный на стене. Там было написано моё имя, фамилия, отчество и дата рождения. — Вы сказали *всем им* свое имя? Но это же позор! С тем же успехом вы могли выйти на улицу голышом! Надеюсь, вы понимаете, что мне придется наказать их?

Что-то во мне звякнуло, словно щелкнули переключатель, и я сжала кулак.

— Во-первых, они не *все эти*, а мои друзья. Во-вторых, Тройка, вы никого не накажете.

— Но это возму…

— Я не договорила! — во мне вскипала ярость, — В-третьих, вы больше не будете говорить со мной таким тоном, вам ясно?

Воздух между мной и регентом буквально наэлектризовался. С минуту мы стояли молча, гневно глядя друг на друга, потом мужчина сделал неуверенный шаг назад.

— Вы чересчур много себе позволяете, анкер, — произнес Тройка тихо, — Для того, кто пробыл в Декаде один день, вы крайне самоуверенны. Господа протекторы, — он обернулся к протекторам, — У вас, кажется, есть дела.

— На самом деле…

— Вы свободны.

Эдвард с Рейн поклонились и ушли, бросая на меня виноватые взгляды. Мы остались с Тройкой вдвоем. Тет-а-тет.

Регент Земли подошел к столу и осмотрел проделанную работу. Перебрал пальцами несколько листков, изучил подписи, сверил даты. Прицокнул языком. Провел рукой по покрасневшему от негодования лицу и утер капельки пота.

— Непозволительная дерзость.

— Неужели в этих документах или в моем имени скрыта вселенская тайна? От него не убудет, что я назвала его другим!

— Традиции не велят показывать документы посторонним, анкер. И на то есть свои причины, которые вам не ведомы. Механизм работы Декады был пущен многие сотни лет назад, и ни разу с тех пор он не давал осечки. Ни разу.

— Уверена, не даст и теперь.

Регент надрывисто фыркнул.

— Какая беспечность! Какая простота! Молодо-зелено, а вершит судьбы миллиардов, словно это какая-то игра…

— Что? Почему вы так говорите?

Регент какое-то время молчал.

— Ты повидала уже немало странностей, не так ли? Полагаю, ты готова к еще одной.

Он поправил галстук, развернулся и пошел по коридору. Не оглядываясь, жестом велел следовать за ним.

— Помните, я говорил о Зиро? — бросил Тройка, пока мы спускались на первый этаж, — О величайшем гении-основателе и одновременно глубочайшем позоре Декады?

— Да. В тот раз вы сказали, что не хотите о нем говорить.

— Похоже, придется, — он перевел дыхание и начал рассказ. — Именно Зиро Заорданский, маг с Элиора, впервые открыл лимфу. Эта субстанция имеет множество имен: «темная материя», «архе», «эфир». Главное, что лимфа — это не-вещество, пронизывающее пространство между мирами, как межклеточное вещество — ткани тела. Параллельные миры, как ты уже успела убедиться, существуют, и Зиро первый смог овладеть их тайнами. Впервые выйдя в лимфу, он едва не заблудился, пребывал в отчаянии, но вдруг почувствовал проблеск силы, сгущение энергий… двинулся к нему — и вышел на первом слое. Так Зиро обнаружил первого анкера, пожилого жителя Геммы, так анкер спас Зиро и послужил созданию Декады.

— Но ведь анкеры ничего не значат! — мстительно сказала я. — Мы лишь символ, так вы сказали!

— Теперь — да! — резко ответил Тройка. — Зиро обнаружил, что в каждом мире есть человек, имеющий слабую связь с лимфой, его можно магически обнаружить и использовать как маяк во тьме. Но даже это не помогло бы создать Декаду, путешествовать через лимфу — удел величайших магов, которых за всю историю были считанные единицы. Зиро, однако, был более чем величайшим. Он был настолько силен, что создал артерии — мосты в Лимфе, состоящие из мельчайших частичек привычных нам миров и позволяющие специально обученным людям перемещаться между мирами. Если потерять проводника при нырке, можно ненароком выйти за пределы артерии и в страшных мучениях умереть в Лимфе.

— Эти обученные люди случайно не протекторы и негоцианты?

— Они самые, но тогда их так не звали.

Я поежилась, вспоминая свое первое путешествие по лимфе. Значит, мне еще повезло, что, потеряв руку Эдварда, я осталась в артерии, а не угодила в Лимфу.

— Создав артерии, их еще называют «мостами», Зиро стал путешествовать между мирами, исследовать их природу, изучать культуру и науку и открывать тайны мироздания. Он посвятил этому всю жизнь, — регент перевел дыхание, — К сожалению, никто не мог знать, во что все это обернется. Публично Зиро заявлял, что миры могут и должны жить в мире, и что сам он — вестник всеобщего процветания. Он взял на службу детей встреченных им анкеров и обучил путешествиям по артериям. Зиро надеялся, что некая семейная связь с лимфой поможет его ученикам. Увы, оказалось, что она не передаётся по наследству и ни на что не влияет, но всё же первые ученики Зиро были детьми и внуками анкеров.

Регент остановился у окна и обвёл рукой безмятежный пейзаж.

— Затем Зиро создал это место и назвал его Краемирьем. Его величайшее творение, которое никто не смог ни повторить, ни улучшить! Тут сплетались три основные артерии, позволяя протекторам и их пассажирам перемещаться между мирами без пересадок. Краемирье выросло в точку надзора над всеми десятью мирами.

— И Зиро стал правителем?

— Разумеется, он был выбран единогласно! И поначалу все шло гладко: Зиро следил за мирами почти незаметно для местных жителей, где-то помогая победить эпидемию, где-то прекращая голод, где-то играя роль миротворца.

— Он останавливал войны? — усомнилась я.

— О да, и не только! О Краемирье знали лишь немногие, как правило — элита

общества, таких называли «знающими». Однако основная масса населения считала Зиро олицетворением высших сил, гласом небес, если хочешь.

— Типа бога, что ли?

— Да. Типа бога, — регент кисло улыбнулся, — К сожалению, власть — тяжкая ноша, и совсем немногие могут выдержать ее гнет и не измениться в худшую сторону…

— Он стал… плохим?

Тройка взял меня за руку и повёл дальше. То ли от рассказа, то ли увидев мой искренний интерес он успокоился и вновь стал прежним доброжелательным человеком.

— «Плохой» — размытое понятие, анкер. Он стал тем, кем ему предписывала стать власть, к тому моменту укоренившаяся во всех мирам. Краемирье из точки, объединяющей миры, стало местом жесточайшего контроля. Те, кто согласился подчиниться диктатору, жили спокойно, а не покорившиеся стали переживать страшные эпидемии и катаклизмы. Двор Зиро здесь, в Краемирье, пришел в ужас от действий своего основателя, но никто не мог ему помешать, — регент сделал паузу, подбирая нужные слова, — Известно ли тебе, что половина жителей Райт-Райна и Орта — нелюди, а треть — полулюди? Это дело рук Зиро Заорданского — однажды он в приступе ярости раскрыл артерии и выплеснул лимфу на Райт-Райн и Орт. Зиро сказал, что «выкорчевывает измену и зло немногих во благо всех». Увы, он сам стал тем, с кем боролся, а часть населения Райт-Райна и Орта с тех пор перенесла жуткие, необратимые мутации. Их прогресс откатился на сотни лет, экономика пришла в многовековой застой, от которого толком не оправилась. Оба слоя до сих пор держат на Декаду, как на бывшее Краемирье, зуб.

— Еще бы они не держали! — вырвалось у меня.

Мы прошли по картинной галерее и вышли на солнечную террасу, откуда открывался вид на лес и краешек каменных врат.

— Что случилось потом? — я была не в силах совладать с любопытством, — И при чем здесь анкеры?

— У Зиро было два любимых ученика, — регент насупился, вспоминая, — Легенда гласит, что они были его детьми, но это могут быть домыслы. Возможно, это были дети первых анкеров, а возможно случайные люди. Но Зиро доверял им, как никому другому, и потому только им удалось положить конец его гегемонии, защитив миры от дальнейших зол.

— Они его предали?

— Легенда гласит, что, возвращаясь в Краемирье после очередного карательного похода, Зиро был чересчур рассеян. И двое его спутников, увидев, во что власть превратила их господина и учителя, применили аннигиляторную взрывчатку. Знаешь, что это?

Мне вспомнилось, как мы с Эдвардом бежали от злополучного поезда, а потом что-то произошло, и нас словно откинуло в пространстве назад. Кусочек паззла встал на свое место.

— Кажется знаю, — кивнула я, — Одну такую заложили в поезд, в котором я ехала.

— Изначально Зиро изобрел их для того, чтобы прокладывать артерии. Их научное название — аннигилятор пространственной сетки, но все зовут их ластиками или «глоталками». Бомбы эти, срабатывая, не выплескивают энергию, а сжимают ее с давлением в миллионы атмосфер. Считай, на месте взрыва возникает крошечная черная дыра. Пространство просто — чпок! — и сжимается в точку. И всё: тебя нет, материи нет — ничего нет. Все распылено на мириады частичек по всей лимфе! К счастью, редкие глоталки способны сжать больше материи, нежели находится в радиусе десяти-двадцати метров, и есть надежные способы их обезвредить. Например, перенести в артерию: будучи, по сути,

местом взрыва такой же «глоталки», она от взрыва не пострадает, а реальный мир заденет гораздо меньше.

— И ученики применили такие жуткие бомбы против Зиро?

— Они герои, анкер, — регент поморщился, — Они защитили мир от зла, потому их последователи и получили свое имя.

— *Протекторы*.

— Да. Они пожертвовали своими жизнями, чтобы прервать череду его ужасных ошибок.

Я нахмурилась.

— Но если они взорвали себя вместе с Зиро, то как про их подвиг узнали?

Регент вздохнул:

— Это легенда, анкер. Но красивая легенда, верно? Успокаивающая. Может быть, подвига не было, а была оплошность, или схватка за власть, но…

— Но все делают вид, что был подвиг, — кивнула я. — Поняла.

— Краемирье было предано забвению, — продолжал регент, — и на его месте вырос Фокус. Недовольные Декадой и не верящие в наше исправление всё равно оставались, но сюда трудно, почти невозможно добраться. Бывшие слуги Зиро разделились на тех, кто готов был с мечом в руках защищать Декаду — протекторов, и тех, кто предпочел и дальше поддерживать торговые отношения — негоциантов. Обе стороны противились уничтожению Декады и разъединению миров. Они хотели доказать, что не имеют ничего общего со злодеем, что все еще помнят священный долг Декады — служить светилом мироздания, локомотивом процветания. Протекторы устранили фанатиков Зиро, а негоцианты превратили Декаду во всемирного торгового посредника, как и было изначально задумано. Политикой… то есть настоящей политикой, Декада с тех пор не занимается… — Тройка перевел дыхание и посмотрел на меня словно бы виновато. — Вот почему, моя дорогая анкер, вы ничего не знаете о своём высоком положении, а я занимаюсь рутинной работой.

— Регентов десять, потому что вы не хотите, чтобы появился кто-то вроде Зиро, — кивнула я.

— Верно. Кроме того, каждый мир имеет своего верховного правителя, анкера, и куда лучше для всех, если этот правитель не знает о своей формальной власти. А если уж узнаёт, то навсегда остаётся в Декаде!

Я даже рассмеялась.

— Неужели вы думаете, что если я вернусь на Землю, то объявлю себя её правительницей? Да меня в психушку посадят!

Тройка погрозил мне пальцем.

— О нет. Не посадят! Сейчас ваши элиты вынуждены вести дела через меня. Устранять меня смысла нет, придёт новый регент. Подкупать тоже никакого смысла, мне не принадлежит верховная власть. Но вы станете козырной картой в чужой игре, вас силой или лестью заставят сотрудничать — и Декада вновь начнёт угрожать спокойствию десяти миров. Поэтому анкеры спрятаны и живут обычной жизнью, поэтому протекторы наблюдают за вами.

— А протекторы…

— Неподкупны, — убеждённо сказал регент.

Я кивнула. Но подумала, что уж кто-кто, а Рейн сама заявила, что неподкупной не является. Регент тем временем продолжал:

— Многие считали, что без отца-основателя Декада рухнет, а вместе с ней распадутся и

миры, но… выгоды сотрудничества были слишком велики, а Фокус слишком привлекателен. Вначале негласно, но к руководству Декады стали обращаться знающие. Кому-то нужно было лекарство, кому-то оружие, а кому-то знания. Это и стало начало новой Декады. Поначалу с нами не считались, объявляли политическое непризнание, бойкот. Даже самые нуждающиеся миры избегали торговать с нами открыто. Однако весть о Фокусе распространялась, мы ни на кого не давили, соратники Зиро умирали, давая дорогу молодым и ни в чём не запятнанным. Экономика требовала развития, и нужды уязвленных миров вынудили их торговать с Декадой, позабыв о гордыне и старых обидах.

— Мне кажется, это правильно, — поддержала я.

— Все строится на меркантильности, анкер! Рынок-то никто не отменял, а Декада — единственный мир, способный осуществлять межмировую торговлю — крайне выгодную любому слою. И вот уже более тысячи лет Декада замаливает свои грехи, дает ссуды, служит посредником, нотариусом, доверителем и кредитором, но прошлое наше видно все так же отчетливо, как черная пусторойка в снегах Мийра.

Мы остановились у огромных дверей, ведущих в зал совета. Протекторы с любопытством смотрели на нас.

— То есть теперь анкеры лишь символ? — регент, казалось, говорил правду, но что-то всё же не давало мне покоя. — Я никому не нужна и не важна? Могу идти?

Тройка открыл рот, чтобы ответить, но замялся, вздохнул и сказал, похоже, не то, что собирался вначале:

— Думаю, вам всё-таки стоит участвовать. Анкеры Орта и Риххора правы, пусть мне и неприятно это признавать. Прятать вас бессмысленно. У врага уши и глаза повсюду, он наверняка знает, что вы здесь. Нам стоит показать, что мы готовы встретить его как подобает. Ваше присутствие на собрании станет символом стальной воли и бесстрашия Декады.

Глава 6. Многоликая делегация

6. Многоликая делегация

В назначенное время делегации десяти миров прибыли во дворец Декады. Некоторые делегации сопровождали не протекторы, а свои собственные «проводники-ныряльщики». Это были те немногие, кто знал искусство передвижения по лимфе, но протектором не являлся.

Официально на обучение нырку Декада имела монополию, и за ее пределами обучать этому искусству воспрещалось, однако знания, даже самые запретные, нельзя ограничить законами.

Зато можно купить за деньги.

Мар говорил, что такими частными проводниками становились либо маги, достаточно талантливые для самостоятельного овладения нырком, либо мутанты, чувствующие Лимфу иначе.

«Делегацией», по сути, был один-единственный посол или «поверенный» — представитель узкого круга знающих о Декаде. Как я поняла, таких послов в каждом мире было немало, но они отвечали за разные сферы жизни. Например, на сегодняшнее заседание, в связи с неутешительной повесткой, были приглашены поверенные политики — только им дозволялось обсуждать вопросы мирового масштаба, но были и поверенные экономики, культуры, здравоохранения.

Десять делегаций в абсолютной тишине входили в Сердце один за другим, без телохранителей и прочей охраны — совсем выдворить сопровождение не удалось, и потому охранники, вооруженные до зубов, остались стоять за дверью, готовые чуть что вломиться внутрь.

Несмотря на то, что поверенные прибыли из десяти разных миров, одежды их были сведены к общепринятому стилю: строгий пиджак и галстук. Разные по возрасту, но все люди — никакого видового разнообразия.

Вероятно, удивление было написано у меня на лице, потому что Тройка, наклонившись к моему креслу, объяснил, что нелюдям и полулюдям при посещении Декады традиционно надлежало принять человеческий облик, как универсальный для всех миров. На тех, кто не владел магией и не мог трансформироваться, накладывали личину элиорцы.

Может, всему виной пережитые события, или интерес к политике появляется с возрастом, но мне стало жутко интересно, кто они, откуда родом и как выглядят их миры.

Имена поверенных торжественно оглашались стоящими во обе стороны двери слугами, но все они были незнакомы и надолго в памяти не задерживались, оставляя мне лишь возможность запоминать поверенных по лицам. К счастью, Тройка стоял рядом и просвещал меня, давая негромкие комментарии по каждому гостю.

Делегатом Геммы был немолодой герцог, чьи предки, по словам регента, прославились тем, что свергли многовековую монархию с престола и установили… свою собственную монархию. Он единственный поверх самого обычного пиджака носил длинный плащ, так разукрашенный серебряной и золотой тесьмой, драгоценными камнями и вычурными орденами, будто собирался изображать аристократа на маскараде. Впрочем, в пышной атмосфере Сердца герцог выглядел вполне адекватно.

Прежде чем сесть на свое место, он откинул подол плаща и продемонстрировал регентам серебряные пустые ножны.

— Меч забыл? — усмехнулась я.

— Нет, — регент с некоторым укором взглянул на меня, — Отсутствие клинка есть символ мира. Что касается его одеяний — право носить их на заседании было даровано два века назад специальным указом. Любопытная была история: посол явился в положенном костюме, но… прозрачного цвета.

Я невольно фыркнула.

— Поскольку цвет не был оговорён, то ради соблюдения приличия поверенному позволили оставить плащ. Чего Гемма и добивалась, разумеется.

— Зачем? — спросила я с любопытством.

— О, Саша, на что только не идут миры Декады, чтобы выделиться и продемонстрировать свою независимость!

Лирия, второй слой, была представлена худощавым парнем лет двадцати с ничем не примечательным лицом. Выглядел парень добродушным, улыбчивым и покладистым. Даже Мар и Лиана казались немного удивленными — от посла планеты, прослывшей самой воинственной, можно было ожидать хотя бы шрамов или следов солдатской муштры.

От Земли не был представлен ни один известный мне мировой лидер. Вместо этого за кресло третьего слоя села темнокожая женщина, одетая в официальный «офисный» брючный костюм. Посол окинула собравшихся взглядом и, едва заметив меня, встала и направилась ко мне.

— Что мне делать? — я занервничала, — Я не умею вести диалога о политике!

— Вам и не нужно. Думаю, она просто хочет поздороваться.

— Nice to meet you, — женщина чуть преклонила голову и беря меня за руку, — Let me offer our deepest condolences.

— Соболезнования? Из-за… ах, да, — я мельком глянула на немного смущенное лицо регента, и почувствовала неприятный холодок, пробежавший по спине. Слегка закружилась голова. Я что, правда чуть не забыла о гибли семьи? Похоже, «лекарство» подействовало как надо…

— Thanks, — я кивнула поверенной.

Возможно, её слова были лишь дежурной вежливостью, но они меня тронули.

Посол снова поклонилась и вернулась на свое место. А я обнаружила, что в моей ладони остался крошечный клочок бумаги. Регент поглядывал на меня, и я быстро спросила:

— Тройка, а кто вон та дама? Та, что странно одета?

— Поверенная Райт-Райна? Одна из старших оборотней в стае, насколько мне известно, — регент посмотрел на тучную женщину, беседующую другим поверенным. — Заседает здесь дольше всех.

Я быстро спрятала записку (сомнений в том, что это именно тайная записка не было) в карман и стала с деланым интересом изучать посланницу мира оборотней. Поверенная Райт-Райна была одета, как и все, в костюм, но вместо галстука носила боа из меха. Может, волчьего. Когда она смеялась, ее рот раззевался в почти зверином оскале — и тогда она переставала походить на человека.

— Ее собеседник — поверенный Орта. Исторически сложилось так, что два мира нашли друг в друге много общего, и со времен Зиро они состояли в союзных отношениях.

Поверенный Орта оказался толстым, красномордым, постоянно вытирающим с лица пот

человеком. Выглядел он отталкивающе, но ничуть не походил на мутанта.

Делегаты Устоны и Риххора ничем не выделялись, да и сам Тройка ничего не мог о них сказать.

— Новенькие, — пожал он плечами.

Поверенный Элиора был молод, посол Керсария, наоборот, стар. Делегатом десятого слоя, Мийра, была вовсе не полуголая дикарка, какой я боялась ее увидеть после рассказа Лианы, а обычная, опрятно одетая женщина. Чувствовалось, что ей некомфортно в строгом костюме, но в остальном она ничем не выделялась среди других.

— Господа и дамы! — произнес Девятка торжественно, как только десятый и последний посол занял свое место, — От имени Декады позвольте поблагодарить вас за ваше присутствие! Все вы знаете, что настали непростые времена. Именно поэтому мы собрались здесь для того, чтобы обсудить насущные проблемы и вместе найти пути их решения, — регент огляделся, — Но сперва поднимем бокалы за встречу!

Когда поверенные отпили из фужеров, Девятка кашлянул и произнес:

— Все и каждый в эту минуту обеспокоены теми агрессивными настроениями, которые таятся в большей или меньшей степени в десяти мирах. Это серьезная угроза, с которой нужно бороться.

Поверенный Лирии привстал со своего места:

— Наши знающие при содействии ваших протекторов держат ситуацию под контролем.

— Уважаемый, — регент Лирии встал со своего места, — вам известно, что вчера на вашего анкера было совершенно покушение?

В зале зашушукались, поверенный растерянно заморгал, словно застигнутый врасплох.

— Прошу прощения?

— Да-да, именно так, — регент кисло улыбнулся, — Впрочем, это могла быть и попытка похищения, нам неизвестен мотив злоумышленников.

— Мне об этом неизвестно!

— По нашим данным, смена протекторов, нырнувших в ваш слой, стала свидетелем кровавой бойни, учиненной там. Пятеро протекторов были убиты, и лишь одна осталась жива — вместе с напуганным до полусмерти анкером она сидела в ее комнате и ждала второй смены. К счастью, ее боевые товарищи из второй смены действовали четко и эффективно, взяв опеку над беднягой анкером, — регент обернулся, — Ойка?

Девочка-подросток вышла из-за спины регента и послушно встала рядом. Не сразу, но я заметила, что правый рукав ее кофты был ввернут внутрь, плотно облегая культю до самого плеча.

— Слово предоставляется Ойке Колин, протектору второго разряда Лирии, — Девятка постучал ложечкой о бокал, — Тишина в Сердце!

— Здрасьте, — девочка выглядела болезненно и бледно, что не удивительно, но голос ее оставался тверд, — Для меня одновременно и честь, и боль быть здесь сейчас. Дело в том, что новость, которую я вот-вот озвучу, понравится не всем.

Все навострили уши, даже я затаила дыхание, расслышав биение собственного сердца.

— Вчера в полночь на анкера Лирии напали. В ее дом вломились и жестоко расправились с ее отцом и пятью братьями.

— Кто это сделал, Ойка?

— Мы опоздали к месту происшествия не потому, что не услышали нырка. Нырка и не было.

— Что это за намеки? — возмутился поверенный Лирии, — Вы думаете, это были наши люди?

Ойка хотела почесать нос, и невольно дернула культей. Опомнилась, почесала нос уцелевшей рукой и кивнула:

— Сожалею, господин поверенный, но напавшими были ваши знающие.

В зале поднялся шум. Центром внимания в одночасье стал поверенный.

— Тишине в зале! — Девятка лишь слегка поднял голос, и все сразу угомонились, — Ойка, скажи, как выглядели напавшие?

— Это были люди. В зелено-белых доспехах стражей порядка Лирии.

— Ваши знающие в курсе, уважаемый? — регент Лирии обратился к поверенному.

— О чем? — мужчина нервно рассмеялся и посмотрел на регента будто на больного. — Что они предали Декаду? Думаю, нет!

— Возможно, вас не просветили.

— При всем уважении, — поверенный поправил галстук, — Как, по-вашему, горстка стражников справилась с отрядом протекторов?

— Не горстка, — ответила протектор. — В дом вломились со всех сторон, нападавших было более тридцати.

— Тогда иной вопрос — как вы справились с нападавшими?

— Уважаемый поверенный, — Ойка баюкала свою культю, — Вам знаком принцип «идти напролом»? Мы опоздали. Счет шел на минуты, мы не могли рисковать жизнью анкера. Пришлось обменять её на свои. Мы строем шли на штыки и подставлялись под пули, мы плечами теснили броню ваших солдат и голыми руками закрывались от клинков!

Она помолчала и добавила:

— Но, если бы отец и братья анкера не вступили в бой и не отдали свои жизни, анкер была бы мертва.

Поверенный Лирии какое-то время сверлил ее взглядом. Затем кивнул.

— Наведу справки, — он поклонился и вышел из залы, ни с кем не попрощавшись. Никто его не остановил.

— Ойка, спасибо тебе за показания, — поблагодарил девочку регент, — Отдыхай и набирайся сил.

— Уважаемые, — слово взял Единица. Регент обвел присутствующих властным взглядом, — Не смею отрицать, что вопрос о нападении на анкера Лирии важен, но на данный момент первостепенное значение имеет вопрос о похищении анкера Геммы. Как это случилось и почему двое наших протекторов сидят в тюрьме на первом слое?

— Регент первого слоя! — поверенный преклонил голову, — Когда наши знающие обнаружили похищение, дом анкера напоминал поле боя: там обнаружены останки существ с разных слоев, в том числе следы гибели протекторов.

Регенты переглянулись.

Я прекрасно помнила, как Рейн объявила о том, что протекторы Геммы прибыли в Декаду по кускам, и понимала, что затрагивать эту тему нужно аккуратно. Слишком много смертей, доверие к протекторам может пошатнуться.

— Вчера мы узнали о гибели нескольких протекторов на Гемме, — признал Единица неохотно.

— Местоположение анкера хранилось в строжайшем секрете, — продолжил поверенный. — Поэтому мы знали, что злодеям выдал информацию кто-то из своих — либо

знающие, либо протекторы. Судмедэксперты заявляют, что это были протекторы: на останках нескольких мёртвых протекторов были найдены характерные колотые ранения. Хотя поломанная мебель и следы на обоях указывали на то, что нападавшими были райт-райновцы, их когти не созданы для нанесения подобных ран. Наше заключение: похитителей прикрыли один или двое ренегата-протектора, ударивших в спину товарищам. Это объясняет, почему на их мечах нет и следов когтей — они не сражались с оборотнями.

— Или очень хорошо сражался, — пожал плечами регент Геммы. — Или опоздали к схватке.

— Возможно, — кивнул поверенный. — Двое оставшихся в доме протекторов утверждают, что прибыли слишком поздно и анкер уже был похищен. Но мы сочли необходимым задержать их до выяснения всех обстоятельств.

Девятка задумчиво кивнул. Произнес:

— Я отправлю с вами экспертов для дознания. Они постараются узнать подробности случившегося и продолжить поиски анкера.

— Мне кажется, антидекадовцы преследуют целью не одно лишь похищение анкеров, а уничтожение всего связанного с Декадой, — Тройка сверился с бумагами перед собой, — В моем докладе сказано, что помимо наших людей жертвы были и среди знающих. Это так?

— Верно. Сегодня были убиты поверенные политики и экономики. Мой предшественник был найден в своей кровати мертвым, и меня назначили его преемником, — он сделал паузу, отпил воды из приготовленного стакана, — То, что осталось от покойного графа, ужасно.

— Показное убийство? Казнь в устрашение?

— Комната была в ошметках его плоти, у самого графа отсутствовала грудина. Несколько ребер выломаны, шея разорвана. Сердце вырвали и унесли или сожрали.

Я сглотнула, живо нарисовав в воображении страшную картину.

— Не думаю, что на такое способен человек, — пожал плечами поверенный, — Думаю, это следы работы райт-райновца. Не знаю, был ли это оборотень или только люпен, но когти и зубы у него были на месте.

Взгляды молчаливо обратились к тучной женщине в волчьем боа.

— Знающие Райна не имеет к этому отношения и возмущены произошедшим. Примите наши соболезнования! — посол с равнодушным видом рассматривала свои длинные когти, — Мутанты есть не только у нас. Это могли быть чудища Орта, или человек в боевых перчатках Лирии. Если же это и был оборотень, то наверняка отступник — за них мы ответственности не несем. Можете спросить ваших протекторов на нашем слое — с Райна никто никуда не нырял.

— Орт солидарен со словами досточтимой баронессы, — мужчина пожал плечами, — Но мы настаиваем на проведении доскональной экспертизы с нашим участием.

— Случившееся беспрецедентно, — согласился Девятка, — Потери при нападениях бывали, но раньше нам не приходилось сомневаться в верности протекторов.

Повисло недолгое, но напряженное молчание.

— Скажите, — спросил поверенный Элиора, встав, в отличии от своих коллег, — Разве не лучше собрать оставшихся анкеров у нас, а не оставлять на местах? — он указал на парящую в воздухе гигантскую «инсталляцию», символизирующую десять миров, — Никто из нас не знает, где конкретно расположена Декада. Вы всегда заверяли, что это самое безопасное место во вселенной.

— Мудрый вопрос, — признал Тройка, — Но это сложное решение. Мы неспроста держим анкеров в их материнских мирах — здесь они как на ладони.

— Но враг и так владеет информацией об их домах! Ситуация с анкерами Земли, Лирии и Геммы демонстрирует, что нужно действовать превентивно!

Большинство поверенных и даже пара регентов понимающе закивали, точно и их посещали эти мысли. Поднялся шум, когда заседающие стали переговариваться, каждый — освещая свое собственное мнение.

— Все не так просто, — Девятка постучал по столу костяшками пальцев, призывая к тишине. Дождавшись внимания и глубоко затянувшись трубкой, он выдохнул облачко дыма и произнес, — Безопаснее держать анкеров на своих планетах. Если мы соберем всех здесь, больше вероятность, что об этом станет известно неприятелю, и Декаду ждет штурм или даже блокада. Напомню, что анкер у каждого слоя всего один. Тех, кто знает, где он — семеро: шестеро протекторов и регент слоя, в очень редких случаях — глава местных знающих. Если протектор меняется, то уважаемые представители Элиора стирают в его памяти все знания об анкере. Предатель мог узнать про одного анкера, про двух… но получить информацию о всех — немыслимо.

— Если только маги Элиора не сохраняют память протекторов для себя… — негромко произнёс поверенный Лирии. Лицо юноши при этом оставалось столь же добродушным, как и раньше, но в голосе прозвучал такой холод, что я поёжилась.

Поверенный Элиора нахмурился и стал подниматься с кресла, но его остановил регент седьмого слоя. Я не знаю, как строились отношения между регентами, постоянно живущими в Декаде и знающими их родных миров, но поверенный сразу сел обратно. Может быть причиной был возраст регента, который в отличие от молодого эллиорца выглядел настоящим волшебником вроде Дамблдора или Гэндальфа: старый, морщинистый, бородатый.

— Стирание памяти не равноценно её чтению, — спокойно сказал он. — В ваших мирах есть достаточно наёмников и авантюристов из нашего мира, чтобы объяснить это. Процедура проводится открыто, не в нашем мире, а в Декаде. Нам неизвестно нахождение даже нашего собственного анкера, и мы считаем это разумным, что уж говорить об остальных!

Поверенный Лирии пробормотал что-то извиняющимся тоном и даже приподнял обе руки в миролюбивом жесте. Старый маг кивнул и сел. Девятка выждал несколько секунд, потом продолжил:

— Согласен, что стоит поменять места жительств анкеров — наши негоцианты этим займутся. Через специальные каналы анкерам или, в случае их малолетства, их семьям предложат соблазнительную работу на другом конце страны или даже континенте. Но! — он поднял указательный палец вверх, — Если мы перевезем всех анкеров сюда, то решим для врага проблему их поиска! Обеспечение защиты анкеров в обмен на решение всех волнующих врага вопросов, — он оглядел собравшихся. — Господа, равноценен ли обмен?

— Но кто всё же предоставляет информацию? — нетерпеливо заметила поверенная шестого слоя, — Протекторы? Знающие? Негоцианты? Или стоит учесть более старшее звено?

Регенты переглянулись, но ничего не сказали.

— Не знаю, что за гений руководит этим ублюдками, — прошептал мне на ухо Тройка, — Но полдела он уже сделал — мы не можем полностью доверять друг другу.

Официанты вновь наполнили бокалы, как и в первый раз оставив меня, Мара и Лиану без алкоголя. Я сидела и кончиками пальцев трогала записку в кармане. Что именно мне хочет сообщить поверенная, и стоит ли ей доверять?

— Говоря о причинах недовольств, — подал голос поверенный Керсария, — Вам не кажется, что дело в вашей политике? Я обеими руками за Декаду — я вырос в правильной семье и знаю, что экономика наших миров нуждается друг в друге для взаимного процветания, но…

— Условия торговли с Декадой бывают трудными, а последствия — не всегда контролируемыми, — согласилась мийрийка, — Наш мир существует в доиндустриальную эпоху, от Декады нам нужны только некоторые сельскохозяйственные инструменты и очень редко — специфические лекарства. Достаточно провезти к нам автомат, телефон или даже ящик психогенных веществ, чтобы весь мир встал на уши.

— Это нереально, — отмахнулся регент Мийра, — Нырять вне артерии самоубийственно, артерии охраняются круглосуточно.

— А что, если причины недовольств кроются в исторических анналах? — предположил поверенный Орта.

— Некоторые миры имеют с прошлым Декады не самый приятный опыт общения, — закивала поверенная Райт-Райна, — Некоторые могут иметь на нее зуб.

— Краемирья больше нет, — отрезал Девятка, — Виновники наших *доисторических* грехов были казнены и канули в забвение.

— Может, кто-то помнит о них? — пожал плечами элиорец, — Или начинает находить в Фокусе сходства с Краемирьем?

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Девятка.

— Несмотря на ваше исключительное право на перемещение между мирами, все больше тех, кто может путешествовать по Лимфе самостоятельно. И не является при этом вашим слугой. А это приводит к наводнению слоев, с вашего позволения, нелюдями. Среди простых людей ползут слухи о таинственных пришельцах, расцветают суеверия. Некоторые миры могут рассматривать это как возвращение теневого интервенционизма, вмешательства во внутренние дела, как и было в эпоху Краемирья.

— Наши люди постоянно отслеживают черный рынок, — сказал поверенный Керсария, — мы выловили уже двенадцать иноземных товаров. Кстати, в их числе было две волшебных палочки…

— Хорошо-хорошо, — Девятка уловил намек и отложил сигару, — Мы решим все вопросы по порядку. Начнем с анкеров: кто желает им зла? Мы пришли к консенсусу: врагами могут быть или контрабандисты, или недовольные купцы, или пылкая молодежь, начитавшаяся летописей о грехах Краемирья и решившая отомстить за них.

— Или кровные враги самого Зиро, — промолвил Тройка.

Все обернулись к нему, устремив взгляды в невозмутимое лицо регента.

— Я сказал что-то такое, о чем вы не подумали сами?! — регент обвел пристальным взглядом каждого, кто посмотрел на него косо, — Бросьте камень те, кто не подумал об этом!

Никто не шелохнулся.

— Если это противники Зиро, то их секте должна быть не одна тысяча лет, — усомнилась поверенная Земли, — Много воды утекло с тех пор…

— Вода сохраняется в смоле и некоторых окаменелостях, — витиевато возразил

регент, — Если лелеять неприязнь, то можно выжать её и из камня.

Поверенная Райт-Райна подняла когтистую руку и сказала:

— Уважаемые регенты, ваши слова мудры, но это поиск снежинки в огромном сугробе! Разумнее всего сойтись во мнении, что данная волна покушений имеет централизованную систему. А если это централизованная группировка, то я лично вижу лишь один способ выгрызть им гортань!

Присутствующие недоуменно уставились на поверенную, силясь понять аналогию.

— Пережать им доступ к кислороду, вставить палку в колеса! — пробурчала женщина, — Нужно перевезти анкеров сюда! Поставить охрану из протекторов и усилить посланцами наших миров. Только так можно будет следить за ними всеми, не мечась из стороны в сторону.

Регенты и поверенные переглянулись, ища друг у друга поддержки. Многим явно не понравилась идея привезти в Декаду кучу народа. Консенсуса среди заседающих все еще не было. Появились официанты, разнося присутствующим бокалы — большинству с вином или шампанским, а старому герцогу — кружку с чем-то вроде пива. Начались негромкие разговоры, некоторые беседовали группами по двое или трое, кто-то ушел для кулуарных бесед. Подали бокал и мне, из вежливости я прикоснулась к напитку губами. Это был лимонад! Я могла владеть всей Землей, но ко мне относились как к несовершеннолетней!

Не знаю уж, почему — алкоголь я несколько раз пробовала и относилась к нему спокойно, бокал с лимонадом меня обидел. Умом я понимала, что стоит приказать — и принесут что угодно. Но всё равно почувствовала себя маленькой девочкой в чужой компании. Я отставила бокал и вышла из зала совещаний.

Меня никто не останавливал.

Я прошла по коридору, где мелькала прислуга, протекторы, охранники поверенных. Увидела выход на большущий балкон или, скорее, террасу, где никого не было. Выскользнула туда — и обнаружила, что всё-таки не одна. Там, глядя на лес, стоял Эдвард.

— Ой, извини, — пробормотала я.

— Алекс, — он кивнул мне. — Я могу уйти, чтобы не мешать.

— Нет, лучше останься, — попросила я. Встала рядом, облокотившись на глянцевую мраморную балюстраду.

— Устала? — спросил Эд.

— Угу, — буркнула я. — Тут красиво…

— Фокус хорош, — согласился Эдвард. — Видишь полосу в лесу? Слева тёмно-зелёные деревья, а правее — листья уже пожелтели…

Я присмотрелась.

— Да!

— В Лирии наступила осень, — сказал Эдвард. — Эта часть Фокуса взята из моего мира.

— Так ты из Лирии? — поразилась я.

Почему-то я была уверена, что он с Земли. Может быть из Европы, или из Австралии, или ещё откуда-то, но «свой».

— Да, — кивнул Эдвард. — Младший сержант шестнадцатой горнопехотной… — он рассмеялся. — Во втором же бою попал в засаду… в общем, единственный выход, который оставался — стать протектором.

Я почувствовала, что ему трудно об этом говорить и не стала дальше расспрашивать.

— Регенты и посланники рассуждают, кто предатель, — пожаловалась я.

— Подозревают протекторов? — усмехнулся Эдвард.

— Ну… в том числе.

— Когда тебе было шесть лет, — сказал Эдвард, помолчав, — ты шла с мамой по обочине дороги. Вы возвращались с дачи к электричке. А сзади нёсся на мотоцикле с коляской выпивший мужчина…

— Я помню! — вскрикнула я. — Меня…

Я замолчала. Вспомнила, как взявшийся словно ниоткуда дядька подхватил меня будто куклу и прыгнул от дороги в траву. Ещё и маму при этом сбил в ту сторону. А по дороге с рёвом и сизым дымом промчался здоровенный (ну, тогда мне так казалось) мотоцикл. Даже не остановился…

Мама тогда долго ругалась. Вначале накинулась на моего спасителя, потом наоборот, принялась его благодарить, а тот быстро куда-то ушёл…

— Это был ты! — сказала я растерянно. — Ты меня спас!

Меня… и маму. В тот раз — спас обоих…

— Как думаешь, протекторы способны предать анкеров, которых охраняют с младенчества? — спросил Эдвард. — Это всё равно, что своего… свою сестру или брата предать.

— Регенты дураки! — воскликнула я, чувствуя, как на глазах проступают слёзы. — Тупые жадные дураки!

— Обычные люди, — сказал Эдвард. Достал и протянул мне чистый белый платок.

Я молча промокнула слёзы.

— Оставь платок себе, мне он ни к чему, — Эдвард улыбнулся. — И возвращайся на заседание, пора. Ты должна там быть.

Глава 7. Кровь не пахнет

7. Кровь не пахнет

Решение было отложено.

Завершив первое заседание, регенты пригласили поверенных на торжественный обед, где предлагали национальные деликатесы разных слоев. Еда — дело нехитрое, проще политических прений, потому все благосклонно отнеслись к ней. Поверенные Орта и Райт-Райна отказались, решив вместо пищи прогуляться по Декаде. Я с невольным содроганием подумала, что для еды им может потребоваться принять истинный облик… а может быть они предпочитают есть что-то живое?

Меня даже передёрнуло от этой мысли.

Нас, анкеров, тоже позвали, но согласился только Мар. Лиана отправилась обговорить что-то со своим регентом — думаю, принятие Рейн в свои протекторы, а я стала слоняться по коридорам.

Едва удалившись от Сердца и найдя небольшую уютную комнату, где никого не было, я присела в кресло у окна и достала из кармана крошечную записку от поверенной с Земли. Я немного боялась, что не смогу толком разобраться со своим школьным английским, но записка оказалась написанной на русском! Точнее — напечатанной крошечными чёткими буквами. И бумажка оказалась не простой, а очень прочной, похожей скорее на ткань или на ту бумагу, из которой делают купюры.

«Понимаем твоё горе и скорбим вместе с тобой. Но тебе самой грозит огромная опасность. Постарайся вернуться домой и связаться с нами. Пиши на anker.dekada@yandex.ru Не медли!»

Я перевернула листок, но на обороте был тот же текст на английском. Только емейл был указан другой, на Гугл-почте. Я вдруг с содроганием поняла, как далеко от прежней жизни: от ноутбука с фильмами, уроков в школе, комнатки с цветастыми обоями… от нормальной человеческой жизни, в общем.

Кто же это писал и от чего предостерегает?

Ну, допустим, писали «знающие Земли». То есть всякие правители-олигархи… кто там знает о Декаде и торговле с другими мирами. Как и говорил регент, они не прочь заполучить меня в свои руки и использовать… для чего? Ну, для прибыли, наверное. Для более выгодных условий торговли. Конечно же не для того, чтобы надеть на голову корону и объявить хозяйкой Земли!

Хотя могут и корону выдать, что им стоит…

А мне это надо?

Могу я им верить? Нет, не могу. И регенту не могу, и послу знающих… никому не могу…

Пока я предавалась этим невесёлым раздумьям, записка в моей руке поблекла… и буквально в несколько секунд развалилась в мелкую белую пудру. Я стряхнул с ладони порошок, встала в задумчивости и пошла дальше.

Нет, я не собиралась «вернуться домой и связаться». Во-первых, потому что не могла этого сделать, а во-вторых, потому что не верила знающим.

Далеко от зала заседаний уходить я не собиралась, боясь заплутать. Просто шла по прямой, чтобы в какой-то момент развернуться и двинуться обратно. Я и без того

невнимательная, а в этом лабиринте хоть карту с собой носи. Погруженная в свои мысли, я не сразу заметила, что у меня появилась компания.

— Анкер Земли! — пропыхтел поверенный Орта, кладя мне руку на плечо — я вздрогнула и отстранилась, — Наконец-то отыскал вас! Можно ли украсть минутку вашего драгоценного времени?

— Наверное, — не совсем понимая, как в таких случаях подобает отвечать, я отреагировала максимально дипломатичным образом, — Вам помочь найти комнаты отдыха?

— Нет-нет, — поверенный усмехнулся, — Я хотел бы задать вам пару вопросов касательно пережитого вами на Земле.

— Мой регент уже сообщил обо всем важном, — пробормотала я.

Да что они все ко мне привязались? Посол Земли завлекает обратно, посол Орта лезет с расспросами. Шёл бы к Лиане, как-никак она анкер его мира…

— Да, но мне было бы любопытно услышать о вашей повседневной жизни там, на Земле! Казалось ли вам, что вы ограничены своей личностью? Видели ли вы призрачные руки Декады, нависшие над вами и управляющие вашими действиями?

— Не совсем вас понимаю, — я насупилась, стараясь поспеть за метафорами, — Мне стало известно о Декаде совсем недавно, до того момента я жила также, как миллионы других девовек.

— Конечно! Но если представить, что вы снова живете на Земле, но уже знаете о своем статусе? Понимаете ответственность, возложенную на вас, отдаете отчет, что за вами следят?

— В чем вопрос?

— Смогли бы вы жить как прежде, зная, что на ваших плечах лежит большее, чем ваша жизнь? Что по мановению руки вы можете купить и продать что и кого угодно?

— Вы об этих списках имущества? — я закатила глаза, — Это бред, согласна, и очень хорошо, что этот бред больше не на моих плечах — им занимаются негоцианты. Мне абсолютно все равно, кому принадлежит дурацкая марка машины или еще одна социальная сеть. Работорговли нет и на том спасибо!

— Неужели? — мужчина улыбнулся, — Да, Фокус поменяла обложку, но содержание нельзя было вырвать с корнем — в нем *суть!* Просвещу вас: под эгидой наемной работы вы можете купить и продать кого угодно. Взять хоть этот дворец! Кто, как вы считаете, возвел новое крыло в Сердце?

Я оглядела коридор.

— Строители?

— Твои сомировцы, Алекс, строители с Земли! — глаза его блеснули, — Думаешь, их вернули домой?

Я напряглась. Да, я рассказала свое имя негоциантам и протекторам, но неужели они так быстро проболтались третьим лицам? Может, Тройка был и прав.

— Откуда вам известно мое имя?

Поверенный запыхтел, словно мой вопрос его задел:

— Мир слухами полнится, анкер! — он искоса на меня посмотрел, — Вам некомфортно в моем обществе?

— Нет, что вы, — и отвернулась и посмотрела в окно, во внутренний двор Декады, — Просто все здесь помешаны на именах, и я, похоже, тоже на них свихнулась, — я покачала

головой, — Спасибо за беседу, поверенный, сейчас мне нужно найти моих протекторов.

— Зачем они вам здесь? Уж не думаете ли вы, что сюда заберется монстр и попытается откусить вам голову?

Я никогда не понимала, где четкая граница между шуткой и правдой. Вот и сейчас, не увидев в словах поверенного повода для смеха, я покосилась на него, решая, стоит ли мне завершить разговор или сразу убегать.

Мои метания были прерваны голосами из-за угла. В коридор, о чем-то разговаривая, повернула Лиана, а за ней — Рейн. Мой бывший протектор выглядела немного растерянной, но уже не такой подавленной, как утром перед завтраком. Похоже, Лиана решилась на добрый поступок и не дала сослать девицу на плантации.

— Каждый из нас сдерживает в себе монстра, господин поверенный, — анкер Орта церемонно (или бесцеремонно?) протянула мужчине руку, — Извините, у меня нечеловечески острый слух.

— Какая честь! — поверенный Орта скрючился в неловком поклоне, приложился губами к ее пальцам, — Анкер моего мира собственной персоной! Раз уж я такой везучий, могу ли я задать один вопрос вам обеим? Он касается нынешних разногласий между Декадой и антидекадовцами.

— Разногласий? — Лиана поморщилась, удержавшись от презрительного смешка, — Здесь нет разногласий, нападения и убийства являются чистой воды терроризмом.

— С какой стороны посмотреть, — плечи мужчины дернулись в странной судороге, — И все-таки, на ваш взгляд, хочет ли враг похитить анкеров и потребовать выкупа или же лелеет иную цель?

— Плевать! — Рейн шагнула вперед, — Вы напрасно всем морочите голову! Все очевидно: враг хочет подорвать многовековое наследие Декады!

— Неужели? — поверенный вел себя нетерпеливо, то и дело протирал потный лоб, переступал с ноги на ногу, словно стоять ему стало трудно, — А что, если наследия попросту нет? Или нашлись *настоящие наследники?*

— Не понимаю. С помощью анкеров Зиро нашёл и связал воедино десять миров, — Лиана с нескрываемым подозрением изучала поверенного. — Пусть роль наша ныне не столь важна, но мы и есть его наследники.

— Нашёл, связал… — поморщился поверенный, — Нигде не вычитать, что произошло почти две тысячи лет назад — есть только общие знания.

— Довольствуемся тем, что есть. Не думаю, что остался кто-либо, способный пролить свет на события тех веков.

Поверенный облизнул губы, что выглядело довольно неприятно. Спросил:

— А что, если *кто-то* да остался?

— Может быть, — кивнула Лиана без всякого удивления. — Но, если кто-то и ненавидел Декаду в прошлом, это не повод нести чуму ненависти в здоровый мир. Времена войн прошли, настали времена дипломатии и компромиссов. Анкеры не только символизирует гармонию между мирами, но и гарантируют существование этой гармонии.

Поверенный поморщился, а Лиана продолжала:

— В то же время убивать нас глупо и бессмысленно. Анкеры умирают от старости, убийства их редки, но не несут опасности декаде — сразу рождается новый.

— Вы сравнили ненависть с чумой, — усмехнулся поверенный Орта. — Но что, если чума — это Декада? А то, что вы называете болезнью — здоровый иммунитет, не дающий

заразе вновь проявиться? Смотрите на врага как на исцеление, а не как на недуг! И все поймёте…

— Что поймем? — вырвалось у меня.

— Болезнь — это вы!

Лиана обернулась к Рейн и сказала:

— Марибо, верно? Ваша первая миссия на службе у меня — пойти в пиршественную залу и известить регентов о том, что я нашла шпиона.

— *Она никуда не пойдет!* — голос, вырвавшийся из глотки поверенного, не был человеческим, — *Как и ты, квартеронка!*

Поверенный расставил руки, пальцы его заострились, а кожа рук покрылась гладкой чешуей. Ногти на пальцах удлинились и почернели, большой и указательный отвалились, зато три средних удлинились и отрастили четвертую фалангу.

— Лиана, что это? — я с криком отпрянула от поверенного, вжавшись в стекло.

— Знающий Орта нас предал, — бросила Лиана, следя за движениями поверенного.

Тело последнего продолжало неумолимо деформироваться, изгибалось и хрустело — то ломались и сращивались кости. Когда захрустели позвонки, лицо поверенного исказилось от боли — он выбросил ладонь вперед и попытался когтями полоснуть по Лиане.

Но не тут-то было!

Рейн взмахнула мечом (я даже не успела разглядеть, когда она его достала из ножен) и отразила удар. Поверенный зашипел и притянул к себе лапу с отрубленными пальцами. Затем он упал, но не от боли — его ноги слились в одну конечность, точнее, туловище — и он не мог больше стоять вертикально. Руки поверенного стали плоскими: кожа на них обвисла, облепив расширенные и деформированные кости. Забившись на полу, он приподнял себя на руках и бросил на нас свирепый и голодный взгляд узких змеиных зрачков.

— *Поплатитес-сь за с-содеянное!* — прошелестел он, — *С-стоило прис-слушаться к Орту, когда был шанс-с!*

Через пару секунд одежда на нем лопнула, разлетевшись по стенам вместе с обрывками темно-зеленой слизи. Руки слились с телом, череп поверенного удлинился, волосы осыпались, глаза стали больше и выкатились по обе сторону змеиной морды. В пасти, разинутой от злобы, заблестели два длинных желтых клыка. Монстр с неожиданной силой ударил брюхом по полу.

Паркет в нескольких местах треснул и пол просел. Я судорожно схватилась за подоконник, чтобы не сползти по уклону в пасть чудовища. По полу вдоль всего коридора прошла глубокая трещина.

— Монстр! — закричала я.

— Не один он, Алекс, — с грустью возразила Лиана. — Не один он.

— Алекс, уходи, — Рейн сбросила легкую курточку, в которой ходила, и взмахнула мечом, вставая в боевую стойку, — Пойди к регентам, скажи, здесь серпант, потребуются медики.

— Моя кровь — яд, моя кожа — напильник! — змей рывком выбросил тушу вперед, раскрыв пасть.

Лиана схватила меня за шкирку и дернула в сторону. Пригнувшись в полуприседе, она отбросила меня себе за спину. Трещина в полу оказалась глубже, чем я полагала, пол разошёлся, под ним оказались лопнувшие балки, торчащие частоколом доски, а внизу — библиотека. Штукатурка и щепки сыпались вниз, на заполненные книгами шкафы и столики

для чтения. Мелькнул кто-то, поспешно убегающий прочь. Я упёрлась ногами в остатки балок, посмотрела вниз — не спрыгнуть ли? Но до пола библиотеки было очень высоко, метра четыре минимум. К тому же прямо подо мной раскачивался край гигантской люстры, ощетинившийся вычурными бронзовыми пиками и старомодными стеклянными лампочками. Я решила остаться здесь, в сомнительной безопасности, но всё же подальше от змея.

— Рейн, не дай ему улизнуть! — бросила Лиана, и была права — уползи серпант в коридоры Декады, он непременно устроил бы хаос и, может, даже убил бы кого, прежде чем протекторы покончили с ним.

Сидя в трещине, в обломках досок, я вспомнила увиденный когда-то ролике, где толпа муравьев тащила в муравейник шершня — тот жалил, убивая муравьев, но на место убитых вставали новые. В конце муравьям удалось затащить гиганта в тоннель, где тот был парализован и съеден.

Но серпенту, похоже, было наплевать на свою судьбу.

Рейн, уклонившись от разинутой пасти и шипов на теле, кувыркнулась под туловищем монстра и вскочила на стену. Сделав по ней пару шагов — и не падая! — она протиснулась за тяжеленный шкаф и, оттолкнувшись от стены, смогла завалить им коридор — тот упал по диагонали, даже не треснув.

— Что, размерчик мешает? — Рейн спрыгнула со стены и встала в проёме между шкафом и стенкой. — Двигай сюда, гад ползучий!

Серпант зашипел и развернулся к Лиане и мне, видно, сочтя более уязвимыми.

Привлеченные шумом, в коридоре появились несколько зевак. Увидев монстра, они закричали и побежали за помощью — значит, весть о произошедшем скоро дойдет и до регентов.

Но успеют ли они прийти, пока не будет слишком поздно?

— Рейн, как ты… — я силилась понять, как протектор могла провернуть такой акробатический трюк, как вдруг Лиана решительно выпрямилась и сделала шаг вперед, — Лиана, постой! Ты куда?

— Я тоже с Орта, — анкер засмеялась, — забыла?

— Змеи глотают пауков живьем! — зашипел серпант, капая ядовитой слюной на паркет, — Ты с-слаба!

Анкер молча скинула ботинки и стянула резинку с волос. Затем размяла шею и стала слегка покачиваться из стороны в сторону, словно в трансе.

Потеряв всякое терпение, серпант издал рев и пополз к ней.

— *Удачи, Алекс,* — сказала Лиана другим, чужим голосом. Она на мгновение обернулась, и я увидела, что ее радужки заволокла черная пленка.

Я закрыла глаза в страхе перед увиденным, потому тело ее начало стремительно — куда быстрее, чем у серпанта, — деформироваться. Хруст. Пронзительный крик и вой, а затем — шипение серпанта. Я открыла глаза: змеиная туша уткнулась в не менее, а то и более массивную тушу того паукообразного существа, в которое обратился расклейщик в поезде, на Земле.

Послышался звук столкновения — не удара, а именно столкновения, когда две силы уже схлестнулись, но еще не побороли одна другую. Три паучьи лапы удерживали пасть серпанта, одна утыкалась врагу в шею, три другие служили для Лианы — нет, я не могла представить, что это она! — опорой, упираясь в пол за ней.

Серпант пронзительно зашипел, когда понял, что не может одолеть противника. В этот же миг ряд колющих ударов был нанесен по его чешуе — это Рейн подскочила к нему со спины и заработала мечом.

— Алекс-с! — змий вдруг остановил красные от крови и ярости глаза на мне.

Он сжался в комок, ловко распластался по паркету и буквально проскользнул под Рейн и Лианой. Остановившись у щели в паркете, в которой сидела я, серпант поднял свою тушу надо мной и оскалился.

— З-заберу *тебя!* — прошипел он, разевая пасть.

Как этому и положено быть, я не увидела самого удара — змеи слишком быстро кусают — а серпант был больше и сильнее обычной змеи. Он сосредоточил свои вертикальные зрачки на мне и… качнулся вперед, раззявив пасть.

Я почувствовала поток воздуха, ударивший в лицо, но ощутила не клыки на шее, а едкий запах от его пасти в сантиметрах от носа — передо мной, скрючившись в три погибели, была Рейн — она сидела перед и надо мной, держа меч горизонтально и удерживая им пасть. Увы, тем самым она подставлялась сама. Ощутив препятствие, серпант взбрыкнул, повел мордой туда-сюда и, наконец, сомкнул челюсти на ее руке. Взмахнул головой, он подкинул протектора в воздух и укусил ее, сомкнув зубы у девушки на животе.

Послышался хруст, а за хрустом — звон. Это серпант выбросил жертву в окно — стекло разбилось, и Рейн вместе с осколками камнем полетела вниз (с пятого, кажется, этажа). Я выскочила из укрытия и подбежала к окну, наплевав на опасность. Я увидела ее сразу: Рейн лежала далеко внизу, посреди клумбы белых цветов, в луже алой крови и деревянных обломках.

Одновременно с тем паук, в которого обернулась Лиана, ударил лапой по полу, где уже была трещина. Доски не выдержали и треснули, ломаясь. Ухватив передними лапами серпанта за морду, паук утянул его вниз.

Глава 7. Часть 2

— Где они? — Тройка бежал вместе со мной и группой протекторов по коридору, — Небеса, почему в этом крыле все лестницы так далеко друг от друга?

Мы спустились на этаж ниже западного коридора, где произошла стычка, и направились в библиотеку. Из-за угла донесся рев, после чего осколки чего-то, бывшего, возможно, шкафом, пронеслись прямо перед нами и брызнули в стену. Следом пронёсся обрывок хвоста: темно-зеленый и чешуйчатый. Следом пролетели ошметки мяса и брызги крови.

— Какого черта? — регент выругался. — Это и впрямь серпант! Орт нас предал!

Мы обошли дёргающийся хвост и нам открылось поле брани — в коридоре и смежных библиотеке комнатах словно бомба взорвалась, стены кое-где были пробиты, потолок в двух местах обвалился, паркет вздыбился деревянной чешуей. Посреди этого побоища лежала змеиная туша. Ромбовидные зрачки серпанта смотрели в пустоту. Мне казалось, что я даже увидела последнюю красную искорку в них, прежде чем глаза окончательно помутнели.

— Опоздали, — Тройка покачал головой, восстанавливая дыхание, — Некого теперь допрашивать!

— Что? — я перепрыгнула с одного островка паркета на другой, — Я думала, вы спешите помочь Лиане!

— Алекс, она ведь арахна, — Тройка усмехнулся, — Ей не нужна помощь, как видишь. Я надеялся успеть оттащить ее прежде, чем она прикончит серпанта, но мы опоздали… Как он вообще рискнул напасть на неё напасть, на что рассчитывал?

Регент огляделся, проследил за кровавыми следами в библиотеку, изучил обломки мебели, царапины на полу:

— Я уже отправил Морó и Стеллу прочесать сад, — бросил он, — Они найдут Марибо и окажут ей необходимую помощь.

— Вы полагаете…

— Протекторы очень живучи, — регент повернулся ко мне и улыбнулся. — Это их благословение и проклятие.

Оставив меня размышлять над сказанным, он завернул за угол и медленно, вслушиваясь в каждый шорох, вошел в библиотеку. Решив, что думать над оксюморонами — не мое, я поспешила за ним.

— Подождите! — я осторожно заглянула в помещение и, встав за спиной Тройки, увидела черную не то лапу, не то руку, скользнувшую между стеллажами в глубь зала.

— Что здесь… — в коридор вбежал Мар. Увидев погром, он схватился за голову и взвыл, — Не говорите, что Лиана обратилась!

— Боюсь, что так, — регент поджал губы, — К счастью, анкер Орта разобралась с предателем, и сама вне непосредственной опасности, но повторно созвать заседание в Сердце лишним не будет! Нам есть что обсудить!

Мальчишка протиснулся в библиотеку, оттолкнул регента и бросился в библиотеку, заглядывая за каждый стеллаж.

— Эй, Мар!

Я невольно дёрнулась следом. Способна ли сейчас Лиана разобрать, кто здесь друг, а кто враг?

— Все нормально, анкер, — регент достал из кармана пиджака сигару и закурил, — Она его не тронет. Насколько мне известно, анкер Орта даже обратилась при анкере Риххора однажды.

В Сердце, в связи с последними событиями, по просьбе моего регента и регента Орта было проведено второе заседание. На сей раз меня не просто пустили, а настоятельно позвали участвовать. Обсуждались многие вещи, начиная с вопроса о том, все ли знающие Орта предатели, и как долго они таковыми были.

Также был повторно вынесен на обсуждение вопрос об анкерах. В бланках, розданных каждому, напротив «Стоит ли перевезти анкеров в Декаду?» стоили «Да», «Нет» и «Воздерживаюсь». Пару регентов и поверенных воздержались, оставшиеся голоса разделились поровну. Мой голос, как нечетный, стал решающим.

Я поставила галочку напротив «Да, стоит».

Так было решено перевезти всех анкеров в Декаду. Правильное это было решение это или нет — никто не знал, но, если нападения случаются и в материнских мирах, и в Декаде, то какая, собственно, разница?

Я вышла из Сердца и прошла в западный коридор, где и встретила полчаса назад поверенного Орта. Все здесь было оцеплено желтой лентой, рядом стояли знаки «Осторожно!», «Прохода нет!», чтобы особо любопытные не лезли и не свалились ненароком через дыру в полу.

Посреди обломков сидел поверенный Элиора. Пройдя под желтой лентой, я подошла к нему, чтобы посмотреть, чем маг занят. И была немного сбита с толку: элиорец водил пальцем по лужам крови, после каждого «мазка» рассматривая жидкость и иногда нюхая. Увидев меня, он приветливо улыбнулся и облизнул окровавленный палец.

— Что вы делаете? — поморщилась я. — Есть же всякие приборы… наверное.

— Нет ничего чувствительнее человеческих рецепторов, — элиорец улыбнулся. — Если улучшить их магией, конечно.

Мне сама мысль о том, чтобы пробовать на вкус чужую кровь, тем более кровь монстра, казалась отвратительной. Но я смолчала.

— Кирпично-черная — кровь арахны, — продолжал элиорец, протирая рот платком, — Но по вкусу, цвету и соотношению гормонов повышено количество не успевших мутировать клеток, — он поморщился и сплюнул в сторону. — Еще здесь есть кортизол — он вбрасывается в кровь вместе с адреналином. Значит, перевертыш вынуждена была обратиться быстро либо не привыкла обращаться вовсе. Плохо, ей может не хватить сил на возвращение… А вот это… — он указал на багрово-коричневые разводы, уже засохшие, — другая кровь! Здесь клетки здоровы и однородны, адреналина мало, девяносто семь процентов клеток изменились, что свидетельствует о природной склонности к мутациям, — он искоса посмотрел на меня, — нашего серпанта.

— Спасибо за урок биологии, — я отвернулась от поверенного, — Но зачем вы все это делаете? Хотите похвастаться знаниями, так найдите кого-нибудь другого, я в медицине круглый ноль.

— Погоди, анкер! — маг замахал выпачканной в крови ладонью, — Вы, земляне, такие нелюбопытные, что прямо диву даешься, как умудрились эволюционировать! — он указал в ту сторону, где было выбито окно и куда поверенный Орта отбросил Рейн, — Видишь кровавые подтеки на подоконнике, оставленные нелюдем?

— Это кровь Рейн, идиот! Это ее гребаная кровь! — я неожиданно разозлилась не на шутку. — Кровь нелюдя, этого змея, здесь на полу!

— Позволь не согласиться, — элиорец отвернулся, — На подоконнике — тоже кровь нелюдя. С точки зрения биологии, «монстрами» можно назвать только арахну, так как ее вид не был исконным звеном экосистемы Орта — их вид породила мутация, вызванная выбросом лимфы, — он внимательно изучал меня, от чего мне стало не по себе, — Серпант не был мутантом, он был *перевертышем* или нелюдем изначально. Существом, для которого обе формы существования нерасторжимы и естественны. Редкое, очень редкое даже для Орта существо! Таким же перевертышем была и владелица этой крови, — поверенный подошел к красным разводам на остатках оконной рамы и с наслаждением провел по ним пальцем, — Биологически натуральна, но, в отличии от крови серпанта, находится не в красной книге, а в черной… — он поднес кровь к носу и понюхал, — Как оказалось, ошибочно.

— Что… — я нахмурилась, — Что ты имеешь в виду? Рейн нелюдь?

— И не простой. Видишь вон те следы ног на стене? — маг указал в сторону поваленного шкафа, — Это довольно высоко даже для акробата.

— Она протектор!

— Впервые слышу, чтобы протекторы ходили по стенам, — сказал маг насмешливо.

— А кто ходит? — выкрикнула я. Но он не ответил.

Спустившись по лестнице на этаж ниже, я поразилась тому количеству зевак, что столпились в коридорах. Негоцианты и протекторы галдели, перекрикивая друг друга (они явно видели друг в друге две конкурирующих фирмы).

— Какой кошмар! — кричали негоцианты, — Сколько расходов! Сколько издержек!

— Все раскурочено! — восхищались протекторы. — Движуха!

— Придется переделывать реестры! — плакались негоцианты.

— Даже кровища есть! — балдели протекторы.

Не знаю уж, сколько им на самом деле было лет, но вели они себя хуже подростков.

Я отстранилась от галдящей массы, но в библиотеку не пошла, решив посетить Лиану позже, когда шумиха утихнет, и я не буду мешаться врачам.

— Алекс, Алекс! — из толпы ко мне подскочили Эдвард и Стелла, — Мы не можем найти Рейн! Ее нет ни в саду, ни в лесу!

Выйдя из главных дверей Декады, я посмотрела по сторонам, ища следы падения. По моим расчетам, Рейн должна была упасть где-то рядом. Вскоре я даже нашла те кусты белых цветов, но ни Рейн, ни ее меча там не было.

Я ещё плохо разбиралась в поместье, поэтому решила обойти здание кругом, так или иначе надеясь наткнуться на следы. Тропинка, по которой я шла, змеилась через сад и впадала, как ручей — в реку, в одну из грунтовых дорожек, опоясывающих здание. По пути мне встретилась группа протекторов, прочесывающих полу-лес, полу-сад, окружающий Декаду.

— Нет, так я ее не найду, — вынужденно признала я, — Куда может пойти истекающий кровью нелюдь?

И тут меня осенило!

Я вернулась в дом и, не став слоняться по комнатам, заглядывая в каждую щель, направилась прямиком в медпункт. Спросила у встречного негоцианта дорогу и поспешила в

указанном направлении.

Как таковой поликлиники в крыле протекторов не было, что меня немного удивило, ведь количество защитников Декады шло на сотни, но медпункт был. Как только я притронулась к ручке двери, я поняла, что не ошиблась: рука нащупала что-то липкое и присохшее. Открыв мутно-белые двери, я осторожно оглядела помещение. На меня из-за рабочего стола уставилась женщина в белом халате, по-видимому врач. Выглядела она совершенно спокойной, что меня смутило.

— Хочу сдать кровь, — соврала я, — Можно ведь?

Женщина уставилась на меня не то удивленно, не то недоверчиво, и буркнула:

— Нам не нужно столько доноров, да и награды за это не будет, — не признав во мне анкера, врач вернулась к работе.

— Вы часто встречаете доноров? — скептически спросила я, — А вдруг понадобится, а взять неоткуда будет?

— Какая группа? — уточнила женщина.

— Четвертая! — уверенно ляпнула я, не колеблясь. Я не помнила свою группу, но смутно знала по урокам биологии, что людей с четвертой группой меньше всего.

— Может, и резус отрицательный? — хмыкнула врач, — Проходите во второй кабинет, — она бросила на меня быстрый взгляд, — Вам восемнадцать-то есть?

— А вам? Выглядите вы молодо.

— Врунишка, — врачиха, которой вот-вот должно было перевалить за тридцать, покачала головой, — Во второй кабинет, скажите сестре, что я вас прислала. Только придётся подождать.

— Спасибо, — я прошла по коридору и юркнула в указанную дверь.

И остолбенела: мои смутные подозрения оправдались.

В нос ударил тяжелый солоноватый запах.

Я услышала чавкающие звуки. Большую часть комнаты загораживала ширма, из-за чего видно было лишь умывальник, два мусорных ведра и медицинский шкаф. Но было кое-что еще: из-за ширмы, словно два спички, торчали две ноги в каблуках. Это была медсестра, которая должна была взять у меня кровь. Как, судя по всему, и у хитроумной Рейн, заявившейся сюда раньше меня.

Медленно продвигаясь вглубь комнаты, я увидела туловище женщины и, наконец, побледневшее лицо с закрытыми глазами. Воротник ее халата был разорван, на шее красовалось два маленьких пятнышка. Хотя нет, даже не два, а четыре, первые два были кривые и поверхностные, словно тот, кто кусал, не был уверен, что нацелился правильно, но вторые два… аккуратные и глубокие, судя по посиневшей под ними коже. В кулаке у медсестры была зажата гибкая прозрачная трубка с иглой на конце.

Маленький холодильник у стены был открыт, содержимое — выставлено наружу и явно тщательно изучено. Между пузырьков и ампул лежал металлический контейнер, в котором, штука за штукой, как печенья — в коробке, лежали пакеты со сданной кровью. Большей частью красной, но был и пакет с голубой, и с тёмно-зелёной.

На моих глазах к контейнеру из-за второй ширмы, скрывающей лежанку, протянулась человеческая рука с длинными ногтями и сцапала один из пакетов.

— Не думала, что однажды снова дам себе волю, — голос, без сомнения, принадлежал Рейн, но тон его отличался: он был глубоким и слегка глухим.

Я сделала еще шаг вперед и увидела ее: в синяках и кровоподтеках, с проломленными

ребрами, кое-где торчащими наружу, с разбитым в кровь лицом. Глаза и рот, к счастью, остались целыми, и в них по-прежнему играла легкая наглость.

А еще в них появился огонек — не тот огонек, который в глазах ученого может разжечь гениальная идея или у романтика — долгожданная встреча с любимой, а жадное хищное пламя, готовое разгореться и поглотить всё вокруг.

Рейн поднесла ко рту пакетик и прокусила его. Затем подцепила пакетик ногтем за уголок и залпом всосала содержимое, словно это была вода или яблочный сок.

— Ты вампир?

Рейн, выжимая из пакетика последние капли, пожала плечами. Бросила на меня равнодушный взгляд, задумчиво слизнула с когтей кровь и причмокнула:

— Первая группа, любимая!

Я почему-то не испытывала страха. Закрыла дверь, чтобы не привлекать внимания второй медсестры, но Рейн бросила:

— Она в трансе, — она потянулась за еще одним пакетом, — Не будет замечать ничего подозрительного, пока я не закончу… Что тут у нас? Вторая группа? Сгодится.

— Тебе не противно? — я боролась со своим желудком, который от одного вида кровавой трапезы выворачивался наизнанку.

Не удостоив меня ответом, Рейн встала с пола и уселась на больничную кушетку, отбросила одноразовую простыню и поёрзала, устраиваясь с максимальным комфортом.

— Ты ее убила? — я посмотрела на лежащую без движения медсестру.

Девочка поморщилась:

— На кой черт?

Я подобрала контейнер, сложив туда выпавшие донорские пакетики, и села рядом с бывшим протектором, голодным вампиром и когда-то почти подругой. Положила контейнер на койку.

— И как тебя пропустили сдавать кровь? — спросила я, покосившись на окровавленную и порванную рубашку Рейн, из которой только что торчал белый осколок ребра.

Теперь его не было, словно он втянулся внутрь, на положенное от природы место.

— Глаза отвела, — сообщила Рейн. — Мы умеем.

— Удобно, — признала я.

— Ты не боишься меня? — протектор выбрала еще один пакетик и раскусила его.

— Немного.

— Немного можно, — Рейн кивнула и неожиданно поежилась, — Ух! Холодная!

— Кровь, что ты сейчас пьешь, — я взяла пакетик с зелёной кровью и скептически изучила бирку на нем, — Она тебе помогает?

— Ускоряет регенерацию, — Рейн выжала пакетик в рот и протерла алые губы. Икнула. Медленно улеглась на кушетке, положив под голову еще пару пакетиков, и уставилась в потолок, — Хороший способ быстро восстановить силы и восполнить потерю собственной крови. Сама я бы пару дней восстанавливалась. В моей крови сильный уровень пассивного мутагена, что делает ее целебной, — девушка зажала всасываемый пакетик в зубах и показала пальцами рук кавычки, — Она не мутирует клетки, но помогает залечивать раны, адаптироваться к окружающей среде… и смене слоя.

Повисла тишина. Рейн с любопытством изучала мое выражение лица, на котором вырисовывалось меленное осознание.

— Когда мы были на Гемме, — я побледнела, — Ты же мне дала…

— Маленькая доза моей крови позволила твоим клеткам адаптироваться к смене слоя быстрее, чем был способен твой организм. Я спасла тебе жизнь уже трижды, лошара.

— Спасибо за очередное спасение, в таком случае, — я взяла из коробки ещё один пакетик и скептически встряхнула его голубое содержимое.

— Устонская, — вампирша отмахнулась, — Брось эту дрянь, в ней вместо железа медь. Никогда не пей и не ешь существ с другой биохимией!

— Как у тебя всё сложно с едой. Группа крови, биохимия…

— Про группу крови — шутка. Никакой разницы, — Рейн криво улыбнулась.

— Шутки у тебя…

— И мне вовсе не надо постоянно пить кровь, — добавила Рейн.

Я отложила пакетик в глубь коробки.

— Скажи, а как ты выжила? На моих глазах тебя сначала прокусили, затем ударили о стену, а потом сбросили с шестого этажа!

— Во-первых, я вампир, а во-вторых, протектор, — Рейн пожала плечами, — Без эола я бы такую боль не вытерпела — ни ходить, ни стоять не смогла бы, — она оторвала зубами угол пакетика, словно вскрывала чипсы. — Когда оклемалась, то поняла, что потеряла много крови. Сначала негоциантов в соседнем крыле хотела покусать, уж больно некоторые из этих хитрожопых торгашей мне поперек горло стояли, но передумала.

Запрокинув пакет, она направила густую струю себе в рот.

— Почему передумала? — отведя взгляд спросила я.

— Не только кусать отбивающуюся жертву отвыкла, но и как клыки выпускать — не сразу вспомнила.

— А как же она? — я указала на женщину.

— Подумаешь, отпила капельку! — фыркнула девочка, — Лишь для того, чтобы она потеряла сознание! Вампиром она не станет, мои руки чисты как снег.

Глава 7. Часть 3

Я присела на стул и прикрыла голову руками, пытаясь сохранить трезвость мыслей.

— Поверенный Элиора догадался, кто ты, — вспомнила я, — по твоей крови и следам на стене.

— Не люблю волшебников, — Рейн поморщилась, — Но он будет держать рот на замке, поверь мне. Стоит ему понять, что это моя тайна, как он предъявит за ее сохранение свою цену. Элиорцы умеют ценить секреты, а еще лучше их продают.

Какое-то время я молчаливо наблюдала за тем, как Рейн утоляла жажду.

— Спасибо вам с Лианой, что защитили. Не подставься ты под удар, я была бы мертва.

— Серпант не имел цели тебя убить, разве что сильно покалечить, — Рейн всем видом демонстрировала, что не ставит проявленный героизм ни во грош, — Может, у меня хобби — людишек спасать. И не питай ко мне благодарных чувств, я уже говорила, что не пожертвую своей жизнью ради кого-либо. Ты не исключение, анкер.

Я хмыкнула, но тут в мыслях возник образ Лианы и предупреждающие слова элиорца.

— Лиане сейчас плохо, — произнесла я, — Она не протектор и не вампир, и врачи сейчас борются за ее жизнь.

Рейн встала с кушетки и устало на меня посмотрела. Затем опустилась на пол и стала собирать за собой пустые пакетики. Кровоподтёки на её лице исчезли, выглядела она вполне здоровой.

Стараясь подбирать правильные слова, я робко продолжила:

— Элиорец говорит, что ей, как не привыкшему обращаться мутанту, может не хватить сил на возвращение в человеческий облик.

— Тебе так маг сказал?

— Да. — я кивнула. — Но, если твоя кровь — лекарство, значит, ее еще можно спасти!

Рейн отвернулась. Поскоблила пальцем клык.

— Так ты могла бы поделиться своей кровью? — уточнила я.

— Никогда не задумывалась, почему вампиров истребили? — спросила протектор.

— Вы пили кровь!

— Нет! Кровь нам нужна несколько раз в жизни, да и то в небольшой дозе. Дело в том, что *наша кровь* — лекарство!

Я нахмурилась.

— Поймал вампира, приковал в подвале… — мрачно сказала Рейн. — И по мере нужды берёшь у него кровь. Хоть смертельные раны лечи, хоть насморк.

— Так делали? — поразилась я.

— Выдавать себя чудесными исцелениями опасно, — твёрдо сказала Рейн.

Вампирша выбросила пакетики и осмотрела себя. Убедившись, что сломанные ребра срослись и приняли привычную форму, а гематомы на руках рассосались, присвистнула. Посмотрела на медсестру:

— Она очнётся через пару часов с легким головокружением и провалом в памяти. *Как и ты*.

— Ты это не всерьез, — я обернулась к ней, и мы с минуту сверлили друг друга взглядами, — Я знаю, что не всерьез.

— Неужели? — Рейн прищурилась. Затем отвернулась и задумчиво заковыряла в зубах

уголком пластмассового донорского пакетика, — Может, и так. Я не та, что прежде.

— Я сохраню твою тайну.

— Надеюсь.

— А я могу в свою очередь надеяться, что ты поделишься капелькой крови с Лианой?

Рейн вздохнула. Опустилась на колени у спящей сестры и разжала ей пальцы, доставая трубку с иглой, присоединенную к пустому пакету. Сказала:

— Учти, докторицу в приёмном мне тоже придётся укусить. Чтобы стереть память и компенсировать потерю крови.

— Дорогу, дорогу!

В коридоре послышался шелест халатов, и в библиотеку, расталкивая всех по пути, протиснулись трое медиков.

— Пропустите, не стойте на проходе!

— Где пострадавшая?

Новые двери библиотеки вместо разбитых были уже надеты на петли и аккуратно закрыты. Стоявшие в коридоре потихоньку расходились, каждый — озабоченный своими делами. В зале появились какие-то люди, явно не относящиеся к негоциантам или протекторам. Эксперты, полицейские? Я даже не знала, есть ли здесь кто-то, поддерживающий порядок, кроме протекторов.

— Анкер Земли! — увидев меня в дверях библиотеки, Тройка, кажется, обрадовался, — Можно вас на минутку? — он вновь скрылся за стеллажами.

Я вошла в библиотеку и увидела белые халаты докторов, мельтешащие между покосившимися стеллажами. Пол был покрыт книжными листами, кое-где виднелись пятна крови.

— Сюда, анкер! — регент помахал рукой.

Шагая между стеллажами, отмеченными табличками «Керсарий», «Лирия» и «Мийр», я не могла не обращать внимания на черные кровоподтеки, сопровождавшие меня повсюду: кровь покрывала края шкафов, проникала каплями в ворс ковров, стекала по стеклам бра.

Ближе к читальной зоне когтистые следы, до того процарапывавшие в паркете борозды, исчезли. Точнее, уменьшились. Четыре острых когтя, судя по всему, слились в одну стопу, которая, не переставая кровоточить, волочилась вдоль бесконечных серых полок. На уровне плеча я вдруг даже увидела отпечаток руки — тоже окровавленный — оставшийся на обложке книги.

В глаза мне ударил свет, и я вышла из полумрака полок в круг читальной зоны, огражденный со всех сторон шкафами и бюстами на подставках. Здесь стояли керамические вазы с цветами, удобные диваны и высокие торшеры. Из французских окон лился бледный свет, навевающий какую-то непонятную тоску.

На диване лежала Лиана. Рядом с ней, придерживая девочку за руку, сидел регент Орта. Один из докторов измерял ей пульс, другой записывал что-то в журнал, а третий размешивал в стакане какие-то препараты. Рядом стояла медсестра и набирала в шприц из руки Лиану черную жидкость. Кровь!

— Тройка, как она? — зачем-то спросила я, — С ней все будет хорошо?

— Я звал сюда докторов, а не священников, верно? — регент отвернулся и пустым взглядом уставился в пейзаж за окном, — Впрочем, я не звал сюда и посторонних. Зачем вы здесь, Марибо?

Рейн подошла к Лиане и приложил ладонь к ее лбу:

— Сердцебиение слишком быстрое. Не похоже на обычный сон.

— Потому что она не спит.

— Все верно, — главный врач кивнул, — Судя по ее состоянию, предположу, что анкер Орта не обращалась уже несколько лет, что вредно для ее вида. Слабая ремутация вызвана невыработанным иммунитетом к параллельной обратимости клеток, — он огладил белую бородку, довольный сказанным, и продолжил, — Она смогла принять человеческий облик, но внутри она еще не человек. Две формы её организма не могут слиться воедино и не могут существовать вместе.

— Ваши действия? — регент Орта взял Лиану за руку.

— Мой коллега вколол ей сублимат мутагенов и сейчас сделаем инъекцию ее же крови, насыщенной йодом и очищенной аммонием — похвастался врач, — Это, так сказать, «походный набор» для ремутации.

— Олухи, — процедила сквозь зубы Рейн, — Ваша дрянь не только не поможет анкеру Орта, но и обманет ее организм. Стимул получат обе формы, человеческая и паучья, они начнут конфликтовать ещё сильнее. Всё кончится смертью.

— Милочка, — врач возмущенно поправил душку очков, — я дипломированный…

— Дилетант, — протектор поклонилась обоим регентам, — Прошу вас, могли бы вы отозвать докторов? Я знаю способ спасти ей жизнь, но он не для посторонних глаз.

Регенты переглянулись.

— Отгонишь от нее плохие мысли мечом? — хмыкнул регент Орта, — Здесь нужна медицина, протектор. Сильный препарат, такой как…

— Йодированная и аммонированная кровь! — убеждённо сказал врач.

Тройка бросил на меня задумчивый взгляд.

— Твоя затея? — спросил он.

— Пожалуйста, — я взмолилась, — Доверьтесь.

— Сэмуэль, будьте так добры… — Тройка устало провел рукой по лицу, — Принесите лучше еще одну дозу сублимата и заодно прогоните негоциантов и протекторов, толпящихся за дверьми.

— Но я…

— Я все сказал, — Тройка бросил на него холодный как сталь взгляд, — Ответственность беру на себя.

— Вообще-то, это мой анкер, — пробормотал регент Орта.

— Она чистокровная арахна? — осведомилась Рейн, щупая руки Лианы, — Отрастила четвертый сустав на руках, ага…

— Она квартеронка, — подал голос Мар. Мальчишка отошел к окну и присел на подоконник. Он взял атлас и теперь рассеянно его перелистывал. Книга, судя по пестрой обложке, содержала перечень животных с разных слоев Декады. — Лиана мне рассказывала, что ее дед был чистокровным арахном, стать человеком не мог в принципе. Не знаю, что человеческая женщина в нем нашла и как это вообще возможно, но потом мутация была разбавлена чистокровными людьми.

— Так вот почему серпант рискнул напасть! — воскликнул Тройка. — Он знал!

— Очень редкий случай, — нахмурился регент Орта. — Её способности к превращению изначально слабы и неустойчивы. Вступив в бой, Лиана смертельно рисковала!

— Что это такое? — регент с подозрением уставился на пакетик крови, тягучей и

розоватой, который я вынула из кармана.

— Марибо! — возмутился регент Орта, — Если считаешь, что я позволю вколоть это своей подопечной…

— Позволите, — попросила Рейн. — Потому что это единственный способ помочь ей восстановиться. Возможно, даже раз и навсегда.

— Тебе повезло, что ты не в моей компетенции, — оторопело пробормотал регент Орта, когда пришел в себя от хамства, — Не подпиши анкер свои бумаги, я бы собственноручно предал тебя суду!

— Вы тоже ее слуга, — Рейн играла уже не с огнем, а с лесным пожаром, да что там — с жерлом извергающегося вулкана.

— Эй, вы! — я вышла вперед и взяла обоих регентов за галстуки, — Не верите Рейн, доверьтесь анкеру Земли! Кровь в этом пакете целебна. Она спасет ее!

— Зачем ты трогаешь мой галстук, анкер? — Тройка с опаской посмотрел на затянувшийся узел. — Так и задушить недолго.

— Целебна? — фыркнул регент Орта, отбросив мою руку, — Целебны лекарства, а не эта розовая бурда.

— Офигеть! — с удивлением отметила Рейн, — Не думала, что это будет обидно, но это чертовски обидно!

Датчики на теле Лианы, к которым были присоединены провода, запиликали. Оба регента вскочили: регент Орта выругался и рванул за докторами, не переставая ругаться даже в коридоре, Тройка же с ненавистью глянул на Рейн, словно она была виновна в случившемся.

— Тройка, пожалуйста! — я взяла его за плечи, — Поверьте, это может помочь!

— Что это? — Тройка холодно посмотрел на пакетик, — Целебная кровь? Ха! Не верю! Скажите правду, иначе мне придется придерживаться слов врачей, — с этими словами регент взял шприц, лежащий на столике, с «йодированной кровью» и приготовился сам сделать ей инъекцию.

— Вы слышали о гонениях на Гемме? — Рейн вышла вперед и положила пакет с кровью рядом с Лианой. — О тех, что были организованы против нелюдей?

Регент уставился на нее.

— Только не говори, что ты о вампирах! — лицо Мара, баюкающего руку Лианы, исказила болезненная ухмылка. — Серьезно веришь в бред святош, пущенный турагентами полвека назад?

— Двадцать пять лет назад, вообще-то, — Рейн нахмурилась, — Я не настолько стара. И это были не священники, а инквизиторы.

Регент смерил ее недоуменным взглядом.

— Каковы доказательства, что это кровь вампира? — Тройка скрестил руки, — Я не могу просто взять и подсоединить сюда что попало!

Огоньки на датчиках жизнеобеспечения вновь замигали, на сей раз — красным, а цифры на пульсометре стали быстро падать.

— Эх! Гори оно все, — смирившись, Рейн открыла рот и показательно выпустила клыки, — Ну что? Доказательства из первых уст сойдут?

Лицо регента из бледного стало синим, а Мар просто остался сидеть с открытым ртом.

— Как вы осмелились? — неистовствовал регент Орта, — Вы могли ее убить!

— Я следовал указам медиков, коллега, — Тройка похлопал его плечу, а вспотевшим от ужаса докторам пожал руки, — Спасибо вам за помощь! Кровь с йодом и аммонием была гениальным решением! За спасение анкера вы будете удостоены особых премий.

Доктора важно заулыбались, купаясь в лучах славы.

— Коллега, — Тройка обратился к регенту Орта, — Желаете остаться с анкером, пока она не придет в себя?

— Желаю! — с вызовом в голосе ответил тот, — И я не позволю тебе быть рядом, *коллега!*

Этажом выше слышался ритмичный стук плотницких молотков — дыру в потолке уже заделывали. Всей разношерстной процессией — я с Маром, Рейн и Тройка, — мы вышли из библиотеки в абсолютно пустой коридор. «Муравейник» переварил «шершня», и теперь «муравьи» принимались за свои рутинные дела.

— Полагаю, это стоит держать в секрете? — Мар почесал в затылке.

— Верно полагаешь, — Рейн улыбнулась — нормальной, человеческой улыбкой.

— Почему ты ее спасла? — Тройка неожиданно напрягся. — Это не обратит анкера в вампира? Она точно поправится?

— Нет, не обратит, и да, поправится. Я ее новый протектор, а она мой новый анкер — поэтому и спасла. Моя кровь — хороший мутаген, и поделившись ею с анкером я знала, что она обязательно поможет ей. А вампиром… вампиром становятся иначе.

— Понятно, — Тройка откашлялся, и вампирша бросила на него напряженный, выжидающий взгляд.

Я тоже уставилась на регента, ожидая приговора.

— Рейн, — наконец-то произнес он, — Я готов закрыть глаза на твоё происхождение, если ты поклянешься никого не кусать, не раскрывать свой секрет никому и не обращать никого в вампира.

Рейн кивнула. Они пожали руки, и регент протяжно выдохнул:

— Ладно, сегодня был тяжелый день для всех нас. Распоряжения уже отданы, оставшиеся анкеры на пути в Декаду. По какой-то причине мы не получаем вестей от еще одного нашего отряда — смена с Мийра должна была прибыть час назад. Я начинаю беспокоиться, учитывая нынешнюю… — регент не договорил.

Со стороны Врат раздался громкий взрыв, следом за которым последовали приглушенные крики и отрывистые команды.

— … обстановку, — казалось, регент готов был зарычать, — События приобретают неприятный оборот.

— Декада ведь неприступна, — сказал Мар, пристально глядя на него. — И здесь ничего не взрывается!

Тройка вздохнул:

— Так уверяли элиорцы.

— Ваша светлость! — при первом сигнале тревоги первый протектор Земли, Стелла, уже стояла навытяжку перед регентом. — В портал вбросили перегретый паровой котёл, он взорвался, несколько протекторов ранено. Такой вариант никто не предусмотрел. Мне отправлять свой отряд?

— Излишне, — отмахнулся Тройка, — Там дежурит отряд Виго, их будет достаточно. Если уж на то пошло… — он поскреб скулы, — Расставь своих людей в этом крыле, если не трудно, пускай охраняют вас всех.

— Слушаюсь, — девушка обнажила меч и поднесла лезвие ко лбу — вероятно, в символическом жесте.

— Могу я позвать Эдварда? — спросила я регента, — Я доверяю ему, как никому другому.

— Ага, спасибо большое, я это всецело заслужила, — пробормотала Рейн, бредущая рядом.

— Пускай приходит, если тебе угодно, — регент бросил на вампиршу косой взгляд, — Марибо, останься со своим анкером.

— Я и так тут.

— Анкером Орта, Марибо!

— Блин… — девушка развернулась и побрела назад.

Меня, Мара и Лиану оставили в Сердце, приставив в качестве стражи десяток протекторов. Среди них был Эдвард, чему я искренне обрадовалась.

— Победа будет за нами, — уверенно сказал Эдвард, закрывая дверь в крыло здания, отведённое для анкеров, — Не сомневайтесь.

— Все это говорят, но наверняка ведь знать нельзя?

Протектор посмотрел на меня отстраненным и даже холодным взглядом.

— Вам не надо ни о чём беспокоиться, анкер Алекс.

— Эдвард, зачем ты так! — воскликнула я, почувствовав, как на глаза наворачиваются слёзы. — Ты же мой защитник, не надо быть таким…

— Каким, анкер?

— Холодным!

Эдвард вздохнул, прикрыл глаза.

— Извини, Алекс. Я слишком напряжен сейчас, пострадали мои друзья. Всё будет хорошо.

Он всё равно сейчас казался совсем другим, чем раньше. Но мне стало стыдно. Неведомый враг угрожал всей Декаде, а я требовала от Эдварда какой-то теплоты… словно имела на это право.

— И ты извини, — сказала я, на мгновение беря его за руку.

Ладонь Эдварда была холодной и твёрдой, но поколебавшись мгновение он всё же пожал мне руку. И повторил:

— Победа будет за нами.

Полуразрушенная арка пустовала. Возле нее, сверкая чем-то вроде кольчужных рубашек и легких лат, стояла дюжина, если не больше, протекторов. Что касается тех немногих врагов, что ворвались — то они были искромсаны на месте. В воздухе вперемешку с терпким запахом крови повисло напряжение, и протекторы, казалось, окаменели — хладнокровные, сосредоточенные, готовые к бою.

А вторая волна, вторая попытка непременно должна была последовать. Тройка правильно беспокоился, что антидекадовцы не преминут воспользоваться собранием поверенных — когда представители всех десяти миров собираются в одной зале — чтобы напасть на Декаду. Думаю, его осмотрительному приказу способствовал и наш доклад о «силуэте в лимфе». Так или иначе, опасения подтвердились.

Наступала ночь, а враг все медлил. Было объявлено чрезвычайное положение, в связи с которым выходить за пределы Декады воспрещалось, и поверенные вынуждены были

ожидать вместе со всеми. Их проводили в комнаты для гостей, в то время как Декада, сам дворец и окружающая территория, словно ощетинилась защитниками. Протекторов, на мой взгляд, было несколько сотен. Кроме того, здесь были и наемники, пришедшие с поверенными, и я заметила, что они прекрасно управляются со своим оружием — большей частью холодным, но были и какие-то штуки, напоминающие пистолеты и пулемёты. Видимо, хоть порох тут и не взрывался, но люди всегда найдут способ убивать друг друга. Может быть, это было мощное пневматическое оружие?

Врата были единственным местом, откуда можно было безопасно проникнуть в Декаду, но меня не покидало смутное чувство окружившей нас опасности или, если точнее, *затаившейся* опасности. И дело было не в нападении и не в возможной осаде (несмотря на объяснения Тройки, я так и не поняла, как это возможно, учитывая, что Декада окружена лимфой, в которой нельзя долго находиться), а в том, что мы пребывали в неведении относительно того, как глубоко проникли корни предательства и есть ли предательские настроение среди работников Декады.

Ничего не происходило.

Вскоре меня начал морить сон, я спросила разрешения уйти к себе. Добравшись до комнаты, я плюхнулась в кровать и не заметила, как заснула. На сей раз, без протекторов в комнате или за дверью.

Глава 8. Карты на стол

8. Карты на стол

За ночь количество протекторов у Врат удвоилось — что вовсе не казалось чем-то чрезмерным. Из окна моей спальни открывался вид на склон с Вратами, где рано утром, как и прежде вечером, стояли с мечами наизготовку протекторы. Другой военной силой Фокус не обладал, но и эта внушала уважение.

Я мало что знала о протекторах как таковых. Не знала, как они поступают на службу, где спят и сколько получают за свои работу. Волновали меня и другие вопросы, вроде: многие ли протекторы уходят из опасного ремесла живыми? А если да, то по своей ли воле? Со слов Эдварда, изрядная часть протекторов защищают анкеров всю жизнь. Имел ли он ввиду жизнь анкеров или жизнь самих протекторов?

Как заявили регенты, сегодня от протекторов требовалось не только охранять Врата, но и встретить анкеров, которых решили перевезти в Фокус. Ночью прибыли анкеры Лирии, Геммы и Устоны, теперь ожидали анкера Райт-Райна, Керсария, Элиора и Мийра. Анкерами Геммы и Устоны, как я поняла, были младенцы — их привезли вместе с перепуганными, ничего толком не понимающими матерями. Это могло означать лишь одно: похищенные анкеры этих слоёв были почти сразу же убиты. Видно, такая же судьба настигла и похищенного анкера Элиора — нового «только что обнаружили» — как туманно выразился Тройка.

Содрогнувшись, я поняла, что и вместо меня в Декаде сейчас мог орать и гадить в пелёнки новорожденный ребёнок…

С последним слоем, Мийра, были сложности, так как смена, дежурившая вчера на нем, так и не вернулась, а Десятка наотрез отказался посылать туда еще отряд.

— Будем ждать, — твердил он, — Если смена не объявится, значит, враг взял анкера в плен.

Раздав все надлежащие указания протекторам, регенты удалились в Сердце.

— Дежурство по часу, — скомандовала Стелла, — Мы не знаем, что затеял враг, поэтому нужно быть начеку! Когда прибудет анкер Керсария, я лично проведу ее в Сердце.

Мы с Маром сидели на скамейке возле торгового автомата, откуда было хорошо видно Врата, и наблюдали за приготовлениями протекторов.

— Чипсы, — парень взял в автомате пакетик, — Саш, будешь?

Я вежливо отказалась, не желая перебивать себе аппетит перед завтраком.

Мы вместе наблюдали за происходящим у Врат и заметили, что воздух в арке словно сгустился, и следом несколько человек появились прямо из воздуха. Кто-то упал, кто-то удержался на ногах, протекторы, сторожившие Врата, поспешили помочь им.

Стелла обнялась с Холем, первым протектором Керсария, чья смена сегодня ночью отправилась за анкером девятого слоя. Поблагодарила группу и отправилась докладывать о прибытии анкера регентам. Самого анкера в толпе я видела вполне ясно — это была уже взрослая женщина с крашенными в красный цвет волосами и, на мой взгляд, немного чудаковатой и слишком яркой одеждой.

Холь снял с анкера повязку и начал что-то ей объяснять.

— Если не знать, кто есть кто, можно подумать, что мать ведет своего сына, —

высказал Мар повисшую в воздухе мысль.

Я мысленно представил себе десять слоев Декады, десять миров… на бутерброд похоже. Вдруг какое-то воспоминание ворвалось в сознание: плакат в поезде! Бутерброд из десяти слоев, юноша в нелепой шляпе, пытающийся его съесть, и благородного вида дама, схватившая его за шкирку.

— Думаю, анкера Мийра перехватил враг, — решил Мар, — Возможно, на пути в Фокус. Было бы славно, существуй этот враг на самом деле — не стоит анкеру здесь появляться.

— Хм? — я обернулась к нему, — Ты о чем? Конечно, враг есть! Он нападал на таких как мы!

Мар пожал плечами.

— Ты же знаешь, я из Риххора, мира механики и паровых машин. Электричество я первый раз увидел в Декаде, но не надо считать нас дикарями. Вот к примеру…

Он достал из кармана маленькую коробочку, сделанную то ли из гладко отполированного дерева, то ли из кости. Размером она была не больше спичечного коробка, из неё выступало какое-то колёсико и несколько штырьков-кнопок.

— Что это? — спросила я с любопытством.

— Всего лишь музыкальная шкатулка, — задумчиво сказал Мар. Надавил один из рычажков — и зазвучала тихая приятная мелодия. — Механика и ничего кроме…

Никогда бы не подумала, что музыкальная шкатулка может так звучать! Это было не обычное треньканье и звяканье, которое издают заводные игрушки, а полноценная музыка. Мне даже показалось, что я слышу звуки духовых инструментов!

Мар пощёлкал кнопками — мелодия сменила тональность, потом зазвучала громче, потом началась новая, совсем другая.

— Механика, — повторил Мар. — Крошечные колёсики и шестерёнки, соединённые воедино… Держи!

Он протянул коробочку мне, я машинально её взяла.

— Подарок, — пояснил Мар. — Управление несложное, разберёшься. Там десять часов музыки, заводится сама, от движений твоего тела. Включить-выключить вот этой кнопкой…

— Спасибо… — растерянно сказала я, выключая шкатулку. — Это… это очень круто!

— Так вот, — продолжал Мар как ни в чём не бывало. — Я, как ты знаешь, покинул Риххор в раннем детстве и не по своему желанию. Но в механике немного разбираюсь. Всегда есть пружина или иной механизм, дающий энергию. Есть множество зубчатых колёс, которые передают движение. Есть управляющие механизмы — кнопки, рычаги, верньеры. Есть оконечные механизмы — делающие ту или иную работу, в случае музыкальной шкатулки — музыку. И есть цель — то, для чего устройство создано. Шкатулка создана чтобы дарить человеку радость. Жизнь, если рассудить здраво, та же механика…

Он скомкал пустой пакетик чипсов, поискал глазами урну, вздохнул и зашвырнул мусор в кусты.

— Какая цель происходящего? — спросил Мар.

— Убить анкеров, — ответила я.

Мар поморщился.

— Это не цель, это работа. Цель мы не знаем! Можем предположить, что цель — уничтожение Декады, но и это не наверняка… Мы знаем какая работа происходит: нападения на анкеров, их убийства… считай это всё звучащей мелодией. Откуда берётся для

этого энергия тоже в общем-то понимаем.

— Да? — удивилась я.

— Антидекадовцы. Их хватает в многих мирах. Они есть и среди знающих, которые хотят большей власти, и среди изоляционистов, которые хотят прервать все контакты десяти миров.

Я кивнула. Это звучало вполне разумно.

— Итак, мы знаем источник энергии происходящего и знаем работу, промежуточные действия, — продолжал Мар. — Мы примерно догадываемся об управляющих механизмах — кого-то можно купить, кого-то запугать, кому-то польстить и поддержать его амбиции. Но кто давит на кнопки и какой цели добивается, нам пока не ясно.

— Остались ещё зубчатые колёсики, — напомнила я.

— Молодец, Саша, — согласился Мар. — Кто вокруг нас может непрерывно двигаться, передавать импульсы энергии, отзываться на нажатие кнопок, играть на чужих чувствах? Кто настолько вездесущ?

У меня похолодело в груди.

— Регенты? — сказала я неуверенно. — Знающие?

— Регентов отбирают и готовят очень долго, они проходят множество проверок, безоговорочно преданы миру, откуда пришли, — сказал Мар. — И к тому же каждый обладает полнотой информации лишь о своём слое. Если бы вдруг все регенты стали предателями, им не потребовалось бы никаких усилий по уничтожению анкеров.

— Но тогда… нет! — воскликнула я. — Нет!

— Самому не хочется так думать, — согласился Мар. — Но Лиана давно об этот говорит, думаешь, почему она недолюбливает протекторов?

— Мар, но нельзя же так, просто исходя из догадок… — умоляюще произнесла я. В этот миг мне казалось, что достаточно переспорить анкера Риххора, и всё сразу станет хорошо.

— Не только из догадок. Слишком складно все получается, — Мар хмыкнул. — И тут протекторы успели вовремя, и там поспели в нужный миг. Тут помогли защититься, там навалились на врага гурьбой, жертвуя своими жизнями…

Я недоуменно смотрела на Мара.

— Думаешь, они готовы гибнуть, чтобы осуществить этот план?

— Не обязательно. Убитых протекторов в своём доме ты видела?

— Нет, их видел Эдва… — я осеклась на полуслове. — Но были же убитые, их видели другие! И те, кого выкинули во врата!

— Люди всё-таки не шестеренки, — согласился Мар. — Кто-то из протекторов остался верен долгу — их устранили свои же. Помнишь, что говорили про нападение на Гемме? Большая часть протекторов погибла убитая ударами в спину. Знающие Геммы подозревали протекторов и даже заточили двоих в темницу. Неудивительно, кстати, что на Гемме большинство осталось верным своему долгу — первый мир построен на клятвах, преданности, протекторы так или иначе нахватались всей этой рыцарской чуши…

— Но тогда выходит, что протекторы убили мою маму! — выдохнула я.

— Не обязательно, — сказал Мар. — Саш, ты их видела? Видела их тела? Мне сказали что мои умерли от чумы, но я не знаю наверняка. И Лиана про своих не знает. Так что… можешь утешиться. Возможно, они и живы.

Скорее всего Мар просто хотел меня подбодрить, но эти слова вывели меня из замешательства. Я снова начала думать… вот только спорить с Маром стало куда сложнее.

— Не догоняю. Если они хотели нас предать, зачем им весь этот цирк? Почему сразу не убить? Или не похитить всех вместе?

— Значит, они вынашивают какой-то иной замысел, — пожал плечами анкер. — Оглянись! Поведение протекторов, их эмоции, громкие речи… все это слишком похоже на спектакль. И чем дальше, тем больше.

— Глупости говоришь! — я замотала головой. — Это паранойя какая-то! Эд… он такой, весь правильный и героический… А Рейн спасла меня, а потом Лиану!

— Тихо, Саш, тихо, — Мар огляделся, — Может, я и не прав. Но мы не знаем конечной цели. И уж тем более не знаем, кто жмёт на кнопки, кто управляет и антидекадовцами, и протекторами. Допусти на миг, что пережитые тобою опасности были расписаны по сценарию.

— То есть как?!

— Ты вошла в вагон, где тебя уже ждали. Откуда им известно время? На тебя напали: откуда им знать тебя в лицо? Допустим, у них маг, а у тебя — сильная аура. Почему они не похитили тебя сразу, а устроили весь тот цирк? Очевидно! Они ждали Эдварда и Рейн! Ждали, пока они придут и «спасут тебя».

— Мар, прекрати, ты меня пугаешь!

— На кой черт вообще тащить с собой столько люпенов? Можно обойтись одним-двумя профессионалами! Но для красивой картинки и в ожидании прописанной сценарием кровавой бойни, они притащили ту массовку, — анкер усмехнулся, — не предупредив их, конечно, что они обречены. Или, когда Эдвард покинул тебя, сославшись на то, что ощутил колебания на Лирии. В Сердце протекторы заявили, что он успел как раз вовремя. Да брось, серьезно, что ли? В жизни так не бывает!

Я покачала головой. Мне безумно не хотелось соглашаться, но Мар продолжил, добивая меня:

— А этот серпант? Он словно и не собирался тебя убивать! Да и напал на тебя лишь после того, как в Сердце было решено отложить переброску анкеров. Он играл свою роль «доброго полицейского», поверенного, пока не пришлось сыграть роль «злого», напав на тебя и склонив чашу весов на принятие долгожданного решения.

— Я доверяю Эду и Рейн! — упрямо повторила я. — Больше, чем тебе!

— Они этого и добивались, — кивнул Мар, — Саша, антидекадовцы не собираются убивать анкеров! И никогда не хотели! Убьёшь анкера — родится новый. Захватишь одного-двух-трёх — Декада насторожится. Им нужны мы все!

Я почувствовала, что по спине пробегает холодок, а кожу охватывают мурашки.

— Когда Девятка объявил перевод анкеров под крышу Декады, их цель была достигнута. Теперь протекторы ждут, пока прибудет последний анкер!

Я была настолько ошеломлена его размышлениями, что замолчала. Верить в это не хотелось, но, с другой стороны, все складывалось идеально. Регенты получали всю информацию об анкерах от протекторов. Никто иной не мог нырять по мирам так быстро, как они, и не обладал такой полнотой информации! Я была свидетелем лишь одного нападения — на меня саму, но не это ли заставило меня проголосовать на суде в защиту протекторов? Предположим, враг выбрал меня в качестве алиби для них, не рядовой пешки в игре, а ферзя! Не мой ли голос был ключевым в решении оправдать протекторов и перевезти всех анкеров в Декаду?

— Мар, — сказала я, убеждая не то его, не то саму себя. — Но ведь протекторы сами

выбрали своё служение. С чего бы им предавать дело своей жизни?

— Сами? — Мар рассмеялся. — Они не любят про это распространяться, но делс обстоит несколько иначе. В протекторы вербуют совсем ещё юных бойцов, не старше двадцати-двадцати одного года… когда они находятся на грани жизни и смерти! Элиорские маги, да и сами протекторы отслеживают таких, следят за местами сражений, наблюдают за мятежами и беспорядками. И если видят подходящего юнца — делают предложение. Как ты думаешь, многие ли им отказывают? Вместо неминуемой смерти — новая жизнь, вечная молодость… но при этом невозможно отказаться от служения Декаде. Их переносят в лимфу, они общаются с эолами — и, если те их принимают, становятся протекторами. Если нет — их исцеляют и делают негоциантами. Вначале они все довольны, но проходят года, десятилетия, они не взрослеют, у них нет семей и детей… кто-то вообще сам остаётся вечным ребёнком. А пути назад нет. Так ли они благодарны Декаде через двадцать или пятьдесят лет службы? Вечные юнцы и юницы со старой усталой душой?

— Прекрати, немедленно прекрати! — я ощутила покалывания в кончиках пальцев, голова вдруг закружилась, — Мне дурно…

— Нельзя отворачиваться от опасности, — сказал Мар. — Как и недооценивать ее. Если перед тобой неизвестный механизм, не спеши совать в него пальцы — можно пораниться. Сперва надо изучить его, понять принцип его работы. Только тогда можно остановить шестеренки…

Из Фокуса вышел отряд Холя и зашагал по тропинке к Вратам. Мы молча проводили их взглядами. Холь, проходя мимо, молча кивнул нам в знак приветствия. Я видела Эдварда: он стоял чуть в стороне, заменяя Стеллу в руководстве стражей, поглядывая одновременно в сторону Сердца. Еще четверть часа назад я думала, что он следит за потенциальными предателями, однако после убедительной дедукции Мара мною овладели сомнения.

— … или поломать! — анкер был мрачнее тучи. — Жаль, инструкция не прилагается.

Я с ужасом представила себе Фокуса: «оазис спокойствия в океане хаоса» — со слов Тройки, — да только опасность может нагрянуть и не со стороны воды, а из недр самого острова.

— Мы в западне, — Мар откинулся на скамейку. — И ждем, когда крышку захлопнут.

Что делать? Позвать регентов и обвинить протекторов в измене? Или подойти к Эду или Рейн и поставить вопрос ребром? Регенты наверняка не поверят, а протекторы в лучшем случае продолжат играть роль, а в худшем — схватят и «закроют крышку» раньше времени.

— С другой стороны, возможно я напридумывал чуши, — Мар искоса поглядел на меня. — Тем, кто давит на кнопки и всем управляет, можешь быть и ты. Или я сам. У каждого есть мотивы.

— Каковы же мои? — его слова меня задели, но на обидки не было сил.

Мар назойливо крутил локон волос, погруженный в свои мысли:

— Например, ты узнала, что являешься номинальной хозяйкой своего мира, а живёшь как простая девчонка.

— Да как бы я узнала? — возмутилась я.

— Тебе нравится Эд, — сказал анкер. — А вдруг и ты нравишься ему? Он следил за тобой всю твою жизнь, оберегал… ты выросла… и он влюбился! Открылся тебе, рассказал все тайны. И вы задумали коварный план — как захватить власть в Фокусе, ну или хотя бы поставить тебя во главе третьего слоя!

Я возмущённо фыркнула. Да, конечно, Эд мне нравился… но чушь ведь полная!

— Мои резоны могут быть точно такими же, — продолжал Мар. — Или я могу быть антидекадовцем, который мстит за гибель родителей — ведь пожелай того Фокус, и лекарство от чумы немедленно доставили бы в мой мир! У Лианы тоже хватает причин…

— Хватит паниковать и искать врагов среди друзей, — оборвала я его. — Мы в одной лодке вообще-то!

— В одной бочке. На лодке можно пристать к берегу или на худой конец прыгнуть в море, а из бочки, дрейфующей в море, сбежать нельзя!

— Можно попросить добрых богов прибить бочку к берегу, — на скамейку, появившись из ниоткуда, присел элиорец, — Или найти краник под вино, выкрутить его и выползти самому, — он подмигнул нам и заговорщически улыбнулся.

— Откуда вы взялись? — я вскочила. — Это бесчестно, прикрываться магией!

— Вы говорите об опасностях и бегстве, — небрежно бросил элиорец. — А возмущаетесь невинной маскировкой человека, который на вашей стороне. Мы никогда не разглашаем чужих тайн и всегда соблюдаем свои обязательства.

— Хочешь предложить ещё одну сделку? — спросил Мар. В отличие от меня он совсем не удивился появлению посланника.

— Ещё одну? — маг удивлённо приподнял бровь. — А-а… ты про Рейн? Да, мы нашли компромисс. Сейчас я надеюсь всего лишь на дружеский разговор с вами двоими.

— У нас деликатный разговор.

— Это я понял. Но, может быть, вам нужны гарантии безопасности, например? Магические? Чтобы в случае чего полагаться на самих себя?

Сколько же всего он успел услышать? Только наши опасения за свою судьбу, или же подозрения в адрес протекторов?

— С чего ты решил, что нам это нужно? — осторожно спросила я.

— Всегда стоит принимать в расчет худшее развитие событий, — заметил маг, — Сейчас таковым является прорыв обороны и захват Фокус.

— Что ты хочешь взамен?

— Ничего.

Краем глаза я увидела, что Эдвард и Стелла отошли от Врат и направились к нам. Я совсем не горела говорить с ними, боясь, что ненароком выдам свои подозрения, поэтому осталась сидеть.

— В чем подвох? — я прищурилась, — Душу попросишь? Или какую-нибудь неожиданность?

— Нет. Хочу, чтобы вы двое выжили, — элиорец улыбнулся, — Это большее, на что я могу надеяться.

Протекторы уже вышли на тропинку и зашагали к нам. До них было пару десятков метров.

— Черт с тобой, тогда договорились! — я пожала магу руку.

— Правильное решение, анкер, — юноша улыбнулся и вынул из кармана две монетки. Сунул их мне в ладонь, — Это одна из валют Райт-Райна, золотая де́сна. Монеты прокляты, мне их дала графиня Роунберг в качестве… сувенира. Я доработал проклятие, исключив негативные эффекты. Теперь они зачарованы так, что пока обладатель монеты держит ее под языком, он будет незрим для окружающих.

— Невидимость? — заинтересовался Мар. Он потянулся за монетами, я кивнула и отдала ему одну.

— Нет, абсолютной невидимости не существует, это ненаучное понятие, — маг поморщился, — Вы станете безразличными для окружающих, попадете в их слепую зону, сольетесь с толпой, покажетесь фоном, понимаете? Это сильная магия, даже я с трудом смогу ощутить вас, подойди вы вплотную, а уж для окружающих и друг для друга вы станете ничем. Это гарантированный способ избежать преследования, но не сбежать из Декады. Тут ничем не помогу: вам нужен проводник, — маг встал и зашагал прочь, — До свидания, еще свидимся!

Проходя мимо протекторов, он учтиво приподнял шляпу. Эдвард, как всегда в знак приветствия, коснулся набалдашника меча, Стелла проводила его бесстрастным взглядом.

— Все поверенные сейчас в западном крыле, отдыхают, — Эдвард оглядел нас, — Объявлено осадное положение.

— Мы знаем. Хотели немного посидеть тут.

— Опасно, — Эд присел к нам на скамейку, но то ли почувствовал какое-то напряжение, то ли спохватился, что сидит на одной скамейке с анкерами — и встал. Мар положил свою руку на мою и легонько похлопал, мол, играй свою роль.

— Этот маг — странный тип, — пробормотал Эд, ни к кому конкретно не обращаясь. Мы не ответили, и он продолжил, — Регенты недовольны, ведь анкера Райт-Райна еще нет. Он посмотрел на меня, ожидая реакции.

— Не могут найти? — я выдавила улыбку, — Что поделать, хотя бы мы в безопасности. Уверена, они скоро и до нее доберутся.

— Что?

— Говорю, скоро они до нее доберутся и вернут в Фокус.

— Да, — протектор отвел взгляд, — Да.

Кажется мне, или Эд действительно стал вести себя подозрительно, будто бы напряженно ожидая чего-то?

Проклятье! Я уже не могла понять, где мои домыслы и опасения, а где правда!

Глава 8. Часть 2

Время шло. После завтрака, Мар проведал Лиану, в надежде, что она полностью поправилась, но вернулся печальный.

— Ее жизнь вне опасности. Так говорят врачи. Но она все еще спит.

— Не беспокойся, с ней все будет в порядке. Я верю Рейн.

— Ты ее лучше знаешь, — уклончиво ответил Мар. — Тебе виднее.

Рейн больше не появлялась на улице, и приказ Тройки сторожить ворота пропустила мимо (хотя именно ее регент не звал и ее отсутствия словно бы и не заметил). Несмотря на то, что я пообещала хранить ее секрет, меня она тоже старательно игнорировала, даже когда мы пару раз пересеклись в коридоре. Интересно, что за муха ее укусила?

Эд, которому я вернула статус своего протектора, стоял в бессменном дозоре — может, так Тройка был уверен, что он ничего не нарушит. Может, поэтому мы с Маром, не зная, чем себя занять, полдня провели в «комнате отдыха». Сыграли на приставке в какую-то незнакомую мне игру, потом покатали шары на бильярде (ни один из нас играть не умел, но каждый изображал из себя профессионала). Когда надоело, анкер Риххора любезно провел для меня экскурсию по «лестнице славы» — той самой, со скульптурами, — но сделал акцент на табличке под статуями, где перечислялись протекторы, защищавшие того или иного анкера. Мар с каким-то упоением рассказывал героические истории о протекторах и их подвигах, но под конец сделался хмурым, и голос его перешел на невнятное бормотание.

— Говорил же, все фальшь, — он постучал ногтем по золоченной табличке, — Я о них тебе говорю, словно пересказываю книжки или фильмы!

— Некоторые просто могут быть очень хорошими людьми, — я пихнула его локтем, напоминая о конспирации, — Ты потише говори, хорошо? Вдруг у них и слух лучше?

— Да-да, прости.

— Не будь таким мрачным, — я похлопала его по спине, подбадривая, и шепнула, — Они нас пока еще не предали — и, может, не предадут. Пойдем, ты обещал показать мне спортивный зал.

Мар пожал плечами и повел меня вниз по лестнице и дальше по коридорам.

— Я удивлюсь, если там не будет переносной кузницы или, по меньшей мере, заточки для мечей. — попыталась я разрядить обстановку, — Как считаешь?

— Сомневаюсь… мечи-то особенные.

— Мар, почему все протекторы дети? Разве взрослые — не лучший вариант?

— Я тоже задавался этим вопросом, — анкер бросил на меня быстрый взгляд, — Ни регенты, ни сами протекторы объяснить это не смогли или не захотели. Все говорят, что это «дань традиций» и «так заведено».

— А регентам не интересно, почему вербуют только молодых?

— Может и интересно, Саша. Но они принимают это как традицию со времён Зиро. Думаю, они пытались выяснить и уверен, что ничего не узнали, — анкер открыл дверь из матово-белого стекла и пропустил меня вперед. — Скорее всего никакой тайны нет, только молодые способны войти в симбиоз с эолами… Вот и залы. Сам в свое время здесь зависал, — он попробовал поиграть бицепсами и вздохнул, — только заленился в последнее время.

Его слова заставили меня задуматься. Не те, что о бицепсах, а о наборе протекторов. То

есть как это — регенты не знают? Мне казалось логичным, что регенты набирают протекторов через какой-то отбор, вроде турнира или испытания — разве Рейн выбрали не так? Нужно уточнить этот момент у Тройки.

Я прошла в глубь зала, встречая тот тут, то там протекторов, поднимающих штанги, отжимающихся, упражняющихся на перекладинах. Какой-то тип подтягивался на двух пальцах одной руки, другой — перекатывал автомобильную шину. Внимание привлек подросток, залезший на шведскую стенку и висящий на некотором подобии не то штыря, не то палки с крестовиной на конце. Подросток перебирал красные от напряжения руки, удерживая себя только на одной. В какой-то миг руки его соскользнули, и он упал — с трех-четырех метров. Приземлился он мягко и с почти кошачьей грацией.

— Тридцать две, — бросил его товарищ, глянув на часы, — Моя очередь. Спорим, продержусь час?

Они что, о минутах говорили?

— Эй! — сзади в меня уперлись две руки, — Подвинься!

Я удивленно отошла в сторону, пропуская девчушку лет десяти-одиннадцати. Та выполняла странное упражнение с пружинами, прикреплёнными к стене. Девочка отступала назад, натягивая их до предела, и медленно возвращалась. Судя по весу ребенка и толщине резинок, для успешного выполнения этого трюка девочку кто-то должен был держать за ноги, чтобы ее не притянуло к стене, однако эта справлялась сама. Да еще болтать успевала!

— Она тоже протектор? — спросила я Мара.

— Видать.

— Ты… — я аккуратно тронула ее за плечо, опасаясь, что при моем прикосновении «чары» спадут и ее вмажет в стенку, — Сколько тебе лет?

— Десять с половиной, — девочка фыркнула, — А ты уже старая. Тебе сколько? Сто пятьдесят?

— Полегче! — Мар вступился за меня, — Мы анкеры, последи-ка за язычком!

— Идите в жопу, анкеры, — девочка бесцеремонно оттолкнула его одной рукой и продолжила свое монотонное занятие. Мар, едва устояв на ногах, сделался бледным как смерть.

— О-хре-неть, — анкер Риххора сверлил малявку дикими глазами, — Ты… ты что себе позволяешь?! Ты какому слою служишь, коза? Кто твой регент? Я ему на тебя настучу, мелкая проказа, на всю жизнь на плантации сошлют!

Девочка остановилась и повернула к нему голову. Медленно, словно в шею ей была встроена шестеренка с очень старым моторчиком. Я не сразу заметила, но все остальные протекторы прекратили то, что они делали, и тоже на нас смотрели. Не наблюдали, а просто смотрели. Как тогда, в поезде.

Я пнула Мара в бок, шепнула:

— Пойдем отсюда. Мне не по себе.

— Я же говорил, — анкер Риххора сжимал и разжимал кулаки, — С ними что-то не так.

Мгновение в зале царило напряжение. Затем раздался бух! — это девочка упала на колготки, припав лбом к полу.

— Прошу прощения, анкер Риххора, — она говорила, не поднимая головы, — Я не знала, что это вы! Подумала, наглые негоцианты пришли…

— Но ты же прямо так и сказала! — вспылил Мар, — «Анкеры, идите в жопу».

Девочка приподняла голову и посмотрела на него невинными детскими глазенками.

— Извините? — она, совсем на маленький ребенок, не знающий, за что его ругают, стала смотреть по сторонам, то ли ища поддержки у товарищей, то ли пытаясь не заплакать, — Я… я не понимаю, на что вы злитесь, анкер! Честное-пречестное! Простите, анкер, я не понимаю!

— Какого черта? — Мар выглядел сбитым с толку, — Я не собираюсь больше притворяться! Вы меня заколебали, хоть в воду бросайся…

— Не нужно, анкер! — девочка вцепилась ему в подол, — Вы нужны своему миру! Вы нужны Декаде!

— Отстань, — анкер схватил меня за руку, и мы выскочили из зала, — Запереть бы их, но я не знаю, как.

— Думаешь, они…

— Уверен. Видела, как они на нас смотрели?

— Но она извинилась!

— Они нас держат за дураков. Думают, мы поведемся на всю эту мишуру с извинениями и лестью!

После обеда мы с Маром вместе навестили Лиану — анкер Орта уже проснулась и была в состоянии говорить. Мы немного поболтали — доктора наотрез отказались покидать пациентку, поэтому некоторые темы затронуть не удалось. Да и не хотелось волновать Лиану рассказами о наших подозрениях. Она была ещё очень слаба и всё равно не смогла бы ничем нам помочь.

— Покормите моих псов? — попросила девушка, — Они ласковые, правда…

И мы покормили. Даже я, с детства панически боящаяся собак, принимала в этом участие — насыпала корм в миски, которые Мар поставил у конур. Собаки сперва есть отказались, недоумевая, почему это их кормит незнакомка, но, понюхав угощение, дружно уткнулись мордами в миски. Маленькие кусочки мяса полетели из-под их челюстей в разные стороны.

Может, они и были дружелюбными в душе, но на вид оставались двумя косматыми сторожевыми псами. После кормежки у меня остались смешанные чувства. Все-таки, детская травма — приставучая штука.

— Ваши светлости анкеры Риххора и Земли, — позади нас вырос Тройка. Мужчина учтиво поклонился и произнес, — Мне следует проводить вас внутрь Декады, снаружи скоро станет небезопасно.

— Почему?

— Декада неприступна, но наши источники сообщают, что лимфа волнуется — мы полагаем, что это прикрытие, которое используют маги врага для попытки нашего «абордажа». Регенты бы хотели видеть вас в безопасности. Здесь будет много крови.

— Как угодно, — Мар пожал плечами, — Мы ведь пойдем, Алекс?

Что поделать? Раз так безопаснее, стоит пойти. Наверное, ни Рейн, ни Эдварду нельзя говорить ни слова, да? Я кивнула. Мы последовали за регентом в Сердце и вверх по лестнице.

— К сожалению, анкер Райт-Райна не прибыл, а анкера Мийра так и не нашли. Может дело в шторме лимфы. Или знающие и… протекторы не смогли ее отыскать. Так или иначе, мы не можем больше их ждать, нам следует защитить Врата от любого проникновения. Мы уже поставили… протекторов и отдали команды магам.

Он словно запинался, говоря о протекторах, и это мне не понравилось.

— Магам?

— У нас есть парочка… — Тройка оглянулся, будто проверяя, нет ли рядом чужих. — Алекс, Мар, не хочу вас пугать. — Но не стоит безоглядно доверять…

— Протекторам? — спросила я прямо.

Тройка кивнул. На его лице отразилось облегчение, словно он избавился от необходимости говорить тяжелую и неприятную правду.

— Да. Мы не можем им больше доверять… собрать вас всех в Декаде было ошибкой!

— Простите… — прошептала я, понимая, что именно мой голос стал решающим.

— Твоей вины нет, дитя, — Тройка покачал головой. — Идём, идём быстрее! Маги сумеют переправить вас в ваши миры.

— Домой? — оживился Мар, с трудом поспевая за регентом. — Чтобы защитить?

Тройка помедлил, но хоть и с неохотой, но ответил:

— Чтобы если вы погибли, то это случилось в вашем слое. Простите, но…

Он не успел окончить фразы, как путь нам преградил Холь.

— Куда вы их ведете?

— В безопасность, — коротко ответил регент. Мы стояли ниже по лестнице, и Холь нависал над нами в куда более удобной позиции.

— Ваше дело — защита Декады. Мое — защита анкеров, — ответил Холь. — Оставь их мне, старик.

Тройка окатил юнца холодным взглядом:

— Не смей мне перечить, протектор!

Парень не ушел с дороги.

— Если вы отведете их в Сердце, это может нарушить безопасность анкеров, — сообщил Холь. — И тогда это станет нашей заботой. Поэтому…

— Что?! — глаза регента вспыхнули от мгновенной ярости, — Вы что себе позволяете? Я знаю, что для них лучше! А теперь — прочь с дороги! Вы обязаны повиноваться, протектор!

Холь не двинулся. Положил руку на набалдашник меча. Покачал головой:

— К сожалению, в этих обстоятельствах…

Тройка не стал дожидаться окончания его слов. Вскинул трость и ударил — будто колол шпагой. Трость при этом движении внезапно преобразилась, превращаясь в узкий тонкий клинок, пронзивший Холя насквозь. Протектор покачнулся. Тройка выдернул лезвие, вновь обретающее вид трости, я успела заметить, что клинок светился тусклым фиолетовым светом.

— Вы убили протектора, регент! — произнес Холь, скалясь в победоносной улыбке, кровь хлынула у него изо рта. — Вы — опасность.

Он упал, скатившись по ступеням мимо нас, и кровь, обильно хлеща из раны, забрызгивала ступени.

Снизу на лестнице показались Стелла и несколько протекторов, среди которых я увидела и ту самую дерзкую «малявку». Она смотрела только на Мара и недобро улыбалась. Стелла первой вынула меч:

— Вы вредите Декаде, Тройка. Вы опасность для анкеров. Вы опасность для лимфы.

— Алекс, началось, — шепнуть мне Мар, — Приготовь монету — скоро побежим.

— Куда? — я в ужасе заозиралась.

— В библиотеку, — анкер сжал мою руку, — Все получится, обещаю. Монеты сработают. Встретимся там.

Стелла в два прыжка преодолела шесть или семь ступеней и взмахнула мечом. С поразительной ловкостью и реакцией регент вскинул трость, вновь обратившуюся в клинок, и отбил направленный в него меч.

— Алекс, Мар, бегите! — регент размахнулся и в резком выпаде пронзил старшей из протекторов бедро. Та, не издав ни звука, припала на колено. Регент встал между нами и на миг замершими протекторами, выкрикнул: — Запомните… меня звали Питер! Я верен третьему слою!

Оставшиеся протекторы выхватили мечи и напали на Тройку. На этот раз регент не успел уклониться, лишь едва-едва задел своим странным мечом руку пронзительно взвизгнувшей «малявке». Но двух других он остановить не смог. Один меч пропорол регенту плечо, другой задел живот. Он выронил магическую трость и рухнул на колени.

— Мы позаботимся об анкерах, — Стелла встала, провела по лезвию ладонью, и взяв меч в обе руки, с размаху снесла регенту голову.

В ужасе, накатившем на меня, я отвернулась, дрожащими руками стиснула монету.

— Алекс, давай! — Мар сунул монетку в рот и куда-то пропал. Я даже стала сомневаться, стоял ли он все это время рядом со мной. Из оцепенения, охватившего мое тело, меня вывело прикосновение чего-то невидимого к моей руке. Голос Мара произнес в самое ухо:

— Под язык!

Стелла вытерла меч о джинсы, протянула мне руку:

— Пойдемте, анкер, мы о вас позаботимся.

Рана в бедре её будто и не заботила — да и кровь уже течь перестала.

Я сунула монету в рот. Лицо Стеллы мгновенно исказилось. Полученная от элиорца монета оказалась настолько действенным трюком, что я сначала даже не поверила, что протектор всерьез меня не видит. Она будто притворялась, словно родитель, играющий с маленьким ребенком в прятки.

— Черт, магия! Обыскать здесь все, — Стелла спрятала меч. — Она не могла далеко уйти.

Девица сунула два пальца в рот и оглушительно свистнула. На её сигнал прибежала толпа протекторов. Бежали они сверху и снизу, перепрыгивая через ступеньки, и, лавируя между ними, я кое-как смогла добраться до перил, встав в укромном месте.

— Сюда все смены! Регенты нас предали! Вторая смена, приведите Лесни и Чарта, они заменят павшего Холя. Зари ранена, к врачу её!

— Как велите, — часть протекторов кинулась по сторонам. Кто-то взял раненую Зари на руки и побежал к медпункту.

А беловолосая Стелла продолжала отдавать приказы:

— Связать всех регентов. Окажут сопротивление — убейте.

Я закрыла глаза и попыталась не закричать от ужаса. К горлу подступил комок — хорошо еще, что я почти ничего не ела на обед, и меня не вырвало — такое бы окружающие точно заметили.

— Пускай найдут всех анкеров и приведут в зал заседаний, — Стелла обернулась и взяла первую попавшуюся протекторшу за плечи, — Рейчел, на тебе генератор маны! Беги и выключи его! Так мы свяжем руки элиорцам, — она щёлкнула пальцами, подзывая к себе

других, — Дэни, Мартин! Идите к нашим торговым друзьям, проведите зачистку. Уверена, там полно предателей! Я же займусь поиском бедного, загнанного анкера Земли. Дальше Декады она все равно уйти не могла!

Протекторы отсалютовали своему лидеру принятым у протекторов жестом — двумя ударами кулака в грудь, и разбежались по коридорам. Стелла же пока осталась стоять, озираясь по сторонам и словно бы даже принюхиваясь. Когда её взгляд скользил по мне, я вздрагивала. Но протектор не могла меня увидеть.

— Если ты здесь… — произнесла она негромко. — Лучше выйди, появись. Наши действия могут тебя пугать, но мы вынуждены так поступать, чтобы предотвратить большее зло… Выйди, поговорим! Это и для вашей пользы, анкер. Вас обманывают и используют, вы гораздо важнее, чем думаете…

Я молчала. Тогда Стелла злобно выругалась и ушла, держа руку на мече.

Нужно было спешить. Я поняла, что времени у нас с Маром осталось не так много, и рванула в библиотеку, стараясь не налететь на бегущих рядом со мной протекторов, и надеясь не встретить в библиотеке новых врагов.

Можем, всему виной адреналин, но я ясно помнила карту коридоров. По крайней мере, нужных мне. Ни разу не заплутав, я добежала до библиотеки и распахнула дверь. Здесь уже не было ни следа от недавнего разгрома, даже пробитый потолок выглядел как новенький…

К счастью, Мар смог добраться сюда.

К несчастью, у его горла держала меч Рейн.

Глава 8. Часть 3. Эпилог

— Ну привет тебе, Алекс, — протектор ощерилась, — Вынь эту дрянь из рта и брось сюда. Без фокусов.

— Ты можешь меня видеть? — я вынула монету изо рта, не без удовольствия, надо сказать — кислый вкус был неприятен.

— Я могу отвести взгляд другим, а вот меня заморочить очень сложно! — она крепче сжала плечо Мара, из-за чего тот застонал и упал на колени, — Что ты здесь делаешь? Почему вы не с другими анкерами?

— И ты, Рейн?

— Алекс! — прорычал Мар, — Она чокнутая, я ей никогда не верил! Она запросто может меня укусить, она же чертов вампир!

— Слышишь его, Алекс? — Рейн улыбнулась, — Так что не пробуй взять меня на слабо! Мне уже давно *не слабо.*

— Ты не одна из них, — я закрыла двери библиотеки, — Антидекадовцы не хотят нашей смерти — по крайней мере не сейчас, потому не угрожают нам убийством. Выходит, ты снова сама по себе, да?

— Хм-м, — протектор улыбнулась, — Ты неглупа. Мне правда тебя немножко жаль! Жила бы и дальше, ни о чем не тревожась, не сойдись несчастливые звезды над тобой! Мы обе были прокляты еще с рождения.

— Алекс, помоги… — попросил Мар. К моему удивлению, по щекам его покатились слезы. Раньше он казался таким сдержанным и сильным, что это напугало меня ещё больше.

— Цыц! — Рейн направила меч на меня, — Да, я не участвовала в заговоре, но с радостью его поддержу! Получу повышение, если наши решат воссоздать Декаду под своей властью, или приму мешок звонких и умою руки! Поскитаюсь по мирам, попью крови — может, даже на Землю загляну! Но тебя не трону, как и обещала.

— Мы обе знаем, что этому не бывать, — я медленным шагом пошла вперед, — А как же Эдвард? Как же Лиана? А регенты?

— Тройка мертв, — вампирша повела носом и снова оскалилась, — Я чувствую это даже отсюда. Остальные регенты скоро за ним последуют.

— Рейн, я думала, мы наконец-то нашли компромисс, — я была уже в нескольких шагах от протектора, хоть и не представляла, что мне делать, когда я подойду ближе.

— Стой, где стоишь! — бросила Рейн нервно, — Иначе не сносить ему головы!

— Что насчет Корнелиуса Марибо? Что он скажет, если узнает, что ты продала друзей ради денег?

Молчание. Похоже, своим вопросом я все-таки задела ту, возможно, единственную еще живую струну, которая оставалась в ее душе́.

— Как вы сбежали? — неожиданно спросила вампирша.

— Миодан дал нам проклятые монеты. В обмен на обещание выжить.

— Поспешное решение.

— Рейн, пожалуйста, отпусти Мара.

— Я уже говорила тебе, что не стану ради твоей шкурки рисковать своей, Алекс.

— Убьешь его — тебя убьют протекторы. Я же говорю, они не хотят нашей смерти.

— Хм! — вампирша ухмыльнулась, — Тогда пойду, сдам его им!

— Блефуешь. Ты не такая.

Вампирша сжала губы в узкую линию. Костяшки ее пальцев побелели, мышцы руки, сдерживающей меч, напряглись. Мар перестал плакать и теперь просто вздрагивал каждый раз, когда лезвие смертоносного меча-эола касалось его шеи.

— Рейн, прошу тебя не как анкер — протектора. Ты всегда презирала эту службу. Прошу тебя не как человек — вампира, вампирам плевать на людей.

Протектор молчала. Мар смотрел на меня, выжидая моих слов. Я собралась с мыслями и произнесла:

— Прошу тебя как человек — человека. Потому что человеческого в тебе больше, чем ты всем показываешь.

Рейн замерла. Затем перевела взгляд на Мара, на меч, приставленный к его горлу.

— Я была рождена в семье, где на людей смотрели как на пищу.

— А потом нашла отцовскую любовь среди людей, — сказала я.

— Не дави на больное… — Рейн поморщилась. — Моя сентиментальная привязанность к старику…

— Слишком человеческая.

— Мою настоящую семью убили люди!

— Мою тоже! — выкрикнула я, чувствуя, что слезы наворачиваются на глазах. В этот миг я поняла, что так и не поверила в утешительные слова Мара. — И кто бы это ни был, протекторы, оборотни или мутанты, мы все равно люди!

Рейн продолжала крепко держать Мара за плечо, поглядывая на дверь в коридор.

— Ты же моя единственная подруга! — выкрикнула я. И внезапно поняла, что сказала не просто правду, а лишь половину. — А я — твоя!

Рейн разжала хватку, и Мар скользнул на пол.

Я обхватила Мара и обняла его, помогая подняться.

— Рейн, спасибо.

Вампирша покачала головой:

— Зря ты меня уговаривала… подруга. Пользы вам от этого не будет.

— Алекс, она забрала монету! — в отчаянии произнес анкер, — Мне не сбежать!

— Она скоро будет бесполезна, — Рейн отвернулась, — Как и все магическое здесь…

Отошла чуть в сторону, затем развернулась и окатила нас пронзительным взглядом:

— Убирайтесь отсюда, Фокус не спасти. Здесь расплодилось слишком много предателей: они перерезали тех, кого посчитали опасным, и теперь ищут вас. Лиану уже забрали…

— Что? — воскликнул Мар, — Нет!

— Вам нужно скорее уходить отсюда, пока это еще возможно, — не сказав более ни слова, девушка направилась в глубь библиотеки и скрылась за стеллажами.

Внезапно по Фокусу пронеслась низкая нота — что-то среднее между пароходным гудком и гулом ветра. Вслед за ним раздался шорох, точно всюду были установлены песочные часы, и теперь, повернутые разом сторуким великаном, они зашуршали в унисон, отсчитывая песчинку за песчинкой.

— Что это было?

— Декада создана искусственно, и магии здесь никогда не было, — Мар болезненно поморщился, — Регенты ее хотели, поэтому заказали у риххорцев и элиорцев генератор магической энергии, маны. Генератор поддерживал в этом месте искусственный магический

фон.

Двери библиотеки открылись, и внутрь вбежало двое протекторов.

— Анкеры здесь! Ден, зови всех!

— Черт, — я рывком подняла Мара с пола и побежала вглубь библиотеки. Не знаю, что мною руководствовало, но я чувствовала, что отдаваться в руки ворвавшихся нельзя.

Мы пробежали между отделами книг о мирах, остановились на перекрестке флоры и фауны Земли, после чего я взяла на себя роль провожатого и потянула Мара в тот укромный уголок, где еще вчера мы с Тройкой, Эдвардом, Рейн и Маром спасали жизнь Лианы. Я очень хотела взять анкера Орта с нами, хоть и понимала, что у нее может не быть сил ходить.

Когда мы забежали в уголок для чтения, девушки там не оказалось. Диван, временно служивший ей больничной койкой, пустовал. Капельница лежала рядом, опрокинутая, столик перевёрнут, лекарства валялись на полу.

Рейн не солгала, Лиану и впрямь забрали!

— Куда теперь? — спросил Мар.

— Есть вторые двери, на другом конце зала. Туда, — я потащила его вперед.

Мы могли слышать, как в дверь вломились протекторы. Громкие шаги, бряцанье ножен, затем — окрик, вероятно, к Рейн:

— Где анкеры?

— Отвечай, если хочешь жить! — поддакнул женский голос.

Мар с мольбой потянул меня за руку, но я мешкала. Второй выход из библиотеки был совсем рядом, и мы могли при случае улизнуть, но сперва я хотела услышать ее ответ.

— Где-то здесь. — судя по голосу, протектор была спокойна. — Я пыталась им помешать, но не смогла.

— С кем я сейчас говорю? — не унимался протектор. — Ты с нами заодно?

— Я на стороне победителя.

— Пойдешь с нами, декадовка! — резкий женский голос. Затем послышался скрип туфель по паркету и глухой звук удара.

— Я вам не враг, — голос Рейн. — А вот анкеры с каждой секундой все дальше.

— Саша! — Мар стиснул зубы, — Скорее!

Уже покидая отдел торговых и исторических связей, мы едва не столкнулись лбами с парнем лет двадцати, одетым в лилово-белую одежду.

Негоциант?

Парень схватил меня за плечо, но не той железной хваткой, какой умели хватать протекторы. При желании я могла бы вырваться и влепить ему по лбу, но тогда поднялся бы крик…

— Ни с места, анкер, вы…

Этот картавый, срывающийся голос.

— Блун? — я открыла от удивления рот, — Негоциант Земли третьего разряда?

Юноша ошарашенно умолк. Оглядел меня с головы до ног.

— Анкер Земли? Я думал, здесь только риххорец! — он снова глянул на меня, на сей раз с видным смущением. — Неужели вы меня помните?

— Ты лучший негоциант из всех, кого я знаю! — я скорчила самую обиженную мину, которую только могла, — Не верю! Блун, только не говори, что ты замешан в этом цирке!

— Нет-нет! Что вы, госпожа анкер! — затараторил парень, — Я вообще не люблю цирки! Протекторы… это все они! Честное слово! Поставили нас перед выбором: расстаться с Декадой или с головой!

— Я понимаю, Блун, — я сочувственно положила руку ему на плечо, — Но ты должен меня отпустить! Так поступают настоящие герои!

Парень не шелохнулся, руки с плеча тоже не убрал.

— Блун, — я встретилась с ним взглядом, — Я думала, мы друзья.

— Друзья? — юноша поднял брови, — С анкером? Так не бывает!

— А вот и бывает! — я стала на ходу импровизировать. — Мы ровесники — раз. Живем под одной крышей — два. Ты помог мне тогда с бумагами, как настоящий друг — три. И я прощаю тебе твою измену — четыре. Видишь? Друзья.

Блун медленно разжал хватку.

— Да, точно друзья! — пробормотал он, будто убеждая себя, — Прости анкер, я вовсе не хотел тебе угрожать! — он указал на вторые двери и произнес, — Там сейчас никого нет, протекторы держат всех по комнатам и допрашивают. Если поспешите, сможете сбежать через южный вестибюль!

— Спасибо тебе, — повинуясь мгновенному порыву, я встала на цыпочки и чмокнула в щеку. Блун будто остолбенел от этого, а я и сама не понимала, что на меня нашло — решила его совсем уж обязать, или впрямь была настолько благодарна?

Мы с Маром уже выбегали из читального зала, когда я вдруг увидела маленькую библиотечную стремянку. Вспомнив пару фильмов, я схватила находку и уже хотела ее пристроить к двери с обратной стороны, как меня вдруг одернул Мар. У него в руках были тонкие плоские стержни. Отмычки? Я покорно уступила ему место — пара щелчков, он запер дверь, потом что-то резко дёрнул и внутри замка хрустнуло.

— Это их задержит… надеюсь. — он спрятал отмычки в карман, и мы побежали.

Внутри библиотеки еще слышались раздраженные голоса, а мы уже неслись вниз по лестнице, не встречая на пути ни одного протектора или негоцианта.

— Неплохо сработано! — Мар, вероятно, имел в виду силу моего убеждения. — Вижу, ты создала себе удачную маску.

— Просто стараюсь быть собой.

Спустившись на первый этаж (на лестнице негоциантов тоже были какие-то статуи, но времени их рассмотреть не было), мы шмыгнули через прихожую. Я невольно обратила внимание, что пол здесь был выложен узорчатыми мраморными плитами, на стенах горели изящные хрустальные фонари — вот тебе и бухгалтеры и счетоводы! Пронесшись к выходу, мы вынуждены были остановиться — проём был закрыт чем-то вроде раздвижной двери или турникета. Прозрачные, украшенные узором пластины начинались почти у самого пола, а заканчивались выше моей головы. И почему-то я была уверена — разбить их нелегко, если вообще возможно.

— Какого черта? — возмутился Мар. — Здесь должно быть открыто!

Я посмотрела на будку консьержа и увидела, что там сидит уже знакомая мне женщина в полувоенной форме мышиного цвета.

— Анна Васильевна, — это было даже не приветствие, а скорее констатация факта. А что, если и эта ворчливая, но безобидная на вид старушка — в сговоре с протекторами?

— Сегодня тут дежурю. — старуха приподняла очки и уставилась на меня, — Там теперь шумно и крови много, попробуйте в таких условиях реестры заполнить.

— Нет времени объяснять, нам нужно…

— *Алекс!* — сзади раздался окрик.

Мы с Маром синхронно оглянулись и вскинули головы: пятью пролетами выше, перескочив перила и балансируя на кромке бортика, раскачивался мой протектор.

— Эдвард? — я не знала, чего в моем голосе было больше: облегчения от того, что он жив, или страха от того, что он может быть предателем.

Внезапно протектор положил руку на ножны и… прыгнул!

Мар вскрикнул и попытался проползти в щель под дверями, что конечно же не удалось, а я так и осталась стоять, словно позируя для очередной статуи анкера.

Эдвард камнем ухнул вниз, и через пару мгновений с гулким ударом приземлился на ноги. Он погасил скорость, приземлившись на колено и руку, словно супергерой из комиксов.

Под свист и одобрительные крики побратимов, спускающихся по-человечески, Эдвард вынул ногу из выбоины в камне, образованного его ботинком (из чего они сделаны?), и нетвердой походкой пошел вперед. Прыжок дался ему недешево! Бежать протектор не мог, а его левая рука приняла неестественный изгиб, однако протектор упрямо шел вперед, словно танк.

— Выпусти! — Мар бросил на консьержа умоляющий взгляд. — Ты нас сейчас погубишь!

— Если дело особой важности, то идите, — вздохнув, отмахнулась консьерж. — Но не забудьте потом принести карточки!

Прозрачные пластины медленно поползли в стены, открывая выход.

— Саша! — Мар двумя руками раздвинул створки и протиснулся наружу. — Скорее!

— Алекс! — Эдвард с неприятным звуком вправив себе руку, — Мы тебе не враги. Ты нужна нам, всё будет хорошо.

Послышался топот: это протекторы добежали на первого этажа и теперь неслись в нашу сторону.

— Ты хочешь увидеть родителей, Сашенька? Маму и папу? — голос Эдварда оставался размерен и убедителен, как раньше, да только «Сашенькой» бы меня Эдвард никогда не назвал. Тогда кто он?

— Прости Эд. — пятясь, я протиснулась в проем вслед за анкером Риххора. Не знаю, что сделала Анна Васильевна, закрывая за мной створки двери — нажала на кнопку, надавила на рычаг или просто мысленно скомандовала. Но створки, не успев разойтись, принялись сходиться.

Скрепя сердце, чувствуя, что больше не могу верить Эдварду и оттого вот-вот расплачусь, я выбежала на улицу и остановилась рядом с Маром.

Секундой позже донесся визг металла, и вот уже лезвие эола пронзило стекло как масло. Вряд ли Эдвард хотел нас убить, скорее лишь ранить. Я вскрикнула от неожиданности.

— Не бойся его силы. — Мар усмехнулся. — Дверь сделана элиорцами.

Я поняла, что он имел в виду, когда пробитые прозрачные пластины стали плавиться и стягиваться обратно в дверь. Я слышала крик Эдварда — лезвие меча так и осталось торчать в недрах двери, словно попавшее в смолу насекомое.

— Открой немедленно! — послышался приглушенный крик. — Открой проклятую дверь! — заорал Эдвард. — Убью!

— Пропуск у вас с собой? — откинувшись в кресле, Анна Васильевна вытянула из коробочки сигарету и, щелкнув несколько раз зажигалкой, закурила. — Без пропуска я и Зиро не пропустила бы.

В будку консьержа вошла Стелла. Угрожающе занесла меч.

Анна Васильевна выпустила ей в лицо струю дыма и скрипуче рассмеялась.

К моему удивлению, Стелла опустила клинок и отошла, бросив на старую женщину взгляд одновременно злой и напуганный.

— Идём, идём! — Мар дёргал меня за руку, но я никак не могла оторваться от открывшейся сцены.

Эдвард на миг оторвал на руки от меча, но вскрикнул и тут же приник к нему всем телом, словно за спасательный круг.

— Будь все проклято! — выругался мой бывший протектор. — Врата никто не сторожит! Они могут сбежать!

— Куда? — сзади к юноше подошла Стелла, положила подбородок ему на плечо. — Без нас им не нырнуть…

— Кто ты? — неожиданно задал странный вопрос Эдвард.

— Стелла, первый проте…

— Прекрати паясничать! Кто ты?

— Я Вега, эол Стеллы. — несколько обиженно ответила девушка. — Дурацкое имя, согласна, но Стелла раньше увлекалась астрономией и…

— Хватит болтать! — зарычал юноша. — Помоги мне выбраться!

— Мальчишка тебя испортил, Миротворец. — промурлыкала девушка. — Ты стал нервным и нетерпеливым, совсем как человек! Видишь, куда ты угодил?

Только в этот момент я и поняла всё до конца.

Мятеж устроили не протекторы. Заговор был делом их эолов!

Вроде бы никто даже не скрывал, что мечи протекторов — на самом деле живые и разумные существа, обитающие в лимфе. Я ведь сама разговаривала с этим Миротворцем! Но какая-то общая уверенность, что эолы абсолютно безопасны, что их связь с протекторами — их личное дело, существовала у всех.

Наверное, даже у самих протекторов, пока они не поняли, что теперь не они владеют мечами — а мечи ими.

— Мне дурно. — протектор бледнел лицом, по лбу потекли струйки пота. — Это стекло… с ним что-то не так…

Стелла щелкнула пальцами, и к дверям приблизилось еще несколько протекторов. Все как один приставили мечи к двери и синхронно надавили — металл поддался, как масло, но на сей раз застыть не успел — протекторы вырезали целый пласт, который Эдвард вытащил внутрь вместе с мечом. Если меч так и остался заперт — то теперь в небольшом куске магического стекла. Отступив на шаг от коварной двери, Эдвард развернулся к Стелле и посмотрел на неё с явной яростью.

Да кто же из них командует? Эдвард или Стелла, Миротворец или Вега?

— Запас магии в двери невелик, — сказала Стелла примирительно. — Сейчас он иссякнет и…

Дослушивать мы не стали. Мы с Маром бежали через сад в сторону Врат.

— Что дальше? — спросила я, запыхавшись, — Куда теперь?

— Дальше? — Мар удержал меня за плечо, прося замедлиться, — Сбежим через Врата!

— Сбежать *как?* — накинулась на него я, — Ты умеешь нырять? Или, может, у тебя на примете протектор понадежнее Эдварда?

Мар застыл на месте, словно громом пораженный.

— Черт возьми. Ты права. Нам не сбежать.

Фыркнув, я на четвереньках подобралась к вершине холма и посмотрела вниз, где по моим соображениям должны были быть Врата. Каменная арка там была. Но еще там был с десяток протекторов, с мечами наголо и одетыми… парадно? В ярких красно-желтых накидках, неуклюже смотрящихся поверх их привычной легкой кольчуги.

— Мар, они ждут своё начальство. Как встретят, наверняка оставят Врата без присмотра.

— Не верю, — Мар замотал головой, — Все равно кто-нибудь останется. Но даже если уйдут, что дальше?

— Давай всё же попробуем нырнуть? Вдруг получится? Здесь оставаться нельзя.

Мар посмотрел на меня.

— Ты даже не представляешь, насколько права, — эти слова окончились металлическим щелчком.

Я оглянулась и уставилась на анкера. В руках у Мара оказался маленький пистолет или револьвер, я не сильно в этом разбираюсь. Выглядело оружие изящно, словно ювелирное украшение — наверное, из-за золотистого цвета. Но всё-таки никакого сомнения в том, что это оружие для убийства, у меня не было.

— Мар, убери пушку, — я попыталась уйти из-под дула, но Мар упрямо продолжал наставлять револьвер на меня.

— Сам его собрал, — сказал анкер. — Заводной револьвер, у нас такие в ходу. Он почти весь золотой — и корпус, и курок, и барабан. Даже пули из золота.

— И порох? — попыталась я пошутить.

— Он заводной, тут нет пороха, — очень серьёзно ответил Мар. — А знаешь, почему золотой? Для многих существ золото — яд.

— Мар, успокойся, мы в одной команде!

— О да, я знаю! — юноша невесело рассмеялся, — Я знаю, Алекс! Знаю! И потому мь оба должны умереть!

— Что ты такое говоришь?

— Тогда, в библиотеке, — Мар сжал зубы от злости, — ты сказала мудрую вещь: мы нужны врагам живыми! С нашей помощью они хотят уничтожить Декаду! Как ты не видишь очевидного и единственного выхода? Нам никак не сбежать. Если прыгнем в портал — умрём в муках. Лучше уж так… Ты не бойся, я метко стреляю…

— Ты свихнулся, Мартиус! — я перешла на крик, уже нимало не заботясь о скрытности — наоборот, хотела привлечь внимание протекторов.

И они пришли. Окружили нас, прижимая нас к каменной глыбе на вершине холма. Когда они добежали — один уже перекинулся в шестилапого арахна, а двое других обратились в вервольфов. Никого из протекторов это, впрочем, не смущало. А ещё меня поразило, что даже гигантский паук сжимал в одной из лап меч-эол.

— Прочь, твари! — Мар потряс револьвером в воздухе, — Ваши дурацкие мечи вышли из моды уже лет триста назад! Шаг в нашу сторону — и я застрелю сначала ее, затем себя!

Протекторы переглянулись.

— Мар, опусти пистолет, — я выставила руки перед собой, — Мы можем попробовать

договориться с ними.

— У тебя крыша поехала! Похоже, я единственный здесь в здравом уме! — Мар зашелся истерическим хохотом, дуло пистолета плясало в воздухе. — Я разгадал их план! Им нужны все анкеры для контроля над Декадой, а мы убьём себя и победим!

— Нет, Мар! Наша смерть — не выход!

Юноша постоял, размышляя.

— А знаешь, что, Алекс? — он поднёс ствол к губам и подул в него, — Ты права! Достаточно будет лишь одной смерти! Выбирай, мы вместе или ты одна, или я?

Я растерянно смотрела на него, пытаясь понять, всерьёз ли он это говорит. Мар, казалось, не до конца был уверен в своих словах.

— Мар, ты не…

— Да шучу я, — он болезненно поморщился. — Для надежности надо уйти вместе.

— Вижу, я вовремя, — со стороны Сердца в нашу сторону шла Рейн. Протекторы неохотно расступились перед ней, — Похоже, зря я тебя не укокошила, да?

— Да! — с готовностью отозвался Мар, — ты бы оказала услугу и Алекс, и себе, и всей Декаде! А теперь мы умрём! — он направил ствол на меня и нажал спуск.

Звук был не похож на обычный выстрел, скорее — на звонкий щелчок, будто распрямилась туго сжатая пружина.

Я закричала.

Дуновение ветра, передо мной кто-то встал. Шелест меча, вылетающего из ножен.

Дзинь-г!

Я открыла глаза. Рейн стояла передо мной с оголенным лезвием. Судя по звону и тому, что я еще жива, похоже, ловкость вампирши ее не подвела.

— Ты больше не мой анкер, я — не твой протектор, — признала она, — Но всё-таки мы обе люди. К тому же — подруги.

— Что же, — Мар прищурился, глядя то на Рейн, то на меня.

А потом нажал на спуск — и пистолет, мелодично звякая, начал стрелять

Первая пуля со свистом пронеслась совсем рядом с головой, у меня даже волосы раскидало. Вторую вампирша отбила лезвием, выставив его плашмя: послушался противный тренькающий звук, и земля в метре от меня взорвалась камушками и почвой. Третья попала в Рейн — она выругалась, когда кольчуга на левом плече разлетелась осколками металла. Третья пуля прошила мне плечо и, вылетев со спины, попала в голову какому-то незадачливому протектору. Четвертая — рикошет! Рейн смогла отразить выстрел. Пятая — тоже мимо! Или… не мимо?

Я приложила руку к груди. Больно. Жжется.

Рейн подскочил к Мару и полоснула его по правой ноге, перерезая мышцы, сухожилия, может, даже кости. Парень взвизгнул и упал, выронив револьвер и скрючившись на земле. Его подхватили протекторы и потащили к зданию. Кто-то носком ботинка отбил пистолет в сторону, словно опасаясь к нему прикоснуться. Анкер продолжал кричать и вырываться, хотя, может, он просто корчился от боли.

Боль.

Рейн сжала зубы и приложила руку к своему плечу.

— Черт, — вампирша потрогала пальцами разорванные края дырки, которую оставила пробившая кольчугу золотая пуля.

— Золото смертельно ядовито для вампиров, разве нет? — Эдвард поднимался по

склону, протекторы почтительно расступались перед ним, — Как думаешь, сможет Затмение залатать тебя, спасти от такой раны? Сила эола велика, но мертвого из могилы не поднимет…

— Эд? — Рейн с трудом присела на траву, опустила голову и стала массировать место попадания. По ее руке и одежде уже расплывалось кровавое пятно.

— Эдвард в данный момент отсутствует, — юноша с улыбкой опустился возле бывшей подруги, сорвав цветок и вдохнув его аромат, — Спасибо тебе, Рейнгольд за то, что ты прикрывала собой Алекс. Анкер Риххора поистине непредсказуем, но он не дурак — ее смерть нарушила бы планы госпожи.

— Кто ты? — Рейн тяжело дышала.

— Меня звали Миротворцем, — протектор подобрал револьвер анкера Риххора и без лишних слов направил вампирше в лоб, — Извини, пора с тобой заканчивать. Затмение я верну в лимфу, оно не пострадает.

— Эд… — я знала, что обращаюсь не к своему другу, а ко злу, его заменившем, но боль в груди все нарастала, мешая уже нормально соображать. Я сидела, привалившись к валуну, и не находила в себе силы ни встать, ни двинуться. Из раны, которую я пыталась зажать, толчками била кровь. И на губах была пузырящаяся кровь, и дышать стало трудно и больно. — Я… кажется… меня ранило!

Протектор обернулся и посмотрел на меня. Когда он увидел рану в груди, то что-то в его лице изменилось.

— Холь! — закричал он вниз по холму, — Медиков Тройки сюда, живо! — ему что-то ответили, и он вернулся лицом к вампирше, — Пора, — он вскинул пистолет.

— Я могу ее спасти, — произнесла вампирша, — Своей кровью.

— Я могу тебя убить и нацедить столько крови, сколько нужно, — парировал парень, — Нет нужды.

Щелкнул предохранитель, дуло уперлось Рейн в волосы.

— Убей меня — и кровь потеряет свои свойства, — Рейн нагло улыбнулась, — Решение за тобой. Рискнёшь довериться человечьим врачам?

Парень не выстрелил. Постоял, перевел взгляд с вампирши на меня, с меня — в стороны Декады, выискивая взглядом медиков с носилками. Никого пока видно не было.

— Кто сейчас командует, Миротворец или Вега? — спросила Рейн. — Кто примет ответственность за постыдное поражение перед самой победой?

— Твоя взяла. Лечи ее, — Эдвард схватил вампиршу за плечо и рывком поднял. — Спасёшь — будешь жить.

— Больно! — застонала Рейн.

— Ты же уже не маленькая, да? — протектор хмыкнул, — Тебе сколько? Лет пятьдесят?

— Пошел ты… — вампирша опустилась на колени возле меня.

— Рейн, я ничего не понимаю, — я пыталась сфокусировать взор на протекторе, но силуэт ее расплывался, — Кто враг? Кто друг? Ты мне помогаешь?

— Можно и так сказать, — шепнула Рейн, снимая нож с моего пояса и крутя в пальцах, — Слушай внимательно: не пугайся голоса у себя в голове, слушай его, но поступай по-своему, доверься ему там, где тело сковывает страх…

— Что? — её слова показались мне бредом.

— Я не буду лечить тебя кровью, — прошептала вампирша. — Я не жилец — эол не сможет очистить меня от золота, я буду медленно и мучительно умирать. А вот твое

сердце…

— Сердце? — повторила я беспомощно. Неужели пуля пробила мне сердце? Почему я вообще до сих пор жива…

— Они тебя все равно убьют. Я спасу тебя, дав новую жизнь.

— Ты чего там копаешься? — Эдвард взялся Рейн за плечо, но девушка ловким движением выхватила меч и, вывернувшись, вонзила ему в грудь.

— Тварь! — парень отошел на пару шагов, роняя пистолет и глотая ртом воздух, — Рейчел, Стелла!

Рейн вновь склонилась надо мной и взмахнула рукой.

Я ощутила острый, как игла, укол в грудь, и все вокруг стремительно потемнело. Не успела я вымолвить и слова, как тьма окутала меня всю и забрала себе. Мне показалось, что падение в темноту длится вечно, и я ощутила страх: вдруг смерть именно такая, бесконечная тьма и страх…

Рейн тоже меня предала?

Рейн ударила меня моим собственным ножом в сердце?

Внезапно, также мгновенно, как навалилась тьма, в глазах забрезжил свет, и я невольно потянулась к нему.

Свист в ушах, боль во всем теле, солнечный свет режет глаза…

— Держи крепко, — кто-то сунул мне какой-то тяжелый и холодный предмет в руку, — Он теперь твой. Полируй его раз в неделю, не реже.

Холод металла под пальцами, липкие следы крови и пота, запах страха и растерянности. А еще словно электрический ток, прошедший по моему телу и напитавший его новыми силами.

Я широко раскрыла глаза и сфокусировала взгляд на говорящей. Рейн! Вампирша казалась неестественно бледной.

— Какого дьявола… — я в ужасе осмотрелась. Судя по всему, мой бесконечный полет в никуда был иллюзией, потому что в реальности прошла пара секунд — люди, шестилапый ортианец и мохнатые райт-райновцы все еще окружали нас.

— С рождением тебя, — Рейн, до того придерживающая рукоять меча, отпустила его полностью. Как только витая рукоять покинула ее ладонь, вампирша вся сжалась, как от сильной боли, и схватилась за шею — на ней с ужасающей быстротой расползался длинный шрам. Шрам обильно кровоточил, кровь быстро пропитывала одежду вампирши.

— Мне он без нужды, — выговорила Рейн, скалясь и глядя на Эдварда. — Я отдаю свою кровь и свою боль для последней схватки. Так было и так будет у моего народа.

— Схватить обеих! — закричал Эдвард. Протекторы, паук с Орта, оборотни с Райт-Райна, мийрицы — все двинулись вперед. Но как-то очень неуверенно.

— Рейн, я…

— Уходи.

— Какое кому дело, если ты умрёшь?! — закричала я, — Я тебя не брошу!

— Мне плевать на твое мнение, — девушка натянуто улыбнулась.

«Вставай! Вставай! Вставай!» — вдруг закричал голос в моей голове.

Не понимая, откуда во мне взялись силы и желание бороться, я моментально встала на ноги, подхватила пистолет Мара. Вот уже третий раз он сменил хозяина. Едва я коснулась оружия, как паук и двое оборотней отшатнулись назад. Видимо, золотые пули пугали их не меньше, чем вампиров.

Я повела стволом, целясь то в одного, то в другого протектора, и те остановились. Непонятно было, кто пугает их больше — истекающая кровью вампирша или я, с мечом и пистолетом в руках…

— Беги в портал, — скомандовала Рейн. — Ты всё поймёшь, эол тебя направит. Затмение — она другая. Эолы разные, как и люди…

Арка — путь на свободу — не охранялась, путь был открыт. Эдвард что-то закричал, послышались шаги, команды…

— Алекс? — голос Рейн.

Я обернулась.

— Встретишь фокусника с Элиора, передай мою благодарность, — девушка протянула черную каменную пластину, отполированную как зеркало, вложила мне в карман. Камень был размером и весом как смартфон. — Он поймет, за что.

— Да схватите же их! — приказал Эдвард и в этот раз протекторы подчинились.

Они кинулись на нас — а Рейн, одна и безоружная, истекающая кровь, приняла бой. Её тело двигалось так быстро и легко, что казалось размазанным и неясным силуэтом, от которого разлетались в разные стороны протекторы.

«Иди! Иди! Иди!» —голос в голове не позволял ослушаться. *«Она умирает за тебя, у Рейн есть лишь несколько секунд!»*

Я повернулась и, не сказав более ни слова, не колеблясь и не сомневаясь, побежала к порталу.

За моей спиной слышались крики и нечленораздельные возгласы. Вампирша Рейн приняла за меня свой последний бой.

Кажется, я плакала.

Бежать было на удивление легко, из меча в моё тело лилась ровным потоком нечеловеческая сила.

А ещё я чувствовала, что сердце в моей груди больше не бьётся.

Кажется, его вообще не стало.

ЭПИЛОГ

Холод больше не обжигал.

Я даже не поняла, каким образом вышла из Фокуса в лимфу. Вот я бегу через каменное кольцо, на вершине холма ещё слышатся крики и шум боя…

А вот мир тускнеет и исчезает, будто стёртый рисунок…

И вокруг остаётся бескрайняя белая гладь.

Как её описать?

Снежное поле? Но под ногами не снег, а лишь холодная мягкая белизна. Нет ни неба, ни линии горизонта, ничего — белое ничто, на котором я стою. С плеча срывается капля крови и падает, растворяясь в белизне. Мне холодно, но этот холод приятен и почему-то привычен. Вдох больше не обжигал. И смотреть я могу совершенно спокойно, вот только единственное, что вижу — саму себя и меч Рейн в моей руке.

— Где я? — прошептала я.

«Ты в лимфе, Алекс. В кармане вокруг Фокуса. Не выпускай меня из рук, во-первых, ты потеряешься в лимфе, а во-вторых, умрёшь. Теперь ты не сможешь жить без меня», — прошептал голос в моей голове.

Я посмотрела на меч.

— Почему?

«Ты мертва. Мы способны на симбиоз с людьми лишь в миг их смерти. Рейн убила тебя, чтобы ты смогла жить».

Я помнила, как говорила с Миротворцем, это было похоже, но этот эол был другим.

— Кто ты?

«Эол. Рейн звала меня Затмение, но ты вправе дать новое имя».

Я сглотнула вставший в горле комок.

— Нет, Затмение. Я не стану менять твоё имя. Почему ты не предал Рейн?

«Нам надо уйти, Алекс. В кармане нас могут легко найти. Двигайся вперёд, пока не почувствуешь тёплое касание к правой щеке. После этого повернись и иди налево. Мы не должны выходить в артерию, там нас нагонят, пойдём через лимфу».

— Почему я должна тебе верить? — закричала я.

Мой голос словно затухал возле самого рта. Но мне вряд ли нужно было говорить вслух.

«Потому что больше тебе некому верить. Иди вперёд».

И я пошла. Мне действительно некому было верить, и я брела сквозь холодное ничто, пока невидимое, упругое, тёплое не коснулось моего лица — словно мягкий пузырь.

— Что это? — воскликнула я.

«Неважно, это пустой мир… Повернись налево. Иди…»

— Нет, ответь, почему ты не предал? Или не предала?

«У нас нет полов, называй как хочешь. Рейн считала меня парнем. Что же касается предательства…»

Я ругалась с эолом, но сама всё же повернула и пошла сквозь белое ничто. Пустой мир? Как это, что это? Тёплый упругий комок в лимфе, который я ощущаю, но не вижу — это целый мир? Планета?

«Ответ сложнее, чем твой вопрос. Миротворец и Вега защищают эолов, потому что Декада рано или поздно разрушит лимфу и уничтожит всех нас. Им не доставляет радости губить людей, но они сделали выбор в пользу эолов».

— А ты?

«А я считаю, что есть ещё шанс спасти всех. Всё сложно, Алекс».

— Но почему ты на нашей стороне?

Я почувствовала что-то вроде сдавленного смешка.

«Во-первых, я очень молод. По вашим меркам совсем мальчишка. Во-вторых, я ещё помню, как был человеком…»

— Что? — выкрикнула я.

«Поверни налево. Вот так… и теперь придётся долго идти. У нас будет время всё обсудить».

— Как долго?

«До твоего мира, мы ведь туда идём? Примерно неделю. Но не волнуйся, теперь тебе не обязательно есть или спать. Разве что для удовольствия».

Я чуть было не разрыдалась.

А потом решила, что не дам этому "мальчишке", пусть он хоть трижды эол, увидеть мою слабость.

— Тогда рассказывай, — велела я.

«Всё началось больше двух тысяч земных лет назад», — прошептал голос в моей голове.

«Великий элиорский маг Зиро стал изучать лимфу, окружающую миры. Он бы, конечно, рассказал всё лучше…»

— Но он мёртв.

«Если бы…» — прошептал эол. «Впрочем, все истории имеют начало и конец, надеюсь, что история Зиро тоже закончится. А вот начало я сейчас тебе расскажу…»

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net